

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Ивановский государственный университет»

На правах рукописи

БЕЛОЗЕРОВА Александра Владимировна

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ ИНИЦИАТОРА КОНФЛИКТА В
АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Специальность 10.02.04 – германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Карташкова Фаина Иосифовна

Иваново 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава 1. Теоретические проблемы речевой, невербальной и гендерной коммуникации.	12
1.1 Основные положения теории коммуникации.....	12
1.2 Теория речевых актов и теория речевой деятельности.....	15
1.3 Речевое воздействие. Понятие коммуникативной тактики и стратегии. ..	21
1.4 Основы теории невербальной коммуникации	23
1.5 Кооперативный и некооперативный виды общения. Специфика конфликтного поведения человека.....	35
1.6 Теория речевых жанров. Речевой жанр «ссора».....	48
1.7 Основы современной гендерологии	55
Выводы по главе 1.....	60
Глава 2. Гендерная специфика верbalных и неверbalных компонентов коммуникативного поведения инициатора конфликта.....	63
2.1 Специфика верbalного поведения инициатора конфликта в ситуации некооперативного общения.....	64
2.1.1 Лексические особенности верbalного поведения инициатора конфликта.....	65
2.1.1.1 Лексические особенности маскулинного верbalного поведения	67
2.1.1.2 Лексические особенности феминного верbalного поведения	74
2.1.2 Грамматические особенности верbalного поведения инициатора конфликта.....	79
2.1.2.1 Грамматические особенности маскулинного верbalного поведения	80
2.1.2.2 Грамматические особенности феминного верbalного поведения.....	83

2.1.3 Стилистические особенности описания поведения инициатора конфликта.....	88
2.1.3.1 Стилистические особенности маскулинного вербального поведения	88
2.1.3.2 Стилистические особенности феминного вербального поведения	95
2.2 Языковая репрезентация невербального поведения инициатора конфликта в ситуации некооперативного общения.....	101
2.2.1 Языковая репрезентация маскулинного невербального поведения	101
2.2.2 Языковая репрезентация феминного невербального поведения.....	108
Выводы по главе 2.....	115
Глава 3. Гендерная специфика описания различных видов конфликта в художественном тексте.....	117
3.1 Эксплицитный конфликт в художественном тексте	120
3.1.1 Конфликтогены эксплицитного конфликта	120
3.1.2 Тактики развертывания эксплицитного конфликта	123
3.1.2.1 Маскулинные тактики развертывания эксплицитного конфликта	123
3.1.2.2 Феминные тактики развертывания эксплицитного конфликта.....	126
3.1.3 Способы разрешения эксплицитного конфликта	128
3.1.4 Сложные коммуникативные целые, описывающие ситуацию эксплицитного конфликта	131
3.2 Имплицитный конфликт в художественном тексте	145
3.2.1 Конфликтогены имплицитного конфликта	150
3.2.2 Тактики развертывания имплицитного конфликта	151

3.2.2.1	Маскулинные тактики развертывания имплицитного конфликта.....	152
3.2.2.2	Феминные тактики развертывания имплицитного конфликта	154
3.2.3	Способы разрешения имплицитного конфликта	156
3.2.4	Сложные коммуникативные целые, описывающие ситуацию имплицитного конфликта.....	158
	Выводы по главе 3.....	165
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	168
	СПИСОК ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ.....	190
	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	191
	ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ Ошибка! Закладка не определенна.	
	Приложение 1.....	194
	Приложение 2.....	203

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время лингвистическая прагматика уделяла внимание кооперативному типу общения. П. Грайс и Дж. Лич создали модели, нацеленные на достижение эффективного взаимодействия и сотрудничества. Их идеи в дальнейшем получили развитие в работах лингвистов XX-XXI веков. Не только кооперативное, но и некооперативное общение в фатической коммуникации занимает важное место в современном мире. Психологи, нейрофизиологи и конфликтологи исследовали феномены возникновения конфликта и конфликтного поведения человека. Лингвистические исследования, в основном, направлены на изучение вербальной составляющей некооперативного общения – речевой агрессии. Конфликт с точки зрения лингвистики рассматривался в дискурсивном ракурсе, в аспекте теории речевой деятельности и теории речевых жанров. Так, К.Ф. Седов, разрабатывая теорию речевых жанров, выделяет скору как ядерный жанр некооперативного общения. Скора как распространенная форма общения людей во многом исходит из невербальной коммуникации. В связи с этим целесообразно говорить не о речевом, а о коммуникативном жанре, который включает в себя наблюдение не только вербального, но и невербального поведения человека. Стоит заметить, что лингвистические исследования невербального поведения человека в ситуации некооперативного общения ранее не были проведены. Очевидно также, что невербальное поведение мужчин и женщин в ситуации некооперативной интеракции предполагает различия. Это связывает проблематику некооперативного общения людей не только с невербальной коммуникацией, но также и с гендерной лингвистикой. Настоящее диссертационное исследование, посвященное рассмотрению некооперативного общения как формы коммуникативного взаимодействия мужчин и женщин, выполнено в ракурсе прагмалингвистического и гендерного подходов к языку.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что коммуникативный жанр «ссора» и некооперативное общение в целом

представляют собой частотное явление и имеют особую значимость для решения задач межличностного общения. Исследователи не предлагают систематического и целостного описания данного явления с точки зрения взаимодействия верbalных и неверbalных компонентов коммуникации. Инициатор конфликта является важной фигурой некооперативного общения, а его коммуникативное поведение обусловлено гендерной спецификой. В связи с этим, целесообразно дать структурное описание различных составляющих некооперативной интеракции и провести анализ коммуникативного поведения мужчин и женщин в ситуации некооперативного общения.

Объектом исследования выступает коммуникативное поведение инициатора конфликта в ситуации некооперативного общения.

Предметом изучения являются особенности языкового описания коммуникативного поведения инициатора конфликта в ситуации некооперативного общения в англоязычных художественных текстах.

Цель работы заключается в установлении гендерной специфики коммуникативного (верbalного и неверbalного) поведения человека в ситуации некооперативного общения.

В соответствии с установленной целью решается ряд **задач**, которые направлены на достижение обозначенной цели:

- 1) выявить лексические, грамматические и стилистические особенности верbalного поведения мужчин и женщин, являющихся инициаторами конфликта в ситуации некооперативного общения;
- 2) выявить специфику языкового описания типичных неверbalных компонентов коммуникации в поведении мужчин и женщин, являющихся инициаторами конфликта в ситуации некооперативного общения;
- 3) рассмотреть специфику описания развертывания эксплицитного конфликта: выявить типичные конфликтогены для эксплицитного конфликта; выявить типичные маскулинные и феминные тактики,

используемые инициатором конфликта в эксплицитном конфликте; рассмотреть способы разрешения эксплицитного конфликта;

4) рассмотреть специфику описания развертывания имплицитного конфликта: выявить типичные конфликтогены для имплицитного конфликта; выявить типичные маскулинные и феминные тактики, используемые инициатором конфликта в имплицитном конфликте; рассмотреть способы разрешения имплицитного конфликта.

Материалом исследования являются тексты художественной англоязычной литературы, затрагивающей период конца XX – начала XXI веков общим объемом 7500 страниц. Ситуации для анализа отбирались на основе pragматического контекста.

Цели и задачи определили **композицию диссертационного исследования**. Оно состоит из введения, трех глав с выводами, заключения, списка использованное литературы, списка Интернет-источников, списка использованных словарей и двух приложений.

Во **введении** обосновывается актуальность диссертации, ставятся цели и задачи исследования, определяется его предмет и объект, отмечаются новизна работы, ее практическая и теоретическая ценность, представлены сведения о материале, на котором основано исследование, описывается структура диссертации и формулируются положения, выносимые на защиту.

В **Главе I** «Теоретические проблемы речевой, невербальной и гендерной коммуникации» излагаются основные проблемы исследований в области межличностного общения, речевой деятельности, невербальной коммуникации, некооперативного общения, речевых жанров и гендера.

В **Главе II** «Гендерная специфика вербальных и невербальных компонентов коммуникативного поведения инициатора конфликта» предлагается анализ коммуникативного поведения инициатора конфликта в ситуации некооперативного общения.

В Главе III «Гендерная специфика описания различных видов конфликта в художественном тексте» дается описание эксплицитного и имплицитного конфликтов, их составляющих и динамики.

Каждая глава заканчивается **выводами**.

В **заключении** приводятся результаты приведенного исследования.

В **Приложении 1** представлены таблицы, схематично отображающие курс течения некооперативного диалога (стратегии, тактики, ходы и т.д.), зафиксированный в анализируемых некооперативных ситуациях в художественном тексте.

Приложение 2 представляет собой опросник «Конфликтное взаимодействие» и его систематизированные данные в виде диаграмм и чартов.

Методологическую и теоретическую основы диссертации составили работы исследователей в области межличностного общения и лингвистики текста (А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, О.С. Иссерс, И.А. Зимняя, Е.В. Падучева, Т.В. Шмелева, И.А. Стернин, Г.Г. Почепцов, А.А. Романов, И.С. Баженова, Ю.М. Трофимова, Е.С. Петрова и др.); психологии и конфликтологии (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Б.И. Хасан, А.П. Егидес, М. Дойч и др.); некооперативного общения и речевой агрессии (Н. Ашер, А. Ласкаридес, М. Франк, Д. Остин, В.И. Жельвис, Н.Д. Голев, А.Н. Белоус, В.С. Третьякова, Ю.В. Щербинина, Е.В. Растишевская, С.И. Москаleva и др.); проблематики речевого жанра «ссора» (В.В. Дементьев, К.Ф. Седов, Т.Г. Рабенко, М.Ю. Федосюк и др.); проблем невербальной коммуникации (Г.Е. Крейдлин, Ф.И. Карташкова, В.А. Лабунская, Е.А. Вансяцкая, К.А. Врыганова и др.); гендера (Р. Лакофф, А.В. Кирилина, А.А. Григорян, Е.С. Гриценко, В.В. Ганина и др.).

К **методам анализа** относятся метод компонентного анализа, метод анализа словарных дефиниций, метод коммуникантивно-прагматического анализа, метод гендерного анализа и метод контекстуального анализа.

Научную новизну исследования определяет то, что впервые:

- 1) систематизировано языковое описание в англоязычном художественном тексте верbalного и неверbalного поведения мужчин и женщин инициаторов конфликта в ситуации некооперативного общения;
- 2) впервые на основе анализа англоязычных художественных произведений рассмотрена специфика развертывания эксплицитного и имплицитного конфликтов и определены характерные особенности каждого из этих конфликтов;
- 3) выделены типичные коммуникативные тактики, свойственные маскулинному и феминному поведению инициатора конфликта.

Теоретическая ценность настоящего исследования определяется тем, что оно вносит вклад в решение задач прагматики, гендерной лингвистики и теории коммуникативных жанров.

Практические результаты исследования могут использоваться при подготовке специалистов по анализу и интерпретации художественных произведений, разработке программ по гендерологии, конфликтологии, психологии, прагмалингвистике.

Апробация работы осуществлялась в рамках ежегодном научном фестивале студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодая наука в классическом университете» (ИвГУ, Иваново, 2012-2015), на семинарах НОЦ «Коммуникативная лаборатория поведения человека» при Ивановском Государственном Университете (ИвГУ, 2013-2015). По теме диссертации были сделаны доклады на международных, всероссийских, региональных научных конференциях и семинарах в г. Санкт-Петербург («Англистика XXI века», СпБГУ, 2014), г. Калуга («Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России», КГУ, 2013, 2015), г. Владимир («Молодая наука в классическом университете», ВлГУ, 2012-2015), а также были сделаны выступления и представлены результаты на конференциях «Перевод в меняющимся мире» (ИвГУ, 2015); «Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней» (ИвГУ, 2015),

«Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: язык – культура - социум» (ИГХТУ, 2014).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Употребление инвектив, направленных на интеллектуально-волевую оценку адресата, наблюдается в лексическом составе речи инициаторов конфликта обоих полов, однако более характерно для мужчин. Мужчины инициаторы конфликта также акцентируют недостатки внешности адресата-женщины. Для женщин характерно использование инвектив, направленных на морально-нравственные особенности личности.
2. Грамматические средства описания англоязычного некооперативного общения выполняют, в основном, эмфатическую, эмоционально-экспрессивную и манипуляторно-регулятивную функцию. Стилистические средства, используемые автором англоязычного художественного текста при описании верbalного поведения инициатора конфликта, весьма многообразны, среди них особенно выделяются фонографические. Для феминной (по сравнению с маскулинной) речи характерно более частотное использование метафор, гипербол и градаций.
3. Языковыми номинациями маскулинного невербального поведения в англоязычном художественном тексте служат фоносемантические глаголы и словосочетания с опорным компонентом VOICE, TONE; словосочетаниями с семантикой сокращения дистанции с адресатом; глаголами с семантикой касания; различные языковые единицы с соматизмом FACE и глаголами с семантикой покраснения. Специфические невербальные действия мужчины описываются глагольными словосочетаниями с существительными-адаптерами (артефактами).
4. Типичными языковыми номинациями феминного невербального поведения в англоязычном художественном тексте являются фоносемантические глаголы и словосочетания с опорным компонентом VOICE, MOUTH/LIPS/SMILE, EYES; словосочетания с семантикой изменения дыхательного ритма. Специфические невербальные действия

женщины осуществляют с аксессуарами и одеждой, описываемые языковыми единицами соответствующей семантики.

5. При развертывании эксплицитного конфликта мужчинами и женщинами инициаторами конфликта используются различные тактики. Наиболее типичными маскулинными тактиками являются: тактика угрозы, тактика навязывания своей точки зрения и тактика ухода от конфликта путем смены темы разговора. К феминным относятся тактики насмешки, упрека и обвинения.

6. Характерной чертой имплицитного конфликта является отсутствие маркеров агрессии в речевом поведении коммуникантов, неконгруэнтность высказываний и маскировка истинного эмоционального состояния коммуникантов. Типичными маскулинными тактиками являются тактики подавления, угрозы и унижения, манифестация которых наблюдается в невербальном поведении коммуникантов. Для феминного невербального поведения характерны тактики унижения и демонстрации безразличия, которые сопровождаются специфическими невербальными действиями с артефактами.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 10.02.04 – германские языки: лексика и внеязыковая действительность, лексикологические категории, синтаксический строй, особенности стилистического воздействия и экспрессивных средств германских языков.

Глава 1. Теоретические проблемы речевой, невербальной и гендерной коммуникации.

1.1 Основные положения теории коммуникации.

Общение – важнейшая составляющая жизни человека, это сложный процесс взаимодействия между людьми, заключающийся в обмене информацией, а также в восприятии и понимании партнерами друг друга.

Интерес к проблемам коммуникации возник вследствие научно-технического прогресса, а именно в связи с развитием технических средств передачи информации (радио в 20-х годах XX века, телевидение, Интернет), а также тенденции к всеобщей глобализации. Развитие СМИ и коммуникации привлекло внимание социологов, психологов, биологов, физиологов, философов, лингвистов, математиков и логиков к исследованию вопросов, затрагивающих коммуникативный аспект поведения человека. Все это способствовало становлению коммуникации как науки.

В теории коммуникации можно выделить 2 основных подхода к её пониманию: процессно-информационный и семиотический. [Гавра:2011] В рамках процессно-информационного подхода коммуникация рассматривается как процесс передачи информации. Основные разработки в этом русле были сделаны учеными нелингвистических специальностей: психологи, математики, инженеры, программисты. Семиотический подход акцентировал внимание на знаках и знаковых системах.

Среди множества предложенных моделей коммуникации, выделяются основные [Бориснев:2003]:

- Линейная (классическая) модель коммуникации Г. Лассуэла (1948) включает 5 основных элементов коммуникативного процесса: кто? (передаёт сообщение) — коммуникатор; что? (передаётся) — сообщение; как? (осуществляется передача) — канал; кому? (направлено сообщение) — аудитории; с каким эффектом? (эффективность сообщения) — результат.
- Социально-психологическая (интеракционистская) модель коммуникации Т. Ньюкомбо, задающая динамику изменений, к которым

будет стремиться коммуникация. Данная модель учитывает как отношения, складывающиеся между общающимися, так и их отношения к объекту разговора, и постулирует, что общей тенденцией в коммуникации является стремление к симметрии. При совпадении отношений друг к другу у общающихся, они будут стремиться к совпадению их отношения к объекту, о котором идёт речь. При несовпадении отношения друг к другу, будет не совпадать и отношение к объекту речи. Совпадение отношений к объекту разговора при несовпадении отношений друг к другу будет восприниматься как ненормальное. Теория Ньюкомбо объясняет возникновение приязни и неприязни. В целом концепции структурного баланса и коммуникативных актов позволяют лишь зафиксировать некоторое расхождение (диссонанс) во взаимном восприятии людьми друг друга (или в их отношении к третьему лицу), но не позволяют определенно предсказать будущую направленность изменения их взглядов.

- Шумовая модель коммуникации, предложенная инженерами-математиками К. Шенноном и У. Уивером, дополнила линейную модель существенным элементом — помехами (шумами), затрудняющими коммуникацию. Авторы выделили технические и семантические шумы — первые связаны с помехами в передатчике и канале, а вторые с искажением передаваемых значений при восприятии содержания. При этом, коммуникация концептуализировалась авторами как линейный, односторонний процесс.
- В циркулярной (замкнутой), сбалансированной модели коммуникации В. Шрамма и К. Осгуда было предложено рассматривать отправителя и получателя информации как равноправных партнёров, а также был сделан акцент на обратной связи, которая уравновешивала связь прямую: кодирование — сообщение — декодирование — интерпретация — кодирование — сообщение — декодирование — интерпретация.
- Текстовая модель коммуникации А. Пятигорского осмысливает коммуникацию человека с собой и другими, которую он осуществляет через

текст. Согласно данной модели коммуникация всегда осуществляется в определённой коммуникативной ситуации и связи с другими лицами.

Схему (модель) коммуникации, понимаемой как речевое событие, предложил Р. Якобсон, предвосхитив тем самым модель Шеннона, однако в отличие от него, ключевую роль в коммуникации отвёл не информации, а языку: от адресанта к адресату направляется сообщение, созданное и интерпретируемое с помощью кода, общего для всех участников коммуникации. Кодом является язык, рассматриваемый как система, приводящая в соответствие чувственно данному предмету, знаку, некоторое подразумеваемое значение. Каждый человек — член различных коммуникационных сообществ, а значит и носитель различных кодов. Коммуникация как передача сообщений всегда происходит в контексте других сообщений, принадлежащих к тому же акту коммуникации или связывающих вспоминаемое прошлое с предполагаемым будущим, задавая тем самым основополагающий вопрос об отношении данного сообщения к универсуму дискурса. Все это влияет на кодирование и интерпретацию сообщений участниками коммуникации. [Якобсон:1975]

Ю. М. Лотман оспаривал модель коммуникации Р. Якобсона, указывая на то, что у двух людей не может быть абсолютно одинаковых кодов, а язык следует рассматривать как код вместе с его историей. При полном подобии/соответствии/эквивалентности того, что говорится, и того, как это воспринимается, согласно Ю. М. Лотману потребность в коммуникации вообще исчезает, так как становится не о чём говорить, а остаётся лишь передача команд. Код индивидуализирует коммуникацию, а последняя, таким образом, предстаёт как перевод с языка моего «Я» на язык твоего «Ты». В качестве субстрата коммуникации, в котором происходит встреча множества кодов и многих коммуникантов Ю. М. Лотманом рассматривается текст. Текст выступает и как память коммуникации, и одновременно, как её границы. Ю.М. Лотман различает «обычную» коммуникацию, которая

происходит в системе «Я — Он», и аутокоммуникацию, происходящую в системе «Я — Я». [Лотман:1992]

На волне интереса к обмену информацией было создано множество моделей коммуникации. Были предложены важнейшие параметры для осмыслиения процесса коммуникации: адресат, адресант, канал передачи, сообщение, код, декодирование, интерпретация, помеха и др. Однако эти модели фокусировали свое внимание скорее на процессе передачи информации и ее дальнейшей интерпретации, а не на самом коде, т.е. не на языке и его природе.

1.2 Теория речевых актов и теория речевой деятельности.

Размышления над теорией языка и природой коммуникации дали теорию речевых актов. Одним из первых о так называемой лингвистической философии задумался Людвиг Витгенштейн. Взаимодействие языка и жизни оформляется у Л. Витгенштейна в виде «языковой игры». Любая игра регламентируется правилами и нормами. Языковая игра - в том числе. С правилами должны считаться все участники коммуникации. Нормативный характер языковых игр выводит Л. Витгенштейна на понятие о речевых актах.

В дальнейшем теорию речевых актов разрабатывали Дж. Остин и Дж. Сёрль. Джон Остин утверждает, что язык не просто взаимодействует с реальностью, он влияет на нее посредством особых конструкций, которые он назвал перформативами. Перформативы – это действия, заложенные в язык (уговоры, приказы, предупреждения, обещания). Перформативы не могут быть оценены с точки зрения истинности или ложности, а лишь с позиции их выполнимости или невыполнимости. По мнению Остина, любой язык по природе своей перформативен. Дж. Остин определил обязательные составляющие речевого акта: в речевых актах участвуют говорящий и адресат, выступающие как носители определенных, согласованных между

собой социальных ролей, или функций. Участники речевых актов обладают фондом общих речевых навыков (речевой компетенцией), знаний и представлений о мире. В состав речевого акта входит обстановка речи (контекст) и тот фрагмент действительности, который обсуждается. Выполнить речевой акт значит:

- произнести членораздельные звуки, принадлежащие общепонятному языковому коду;
- построить высказывание из слов данного языка по правилам его грамматики;
- снабдить высказывание смыслом и значением (т.е. соотнести его с действительностью), осуществив речь (англ. Locution);
- придать речению целенаправленность (англ. Illocution);
- воздействовать на сознание или поведение адресата, вызвать искомые последствия (англ. Perlocution).

Дж. Остин различает три типа речевых актов:

1. Локутивный акт – акт говорения самого по себе, акт-констатация.
2. Иллокутивный акт выражает намерение другому лицу, намечает цель. По сути дела, такого рода акт - это выражение коммуникативной цели.
3. Перлокутивный акт вызывает целенаправленный эффект и выражает воздействие на поведение другого человека. Цель такого акта состоит в том, чтобы вызвать искомые последствия.

Все три типа речевых актов не существуют в чистом виде, в любом из них присутствуют все три момента: локутивный, иллокутивный, перлокутивный. Функции речевых актов Дж. Остин назвал иллокутивными силами, а соответствующие им глаголы - иллокутивными (например, спрашивать, просить, запрещать). Некоторые иллокутивные цели, как подчеркивает Дж. Остин, могут быть достигнуты мимикой, жестами. [Остин:1987]

Поскольку перлокутивный эффект находится вне собственно речевого акта, теория речевых актов сосредоточена на анализе иллокутивных сил, а термин «речевой акт» и «иллокутивный акт» часто употребляются как синонимы. Наиболее обобщенные иллокутивные цели отражаются в грамматической структуре предложения. Для этого достаточно сравнить повествовательные, вопросительные, побудительные предложения. Иллокутивные цели играют важную роль в построении диалогической речи, связность которой обеспечивается их согласованностью: вопрос требует ответа, упрек - оправдания или извинения.

При классификации речевых актов учитывается иллокутивная цель, психологическое состояние говорящего, направление отношений между пропозициональным содержанием речевого акта и положением дел в мире (референция), отношение к интересам говорящего и адресата и др. Выделяются следующие основные классы речевых актов:

- информативные - сообщения (репрезентативы);
- акты побуждения (директивы, прескрипции);
- акты принятия обязательств (комиссивы);
- акты, выражающие эмоциональное состояние (экспрессивы);
- акты-установления (декларации, вердиктивы, оперативы). [Остин:1987]

Понимание речевого акта, обеспечивающее адекватную реакцию, предполагает правильную интерпретацию его иллокутивной силы. А это невозможно без знания контекста. В одних случаях для эффективности речевого акта необходима определенная социальная ситуация, в других случаях успешность речевого акта зависит от личностных факторов. Вклад Джона Сёрля в теорию речевых актов как раз и состоит в первую очередь в выделении правил и сближении этих актов с понятием интенциональности. Всякий речевой акт есть коммуникация, социальная связь коммуникантов, требующая соблюдения определенных условий, правил. Так, обещание предполагает, что слушающий доверяет говорящему, а говорящий именно в таком качестве воспринимает своего собеседника; оба предполагают, что

обещание в принципе может быть выполнено; наконец, обещающий берет на себя определенные обязательства. Если он лукавит, то разрушается коммуникация (имеем дело с так называемой деструктивной коммуникацией). Размышляя над этими правилами, Дж. Сёрль приходит к мысли, что существует параллелизм между интенциональными ментальными состояниями субъекта и речевыми актами. Те и другие объединяет интенциональность, направленность на внешний мир. Интенциональными могут быть вера, страх, надежда, желание, презрение, разочарование. [Сёрль:1986] В этом и проявляется теория Дж. Остина и Дж. Сёрля о влиянии языка на реальную действительность.

Не только Дж. Остин и Дж. Сёрль предложили изобразить структуру коммуникации, облекая ее в речевые акты. Карл Бюлер отошел от традиционной соссюровской дихотомической модели «язык-речь» и выделял три составляющих речевого акта: «отправителя», «получателя», «предметы и ситуации». Он соотносил их с определёнными функциями языка: экспрессии (эмотивная, сосредоточенная на адресате), апелляции (конативная, ориентирующаяся на адресата) и репрезентации (референтивная, сообщение о действительности). [Бюлер:1993]

В самом общем плане речевой акт можно определить следующим образом: речевой акт - это целенаправленное речевое действие, совершающееся в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе [ЛЭС:1990]. Также это единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации. Основными чертами речевого акта могут быть названы интенциональность, целеустремленность, конвенциональность, соотнесенность с лицом говорящего. [Янчук:2007]

Большой вклад в изучение и разработку теории речевых актов внесли зарубежные и отечественные лингвисты, такие как А.Д. Перро, П.Ф. Стросон, Д. Вундерлих, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, В.В. Богданов, Е.В. Падучева, Г.Г. Почепцов, И.П. Сусов, И.М. Кобозева и др.

Теория речевых актов касается такого понятия как интенция говорящего, его иллокутивная цель. Другими словами, лингвистическая наука перестает сосредотачиваться на слове и речи отдельно, а переходит на новый уровень – уровень мышления и сознания; уровень тесного соприкосновения с психологией и физиологией человека. Дисциплина, возникающая на стыке лингвистики и психологии, в 50х годах получает название психолингвистика. Термин появился после выхода книги Чарльза Осгуда и Томаса Себеока «Psycholinguistics. A Survey of Theory and Research Problems». [Osgood, Sebeok:1954]

Одним из теоретических оснований для психолингвистических учений стали психологические исследования языка и речи Л.С. Выготского [Выготский:2005], которые были посвящены установлению связи между мышлением и речью. Процесс производства речи по Выготскому – это последовательность фаз (мотивация – мысль – внутренняя речь – реализация). Таким образом, если интерпретировать концепцию Л.С. Выготского, то следует сказать, что ситуация порождает мотив, который воплощается в интенции (коммуникативном намерении говорящего), затем формируется мысль. Превращение мысли в слово совершается во внутренней речи, далее происходит ее реализация. При восприятии речи происходит обратный процесс: мы идем от понимания слов к пониманию смысла и через него — мотива. [Красных:2001] Идеи Л.С. Выготского разделяли и развили А.Р. Лурия, М.С. Певзнер, П.Я. Гальперин, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Н.И. Жинкин и другие.

В отечественной научной традиции психолингвистика рассматривается в ракурсе теории речевой деятельности (далее ТРД). Подобный взгляд восходит к взглядам круга Выготского-Лурии на общую деятельность человека и фазное речепроизводство, а также к работам Л.В. Щербы, в которых он отделяет языковой материал (тексты) и систему (грамматику) от речевой деятельности. [Щерба:1974]

Речевую деятельность понимается как процесс использования языка для общения во время какой-либо другой человеческой деятельности [Леонтьев:1974], как особым образом организованную активную и целенаправленную деятельность человека, регулируемую некоторой системой мотивов, как активный, целенаправленный, мотивированный, предметный (содержательный) процесс выдачи или приема сформированной и сформулированной посредством языка мысли, направленной на удовлетворение коммуникативно-познавательной потребности человека в процессе общения. [Зимняя:2001]

Речевая деятельность — это некоторая абстракция, не соотносимая непосредственно с «классическими» видами деятельности (познавательной, игровой, учебной), не могущая быть сопоставленной с трудом или игрой. Она — в форме отдельных речевых действий — обслуживает все виды деятельности, входя в состав актов трудовой, игровой, познавательной деятельности. Речевая деятельность как таковая имеет место лишь тогда, когда речь самоцenna, когда лежащий в ее основе, побуждающий ее мотив не может быть удовлетворен другим способом, кроме речевого. Речевые действия и даже отдельные речевые операции могут входить и в другие виды деятельности, в первую очередь — в познавательную деятельность. [Глухов:2005; Леонтьев:1974]

Множество отечественных ученых занимались и занимаются вопросами речевой деятельности. Теоретики речевой деятельности затронули вопросы детской речи (А.М. Шахнарович, С.Н. Цейтлин), патологии речи (Р.М. Фрумкина), социологические и психологические аспекты речи (Е.Ф. Тарасов, И.А. Зимняя) и др.

1.3 Речевое воздействие. Понятие коммуникативной тактики и стратегии.

Теория речевых актов и теория речевой деятельности подразумевается также речевое воздействие. Коммуникативно-прагматический подход к языку подразумевает изучение влияния людей друг на друга в процессе общения. Проблемой речевого воздействия занимались такие исследователи как Е.Ф. Тарасов (1990), И.А. Стернин (2001), В.Ф. Петренко (1990), А.А. Котов (2003), И.П. Сусов (1989), Е.В. Горина (2004), Ю.В. Миронова (2003), О.С. Иссерс (2008, 2009) и др.

Термин «речевое воздействие» понимается исследователями по-разному, однако большинство сходится во мнении, что результатом речевого воздействия должно стать изменение поведения, состояния, сознания, мотивации адресата. Рассмотрим некоторые точки зрения на речевое воздействие:

- Речевое воздействие подразумевает воздействие на адресата, в результате которого происходит изменение его сознания. Речевое воздействие связано с перестройкой индивидуального сознания, а в узком – вызывает трансформацию либо коннотативного значения, либо эмоционального состояния в определенной коммуникативной ситуации. [Петренко:1990: 17]

- Участники коммуникации не просто обмениваются информацией, а воздействуют друг на друга, пытаясь достичь определенного изменения поведения. [Найденов:2000: 19].

- Под речевым воздействием также понимается регуляция психической деятельности адресата путем изменения его состояния. [Каменева:2005].

Речевое воздействие рассматривается также в рамках понимания коммуникативной инициативы. Коммуникативная инициатива как базисный компонент общения включает проявление ведущей роли партнера на определенном этапе диалога. К признакам владения коммуникативной инициативой относятся: а) введение, б) защита и сохранение своей темы,

часто сопровождаемые отказом принять и/или развивать чужую тему. Важными факторами, воздействующими на проявление инициативы, являются статус инициатора общения, его гендерная принадлежность, характер межличностных отношений и тематика общения. Эти компоненты оказывают влияние на характер вербальной и невербальной экспликации коммуникативных интенций, стратегические и жанровые предпочтения в коммуникации, и т.п. [Черничкина:2013].

Однако процесс коммуникации и речевого воздействия зависит не от одного коммуниканта. «Речевую среду» формируют оба участника диалога: и отправитель, и адресат, поэтому следует говорить о взаимонаправленности и повторяемости в коммуникативном процессе [Кашкин, 2003].

О.С. Иссерс считает, что речевое воздействие связано с изучением стратегий говорящего и языковых ресурсов, которые определяют достижение им коммуникативной цели. Исходя из индивидуальных мотивов, потребностей и установок, коммуникант предпринимает попытку выстроить коммуникацию по определенным правилам. В ходе диалога говорящий оценивает меняющуюся ситуацию и корректирует свои речевые действия, являющиеся частью речевой стратегии. Иссерс считает, что в воздействии, или убеждении, принимают участие два коммуниканта, таким образом, происходит взаимоидентификация. В процессе совместной деятельности коммуниканты регулируют действия, управляют мыслительными процессами и координируют модель мира партнера, причем воздействие может происходить не только при помощи вербальных, но и невербальных средств. [Иссерс:2008, 2009]

Речевое воздействие предполагает воздействие на человека, обусловленное целью побудить его принять точку зрения другого человека, передать информацию или совершить действие. Речевое воздействие заключается в выборе коммуникативных стратегий и языковых средств, которые адекватны этим коммуникативным целям, а также в эффекте, который свидетельствует о достижении/недостижении поставленных

отправителем целей. Речевое воздействие может быть успешным, эффективным и результативным, если поставленная цель достигнута, и наоборот. [Стернин:2001].

Речевую стратегию можно понимать как план для достижения определенной коммуникативной цели [Иссерс:2008], как составляющую коммуникативного поведения людей, в которой вербальные и невербальные средства используются для достижения определенной коммуникативной цели [Кашкин:2007].

В современных работах речевые стратегии и тактики так же находят свое отражение, например, на материале исследования коммуникативных актов отказа [Пащенко:2012] или адвокатского дискурса [Солдатова:2013].

Несмотря на доминирование термина «речевое воздействие», многие исследователи говорят и о невербальном способе воздействия. Далее рассмотрим вопросы, затрагивающие сферу неверbalного поведения человека.

1.4 Основы теории невербальной коммуникации

Коммуникация неоднородна, потому что различны сами коммуникативные средства. Важно понять, что изучая коммуникацию людей, нужно обращать внимание не только на то, что одни люди говорят другим, но и как они это говорят. Важно понять, какими звуками и когда люди пользуются, как интонируют свою речь, как ведут себя, какие выполняют движения, как ориентируют своё тело, наконец, как они смотрят на собеседника. [Крейдлин:2010: 2] Другими словами, важно правильно использовать и интерпретировать не только вербальный, но и невербальный код.

В наши дни уже широко известно, что язык слов не является единственным средством, при помощи которого люди могут выражать свои мысли и чувства. Общение строится не только за счёт речевой его

составляющей, но и посредством невербальных сигналов и жестов. Доказано, что только около 35% информации передается вербально, а от 60 до 80% коммуникации осуществляется за счёт невербальных средств выражения. [Mehrabian:1971]

Система неязыковых форм и средств передачи информации является предметом исследования невербальной коммуникации. Понятие «невербальная коммуникация» ввели американские психиатры Ю.Руш и У.Кис в 1956 году, изучавшие невербальное поведение с точки зрения его происхождения и кодирования.

На западе одним из первых невербальной коммуникацией начал заниматься Бердуистелл, обозначая её как кинесику. Он не только ввёл термин «кин», но и предложил подробное исследование языка тела и информации, которое оно передаёт через выражение лица глаз и позы. [Birdwhistell:1952] За рубежом проблемами невербальной коммуникации занимались такие исследователи как Е.Т. Hall (1959), A. Mehrabian (1971), P. Ekman (1969), A. Kendon (1976). В 70х годах Ю. Фаст опубликовал книгу «Язык тела», где изложил обобщенные данные, полученные бихевиористами к 1970м годам.

В нашей стране базу для развития науки о невербальном поведении заложили работы А.А. Реформатского о природе существования в едином коммуникативном акте нескольких языковых систем и о специфике совместного функционирования разных типов знаков [Реформатский:1973], а также книга Г.В. Колшанского «Паралингвистика», в которой учёный говорит о том, что содержание сообщения достигается за счёт совокупности лингвистических и паралингвистических средств. [Колшанский:2010]

Невербальная коммуникация представляет собой обмен невербальными сообщениями. Данные сообщение, состоящие из разного рода невербальных компонентов, являются спонтанными и непроизвольными. Даже если люди хотят скрыть свои намерения, они могут хорошо контролировать свою речь, но невербальное поведение контролю практически не поддается. В процессе

коммуникативного акта мы не задумываемся над каждым отдельно взятым невербальным компонентом, так как, во-первых, порой не выделяем их как таковые, а во-вторых, мы воспроизводим их и включаем в беседу бессознательно, реагируя на сказанное оппонентом или на последующее собственное высказывание. Подобные категории (спонтанность, непроизвольность, подсознательность), описывающие невербальное общение, а также тот факт, что первый язык, которым овладел человек, был именно язык тела и жестов, позволяют Г.Е. Крейдлину утверждать, что естественным языком является именно язык тела со всеми своими невербальными составляющими. [Крейдлин:2004]

На основе признаков намеренности/ненамеренности невербальной коммуникации можно выделить три типа невербальных средств:

1. Поведенческие знаки - они обусловлены физиологическими реакциями: побледнение или покраснение, а также потоотделение от волнения, дрожь от холода или страха и др.
2. Ненамеренные знаки - употребление таких знаков связано с привычками человека (их иногда называют самоадапторами): почесывание носа, качание ногой без причины, покусывание губ и др.
3. Собственно коммуникативные знаки - эти знаки представляют собой сигналы, передающие информацию об объекте, событии или состоянии.

[Грушевицкая, Попков, Садохин:2003: 75]

Невербальная коммуникация осуществляется в процессе речевого общения параллельно с вербальной и составляет как бы второй по отношению к слову информационный канал в системе общения. [Морозов:1998: 20]

Вербальное общение имеет более полный и глубокий смысл только вместе и благодаря невербальному. Невербальные элементы имеют двухстороннюю природу: они, с одной стороны, самодостаточны, а с другой, - тесно связаны с вербальными элементами. [Зуев:2004: 7]

Особенность элементов невербальной коммуникации в том, что они формируются раньше, чем вербальная часть высказывания, которая накладывается на предварительно выраженную невербальную часть. [Вансяцкая:1999: 50]

В связном функционировании эмоционально-выразительные средства могут манифестироваться:

- Синхронно, одновременно с вербальными средствами.

Одновременное использование вербальных и невербальных средств обусловлено стремлением конкретизировать информацию, сделать ее более выразительной и значимой с тем, чтобы воздействовать на собеседника. Синхронное употребление высказываний и жестов наблюдается при выражении чувств и эмоций.

- Предваряя вербальные средства.

Предваряющее употребление кинем выполняет прогнозирующую задачу коммуникативной установки. Отсюда был сделан вывод о том, что жесты являются своего рода программированием лексики в речи, они помогают предвосхищать еще невысказанную мысль.

- Следуя за вербальными компонентами.

Этот вид связанного употребления жестов используется реже и преимущественно в экспрессивной функции. [Конецкая:1997: 80]

Невербальные компоненты речи, как правило, рассматриваются параллельно с вербальными. Вместе с тем канал невербальной коммуникации обладает свойством функциональной независимости от вербальной. Практически это проявляется:

- в возможности адекватного восприятия человеком всех видов НВК вне зависимости от семантического значения слова (опознавание личности говорящего, его эмоционального состояния, пола, возраста и т.п.),
- в дивергенции между семантикой слова и значением невербальной информации (например, радужные слова, произнесенные холодным тоном). [Морозов:1998: 84]

Невербальная коммуникация может по-разному соотносится с вербальной. А именно:

1. Дублировать актуальную речевую информацию.

Совпадение в сообщении верbalного и невербального кода говорит о его конгруэнтности. Например, просьба говорить тише, сопровождаемая приложением указательного пальца к губам. Исследователями установлено, что основной чертой взаимодействия вербальных средств и кинесических невербальных компонентов является их согласованность. Кинесические сигналы чаще других выполняют дублирующую функцию, т.е. дублируют значение вербального сообщения. [Ковпак:2004: 7]

2. Противоречить речевому высказыванию.

Опровержение означает, что невербальная информация противоречит словам человека, т.е. высказывание неконгруэнтно.

3. Замещать речевое высказывание.

Замещение означает использование невербального сообщения вместо вербального.

4. Подчёркивать или усиливать некоторые компоненты речи.

Примером может служить акцентированный счёт на пальцах.

5. Дополнять речь в смысловом отношении.

Дополнение означает, что невербальные элементы делают речь более выразительной, уточняют и разъясняют ее. Ваша улыбка при встрече с другом, когда вы говорите ему, что очень рады увидеться с ним, дополняет речевое сообщение. При этом неисполнение речевого жеста, сопутствующего данной речевой ситуации, может привести к коммуникативной неудаче. [Переверзева:2009]

6. Регулировать речевое общение, т.е. быть средством поддержания речи.

Регулирование представляет собой использование невербальных знаков для координации взаимодействия между людьми. Для поддержания беседы часто используют знаки, замещающие слова: жесты, изменение позы, прикосновение к кому-то и др. Например, по кивку головы, взгляду, по

интонации или наклону туловища мы можем понять, что пришла наша очередь вступить в разговор. [Крейдлин:2004: 61]

В настоящее время параллельно функционируют такие термины как «невербальное общение», «невербальное поведение» и «невербальная коммуникация», смешиваясь и взаимозаменяя друг друга. При этом принято считать, что термин «невербальная коммуникация» обладает более широким спектром значений. Однако В.А. Лабунская даёт чёткое разграничение этим понятиям. По мнению учёного, термин «невербальное общение» имеет более широкое значение и определяется как вид общения, для которого является характерным использование неверbalного поведения и невербальной коммуникации в качестве главного средства передачи информации, организации взаимодействия, формирования образа и понятия о партнере, осуществления влияния на другого человека. «Невербальное поведение» - понятие чуть более узкое, чем «невербальное общение». Оно является составной частью целостного поведения человека. [Лабунская:1997] Невербальное поведение включает в себя все продукты многообразной неречевой деятельности человека – от выражения лица и пластики тела до моды, музыки, т.е. всего того, что не является словом. [Голованова:2009: 18] Термин «невербальная коммуникация» включает в себя лишь систему символов, знаков и жестов, использующихся для передачи сообщения и являющихся независимыми от психологических качеств личности. [Лабунская:1997: 88]

Невербальные сообщения позволяют передавать обширную информацию, начиная от настроения, заканчивая социальным статусом говорящего. При передаче подобных сообщений человек использует все формы самовыражения, не опираясь на слова. Каждое невербальное сообщение состоит из невербальных компонентов, которые можно классифицировать следующим образом: контролируемые невербальные компоненты, неконтролируемые невербальные компоненты (или

психофизиологические реакции) и специфические невербальные действия. [Карташкова:2014: 108]

Среди контролируемых невербальных компонентов (НВК) можно выделить следующие: кинетические виды НВК (жестовые, мимические, пантомимические, тактильные, проксемные), меримические НВК, паралингвистические НВК (фонационные, респираторные). [Ганина, Карташкова:2006: 18]

Кинетический класс НВК изучает общение посредством анализа движений тела, а именно жесты рук и ног, мимические жесты, позы и знаковые телодвижения.

При исследовании мимических особенностей могут учитываться не только черты лица, но и физиологические реакции: побледнение или покраснение. Лицо наблюдаемого человека посыает два вида сигналов:

- а) статические (размер лица, его форма, цвет кожи и т.д.);
- б) динамические (движение бровями, изменение очертания рта, которое происходит за счет движения мимических мышц лица). [Попов:2002: 149]

Пантомимические НВК – значимые движения тела, позы, особенности осанки и походки. Позы, как и другие жесты, по-разному классифицируются, квалифицируются и оцениваются. Позы – одна из наименее подконтрольных сознанию форм невербального поведения, наблюдение за ними дает значимую информацию о состоянии человека. [Куницына, Казаринова, Погольша:2002: 77]

Использование человеком в общении тактильного вида невербального поведения определяется несколькими факторами: статусом партнеров, возрастом, полом, степенью знакомства. Физический контакт в виде прикосновений, поглаживаний, похлопываний является важным источником взаимодействия личности с окружающим миром. [Нэпп, Холл:2004: 16]

Миримический класс НВК изучает общение посредством анализа движения глаз. Глаза представляют собой важный в физиологическом, психологическом, социальном и во многих других отношениях орган, как

восприятия, так и проявления внутреннего мира человека. Не менее важным оказывается исследование взгляда, способы обмена взглядами в момент беседы, организация визуального контакта используется при исследовании атмосферы интимности, межличностном общении. [Ганина, Карташкова:2006: 15]

Паралингвистический класс НВК изучает общение посредством анализа свойств голосового аппарата человека и фонетическими свойствами речепроизводства.

Основными фонационными (акустическими) средствами передачи различных видов невербальной информации являются: тембр голоса, мелодика речи (изменение высоты голоса), энергетические характеристики (сила голоса и ее изменения). [Морозов:1998: 26]

В понятие респираторных НВК включаются такие элементы паразыка, в производстве которых активно участвует дыхательная система человека: вздох, вдох-выдох воздуха, покашливание, заикание, всхлипывание, разного рода фырканье, смех, плач, шепот, молчание (пауза и прерывистая речь).

Так же большое значение стоит уделять не только жестам и мимике, но и проксемному поведению человека, главным параметром которого является физическое расстояние, или дистанция. Проксемика исследует пространственные условия общения — взаиморасположение собеседников в момент их физического, визуального или иного контакта. Пионером в области проксемики стоит считать американского этнографа Эдварда Холла. Опираясь на исследования Холла, И.И. Аминов выделил 4 типа дистанций:

1. Публичная дистанция позволяет наблюдать за людьми. Такая дистанция часто бывает между докладчиком и большой аудиторией слушателей. Интервал составляет от 350 до 750 см.
2. Социальная дистанция – она разделяет людей и обычно соблюдается во время делового общения. Интервал – 120 – 350 см.
3. Личная (или межличностная) дистанция – определяет взаимоотношение людей, т.к. на личной дистанции возможен уже не

- только визуальный контакт, но и воздействование других каналов коммуникации (тактильного, ольфакторного) – 45 – 120 см.
4. Интимная дистанция – особая дистанция полной человеческой близости. Имеет высокую коммуникативную значимость, т.к. общение происходит по большей части за счёт невербальных каналов (голос, касания, позы, тепловые ощущения). Обычно составляет от 15 до 45 см. [Аминов:2005]

Психофизиологические реакции человека (далее ПФР) изучались многими исследователями. ПФР напрямую связаны с эмоциональным состоянием человека. Хотя ранее считалось, что эмоциональное состояние человека эквивалентно внешнему проявлению эмоций [James:1993], многие ученые оспаривают это [Guererro, Floyd:2006]. Несомненно, что сильные эмоциональные переживания сложнее скрыть, а значит легче распознать во внешних реакциях коммуниканта. Эмоциональное реагирование можно понимать как возникновение психофизиологического (эмоционального) состояния. [Ильин:2002: 21]

Роль психофизиологических реакций человека и их отражение в английском языке подробно рассмотрена в работах И.С. Баженовой [Баженова:2003] и Ф.И. Карташковой. [Карташкова:2015] Ф.И. Карташкова рассматривает языковые средства и метафорические способы описания ПФР, а также типы ПФР и отражаемые ими эмоциональные реакции. На основе ранее предложенной классификации ПФР И.С. Баженовой, Ф.И. Карташкова разработала четкую классификацию ПФР:

- вегетативные реакции (дрожь/вздрагивание; изменение цвета кожи, слезоотделение, респираторные симптомы, изменение температуры тела, учащение сердцебиения, нарушение деятельности пищеварительной системы, обморок);
- фонационные симптомы (дрожь в голосе, заикание, неспособность говорить);
- кинемы (жестовые, мимические, пантомимические, тактильные);

- миримические реакции. [Карташкова:2015: 37]

Специфические невербальные действия как компонент невербальной коммуникации исследован мало. В работах Ивановского НОЦ «Лаборатория коммуникативного поведения человека» прослеживается тенденция к выделению двух классов невербальных действий: действия с использованием артефактов/адептеров (предметов окружающей среды) и невербальные действия кинетического характера.

Помимо детального внимания к отдельным классам невербальных компонентов коммуникации, изучалась и связь вербальных и невербальных компонентов коммуникации, отражающих эмоциональные реакции человека. Было выявлено, что невербальный канал коммуникации используется чаще для выражения эмоциональной реакции говорящего, а также для верного и полного определения эмоциональной реакции необходим прагматический контекст. [Вансяцкая:1999]

Эмоции человека и передающие их невербальные компоненты рассматривались и в гендерном аспекте. Проводился сравнительный анализ феминного и маскулинного невербального поведения в плане выражения эмоций и было дано систематизированное описание языковых номинаций невербального поведения мужчин и женщин. [Ганина, Карташкова:2006]

Языковая репрезентация феномена маскировки эмоций человека проводится в работе К.А. Врыгановой. Рассматривается маскировка положительных и отрицательных эмоций, языковые способы описания ситуаций успешной и неуспешной маскировки. Приводятся некоторые коммуникативные тактики для маскировки и способы дешифровки адресатом маскируемых эмоций. [Врыганова:2012]

Существует множество исследований, посвященных невербальной коммуникации в лингвокультурологическом аспекте. Исследовалась специфика невербальных компонентов русского, английского, немецкого, французского, испанского, татарского и других языков. [Боева:2000,

Мирцхулава:2005, Микаберидзе:2008, Голованова:2009, Ю:2009, Хисамова:2010]

Были построены модели, по которым возможно описать коммуникативное поведение и сознание народа. Существует три основные модели описания коммуникативного поведения народа: ситуативная, аспектная и параметрическая. Все три модели призваны обеспечить комплексность описания коммуникативного поведения, но различаются своим назначением. Параметрическая модель предполагает системное теоретическое описание коммуникативного поведения на основе некоторой заданной совокупности параметров, по которым может быть описано коммуникативное поведение любого народа. Ситуативная модель предполагает описание коммуникативного поведения народа в рамках коммуникативных сфер и стандартных коммуникативных ситуаций (приветствие, извинение, вступление в контакт, выход из общения, общение в гостях, общение в коллективе, общение по телефону, общение с детьми, национальная невербальная система и т.д.). Аспектная модель является промежуточным этапом описания коммуникативного поведения народа, группы или личности. Она предполагает описание коммуникативного поведения по нескольким аспектам, выделенным исследователем. Эти аспекты обобщенно отражают те сферы общения, в которых обнаруживается национальная или групповая специфика. Аспектная модель предлагает большую степень абстракции и системности описания, нежели ситуативная, и является подготовительным условием перехода к параметрическому описанию. [Стернин:2000] На основе этих моделей было описано коммуникативное поведение человека в русской и американской лингвокультурах. [Стернин:2001; Прохоров, Стернин:2006]

В настоящее время активно исследуется такая область невербальной коммуникации как кинестетика. Рассматривая феномен комплексного акта вербально-авербального общения с позиции современного коммуникативного конструктивизма, изучаются жесты, мимика и тактильные

ощущения как способ выстроить новые коммуникативные отношения с партнёром. Кинестемы участвуют в формировании объема его иллоктивного потенциала и реализации его конкретной иллоктивной силы. [Малышева:2010, 2011, 2012]

Также занимаются и исследованием тактильного поведения как одного из самых точных и экспрессивных способов выражения отношения. В комбинации с вербальной составляющей, тактильное поведение может выразить любое состояние коммуниканта. [Семенова, Степаненко:2011: 7]

Проксемика также является предметом исследования. После анализа проксемических компонентов, представленных в текстах художественных произведений, заключается, что на уровне содержания вербальный компонент играет приоритетную роль, однако изменения конфигурации коммуникативного пространства обладают также определенной силой, особенно когда дополняют речевые сигналы. [Чрдилели:2011]

В монографии Е.А. Вансяцкой проводится сравнительный анализ невербальных компонентов коммуникации, характерных для коммуникантов младшего школьного возраста – мальчиков и девочек. Особое внимание уделяется особенностям языковых номинаций различных видов невербального поведения детей, анализируются наиболее частотные структуры, эксплуатируемые коммуникантами-детьми. [Вансяцкая:2016]

Вопросы, затрагивающие невербальное поведение человека, широко рассмотрены в лингвистических работах. Однако стоит отметить, что большинство работ затрагивают общение, целью которого является сотрудничество. Межличностное общение не сводится только к стремлению к коопeração, существует и другой вид взаимодействия между людьми – конфликтный, некооперативный. Рассмотрим теоретические исследования, описывающие этот феномен далее.

1.5 Кооперативный и некооперативный виды общения. Специфика конфликтного поведения человека.

Долгое время лингвистическая прагматика уделяла внимание кооперативному типу общения, создавая системы и модели, нацеленные на достижение эффективного взаимодействия и сотрудничества.

Х. П. Грайс считает, что коммуниканты должны следовать Кооперативному Принципу, включающему в себя несколько максим: максима полноты (количества информации), максима качества информации, максима релевантности и максима манеры подачи информации. Максима полноты информации связана с дозировкой информации, необходимой для акта общения. Постулаты к этой максиме таковы: высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется; высказывание должно содержать не больше информации, чем требуется. Максима качества информации конкретизируется следующими постулатами: не говори того, что ты считаешь ложным; не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований. Максима релевантности предполагает фактически только один постулат: не отклоняйся от темы. Максима манеры предполагает оценку способа передачи информации и связана не с тем, что говорится, а с тем, как говорится. Общий постулат этой максимы – выражайся ясно, а частные постулаты таковы: избегай непонятных выражений; избегай неоднозначности; будь краток; будь организован. [Grice:1975]

Представитель второго направления Дж. Лич за основу успешной коммуникации принимает соблюдение Принципа Вежливости. Если принцип кооперации характеризует порядок совместного оперирования информацией в структуре коммуникативного акта, то принцип вежливости – это принцип взаиморасположения говорящих в структуре речевого акта. Дж. Лич, формулируя принцип вежливости, предусмотрел следующие максимы: максима такта; максима великодушия; максима одобрения; максима скромности; максима согласия; максима симпатии. Соблюдение принципа вежливости создает среду позитивного взаимодействия, обеспечивает

благоприятный фон для реализации коммуникативных стратегий. Максима такта предполагает соблюдение границ личной сферы собеседника. В составе каждого речевого акта есть область общих речевых действий и область частных интересов. Максима такта рекомендует говорящему соблюдать осторожность в отношении речевой стратегии и области частных интересов собеседника. Максима великодушия (максима необременения собеседника) предохраняет собеседников от доминирования в ходе речевого акта. Максима одобрения – это максима позитивности в оценке других. Несовпадение с собеседником в направлении оценки мира очень сильно влияет на возможность реализации собственной коммуникативной стратегии. Максима скромности есть максима неприятия похвал в собственный адрес. Реалистичная самооценка – одно из условий успешности развертывания речевого акта. Максима согласия – это максима неоппозиционности. Вместо углубления противоречия, возникшего в ходе общения, эта максима рекомендует поиск согласия, для того чтобы акт общения получил продуктивное завершение. Максима симпатии рекомендует благожелательность, она является условием действия других максим и предохраняет речевые акты от конфликта. [Leech:1983]

Д. Томас интерпретирует Принцип Кооперации Грайса в двух аспектах целеполагания коммуникации: социальном и лингвистическом. Под социальным целеполаганием Томас понимает то, что обычно многие подразумевают под кооперацией – собеседники должны преследовать общие цели и иметь общие интересы в процессе общения. Лингвистическое целеполагание можно описать как следующую схему: «Коммуникант 1 понял иллоктивную цель Коммуниканта 2». [Thomas:1986]

Критики модели Грайса говорят о том, что перечисленные максимы не определены, т.е. неясно как их адекватно использовать для построения коммуникации. В силу отсутствия четкого определения и, самое главное, руководства к применению данных максим и принципов в разговоре, вся

теория сводится лишь к ее интуитивному, а не научно-прикладному пониманию. [Sperber, Wilson:1986]

Важное дополнение в модели Кооперации и Вежливости внесла Д. Остин. Говоря о т.н. «темной стороне» вежливости, она подразумевает такие коммуникативные ситуации, где говорящий строит высказывание лингвистически верно, с точки зрения принципов Вежливости и Кооперации, однако собеседник неверно трактует его интенцию. Поэтому следует учитывать не только перечисленные максимы, но и кинетические и визуальные сигналы, идущие от собеседника, а также само окружение, где происходит ситуация общения. [Austin:1987]

Позднее модель Грайса дополняется, уточняется и принимает следующий вид:

- Рациональность: люди ведут себя согласно собственным интенциям.
- Откровенность: человек говорит то же, что и подразумевает.
- Количество: человек говорит ровно столько, сколько нужно для достижения коммуникативной цели.
- Компетенция: если коммуникант² полагает, что коммуникант¹ верит X, то коммуникант² тоже должен верить X.
- Открытость намерений: если коммуникант¹ подразумевает X, то он ведет себя так, будто подразумевает X.
- Сильная кооперация: если коммуникант¹ стремится к X, то и коммуникант² тоже должен стремиться к X. [Asher, Lascarides:2013]

Ашер и Ласкаридес предлагают выделять три уровня кооперации: базовую, риторическую и Грайсианскую. Под полной или Грайсианской моделью кооперации подразумевается абсолютное соблюдение принципов кооперации. При базовой или основной кооперации некоторые из максим не соблюдаются, однако это не мешает кооперативному течению коммуникации. Риторическая кооперация такова, что при нарушении определенных максим кооперативный или некооперативный ход коммуникации зависит от ее индивидуальной интерпретации, т.е. декодирует

ли один коммуникант некооперативные интенции другого. Другими словами, всё общение, кроме того, которое построено непосредственно по Грайсианской модели кооперации, можно считать некооперативным. [Asher, Lascarides:2013, 2012]

Основной чертой зарубежных исследований феномена некооперативного общения является то, что они лежат в сфере логики, философии и лингвистики. [Franke:2010, Beighley:2010]

Отечественные лингвисты, говоря о кооперативном и некооперативном общении, принимают во внимание не только принцип Кооперации Грайса, но и положения теории речевой деятельности о речевых стратегиях. Понятие стратегии, заимствованное прагматикой из военного искусства, во главу угла ставит не кооперацию, а победу (которая понимается как результативное воздействие на слушателя, как трансформация его модели мира в желательном для говорящего направлении). Поэтому, кроме принципа Кооперации, можно говорить о принципе Некооперации, базирующемся на приоритете интересов говорящего над интересами слушающего (хотя стратегически важно «вычислить» интересы последнего и учитывать в речевых тактиках). Согласно этому, речевые стратегии могут быть разделены на два типа: кооперативные и некооперативные. К первому типу относятся стратегии одобрения и апологетики, утешения, уговоров и т.д., ко второму — стратегии дискредитации, ссоры и др. [Иссерс:2008: 70]

В.С. Третьякова [Третьякова:2003], говоря о гармоничном, успешном речевом общении, указывает на то, что если собеседники осуществили свои коммуникативные намерения, значит, общение строилось на основе стратегий кооперации. Если стратегия кооперации не осуществилась, значит, произошел коммуникативный сбой (Е.В. Падучева), коммуникативный провал (Т.В. Шмелева), коммуникативная неудача (Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова, Е.А. Земская, О.П. Ермакова), коммуникативная помеха (Т.А. Ладыженская) и др.

Некооперативное общение в настоящий момент изучается с различных ракурсов и на материале различных языков (немецком, испанском, английском, русском и др). Были рассмотрены лингвистические способы создания комического в некооперативном речевом общении [Москаleva:2010], выявлена специфика проявления фатической функции в некооперативном общении [Стахнова:2010], показаны особенности тактики экспликации сомнения в кооперативных и некооперативных речевых стратегия [Якубова:2014].

Были проведены исследования в области некооперативного диалога. Некооперативный диалог – это диалог, который не приводит к кооперации – стороны не могут договориться, они не смогли совершить некое действие, не смогли конструктивно построить беседу или не смогли добиться определенных целей. [Букин:2016: 38] При анализе конфликтного диалога во внимание принимаются такие аспекты личности как характер, пол, семейные условия, социальный статус, этап жизни, интеллект, моральный облик, поведение, конфликтность, эмоциональное напряжение, а также учитывается ситуативно-целевой фактор и коммуникативная суппозиция.

Выявлены 4 уровня некооперации в некооперативном диалоге:

1. Первый уровень – это «слабый» некооперативный диалог. В данном случае, как правило, имеются либо смягчающие факторы (дружба, семейные узы, партнерские отношения и т.д.), либо сам говорящий и слушающие коммуниканты не имеют желания продолжать беседу в некооперативном ключе. Беседа сама по себе имеет тенденцию восстановиться в конструктивном русле общения, либо закончиться на нейтральной ноте.
2. Второй уровень некооперативного диалога или «умеренный» некооперативный диалог – это средняя по силе интенсивности величина. Стороны заинтересованы в отстаивании своих позиций по любому вопросу или имеют прямой интерес в некооперативном общении. Такое общение может продолжаться долго, но согласия и взаимопонимания

достигнуть не удается. Как правило, на этом уровне коммуниканты не заинтересованы в физическом столкновении.

3. Третий уровень некооперативного диалога – «сильный». Для этого уровня характерны в первую очередь взаимные оскорблении. Сильный уровень конфликта также может быть, когда стороны совершенно открыто выражают взаимную неприязнь, и диалог по сути превращается в оппозиционный обмен репликами.
 4. Четвертый уровень некооперативного диалога – «критический». Он обуславливается наличием высшей точки конфликта, рукоприкладством и иными физическими столкновениями. Как правило коммуниканты приходят к этому уровню путем взаимных оскорблений, либо чередованием аспектов и факторов некооперативного диалога, чтобы максимально склонить оппонента к конфликту. Переход на данный уровень также возможен при отсутствии дальнейших аргументов.
- [Букин:2016: 42-44]

Вводится понятие о терминации (завершении) некооперативного диалога. Терминатор – сигнал прекращения одного контакта и установление нового, содержательно измененного контакта речевого общения. Терминаторы подразделяются на вербальные и невербальные. [Букин:2016: 45]

Ф.И. Карташкова, рассматривая некооперативное общение, выделяет 3 тактики разрешения конфликтной ситуации. Среди них она называет: тактику прерывания контакта, тактику примирения, тактику обороны [Карташкова:2011: 70-74].

Понятие некооперативного общения близко к понятию конфликта. Условно говоря, некооперативное общения часто низводится до конфликтного общения или, проще говоря, до конфликта. Лингвисты, исследующие конфликт, взяли терминологический аппарат из работ психологов, как пионеров в изучении этого феномена. Психологических работ, посвященных конфликту, множество. Мы в дальнейшем остановимся

на точках зрения трех ученых (А.Р. Лурии, Б.И. Хасана и А.П. Егидеса), которые подробно и многоуровнево исследовали конфликт.

Феномен возникновения конфликта и, как следствия, конфликтного взаимодействия с точки зрения физиологии и психологии исследовал А.Р. Лурия, основоположник нейропсихологии, в своей работе «Природа человеческих конфликтов». Она была написана как своего рода неудовлетворённый ответ учёного на предыдущие психологические исследования в сфере конфликтологии и представляет собой глубокое исследование природы человеческого поведения, законов, которые управляют его организацией и дезорганизацией, а также эмоциональных, волевых и конфликтных процессов. Его работа представляется нам особенно интересной по некоторым причинам. Во-первых, в проведении своих психологических опытов он использует язык - А.Р. Лурия вносит конфликт в активную систему речи и языка. Он также привлекает для опытов людей-билингвов, владеющих как русским, так иностранным языком (немецким, английским, французским). Во-вторых, в книге формулируется новый – динамический и уровневый – подход к самому механизму конфликтного человеческого поведения.

Любую человеческую деятельность А.Р. Лурия рассматривает как целостный акт, динамическую структуру, которая непременно тяготеет к своему концу. Начавшееся возбуждение в организме человека стремится закончиться в моторном проявлении – найти адекватный моторный разряд в реакции. [Лурия:2002: 251]

Вызванное конфликтом возбуждение, будучи отрезано от активной моторики, находит другие пути проявления, захватывая, прежде всего, пассивную моторную сферу и вегетативные процессы. [Лурия: 2002: 343] Отсюда возникают такие проявления как дрожь, покраснение, неконтролируемая жестикуляция, учащение дыхания и сердцебиения, сбивчивая речь и т.д.

Вызванный конфликт оставляет после себя следы, которые, лишь постепенно угасая, активизируются при повторном предъявлении стимула конфликта (механизм персервации). Введённый в психику испытуемого конфликт не оставляет нейродинамику в покое и после реакции на конфликтный раздражитель. Сопряжённая моторика всегда даёт резкое повышение трепора и других пассивных моторных процессов. Возбуждение, начавшееся при конфликте, не только продолжается некоторое время после конфликтной реакции, но и в известной степени влияет на следующую реакцию. Последующий раздражительно падает уже на раздражённую и склонную к дезорганизации почву, поэтому здесь часто обнаруживается эмансиpация моторики от контроля высших кортикальных аппаратов, тенденция к непосредственной передаче возбуждения на моторную сферу, которая свидетельствует об ослаблении участия высших психологических систем и о возвращении реактивного процесса к примитивному, диффузионному состоянию. [Лурия: 2002: 271-273]

Работа А.Р. Лурии объясняет не только причину возникновения конфликтов, но и причину проявления невербальных реакций не те или иные раздражители.

Феноменом конфликта во всех его проявлениях занимается конфликтология. А.П. Егидес ввел важнейшие термины, необходимые для описания конфликта: конфликтоген и синтон. Конфликтоген - слова, действия, порождающие или способные привести к конфликту. Конфликтогены бывают следующих типов: стремление к превосходству; проявления агрессивности; проявления эгоизма; нарушение правил; неблагоприятное стечание обстоятельств. Противоположен конфликтогену синтон. Синтоны – все те наши слова и поступки, все мелочи и детали в общении и взаимоотношениях, которые соответствуют потребностям партнера по общению, сообразуются с его ожиданиями. [Егидес:2004, 2007, 2011]

Б.И. Хасан дает обобщенное описание конфликту, его структуре, динамике и элементам. По Б.И. Хасану [Хасан:2003], структура конфликта выглядит следующим образом: основание столкновения (противоречие) – действительность столкновения (конфликт) – метаконфликтные феномены. Динамику можно обнаружить только в процессуальном описании конфликта и его характеристик. Сначала происходит оформление конфликта (взаимозависимость коммуникантов), затем конфликт структурируется (переход от нормальной деятельности к конфликтной). Далее коммуниканты в ходе конфликта решают, как будет происходить взаимодействие: стоит ли искать пути разрешения сложившегося конфликта или дальше продолжать взаимодействие. В большинстве случаев, конфликт рано или поздно затухает и коммуниканты, предпринимают действия для его разрешения. По мере действий коммуникантов, совместная взаимозависимость так же ослабевает. Ядро конфликта – некое затруднение. Разрешить конфликт – значит преодолеть это затруднение. Для полного анализа конфликта следует принять во внимание следующие элементы: предмет и материал конфликта, основания для конфликта, пространственно-временной контекст конфликта, способы и направленность действий участников конфликта, характеристика самих участников конфликта.

Конфликт подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе коммуникации по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации общения. Речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими – негативными – средствами языка и речи. Такие речевые действия говорящего – субъекта речи, адресанта – определяют речевое поведение другой стороны – адресата: он, осознавая, что указанные речевые действия направлены против его интересов, предпринимает ответные речевые действия против своего собеседника, выражая отношение к предмету речи или собеседнику. Эта

противонаправленная интеракция и есть речевой конфликт. [Обелюнас:2012; Растишевская:2009, Третьякова:2003]

Любой языко-речевой конфликт включен в более сложную ситуацию, образуемую бытовым, национально-ментальным, социальным, психологическим, моральным параметрами. [Голев:2010] Коммуникативный конфликт включает в себя следующие компоненты, которые следует учитывать при его анализе:

1. Ситуационная модель высказывания, которая представлена следующими составляющими:

- а) время интеракции;
- б) место интеракции;
- в) физический контакт собеседников;
- г) социальные обстоятельства, влияющие на ход беседы (беседа на бытовую, общественно-политическую, культурную или другую актуальную тему).

2. Слышащий и его сознание, мотивация, прошлые действия и намерения.

3. Говорящий и его установки, прошлый опыт, причины вступить в беседу.

4. Культурный фон беседы (события, которые в той или иной мере могут повлиять на позитивный или негативный исход общения и создать условия для проявления элементов речевой агрессии со стороны одного из собеседников). [Кошкарова:2009: 50]

При анализе конфликтной коммуникации следует выделить среди всех этих параметров непосредственно коммуникантов и определить тип их языковой личности по способности к кооперации в речевом поведении: конфликтный, центрированный и кооперативный. [Седов:2000]

Конфликтный тип демонстрирует установку на себя и одновременно против партнера по коммуникации. Конфликтный тип языковой личности представлен двумя разновидностями: конфликтно-агрессивным и

конфликтно-манипуляторским. Конфликтно-агрессивный подтип (конфликтный агрессор) проявляется в том, что демонстрирует в отношении коммуникативного партнера негативную иллокуцию (агрессию), которая вызвана стремлением видеть в его поведении враждебную или конкурирующую интенцию. В повседневном общении подобная языковая личность проявляется в инвективах (прямых оскорблений), колкостях, упреках, насмешках и т.п. Конфликтно-манипуляторский подтип (конфликтный манипулятор) в коммуникативном партнере видит прежде всего объект манипуляции. Доминирующая стратегия в речевом поведении подобной языковой личности — навязывание своего мнения и вообще преувеличение авторитетности своего жизненного опыта. В ходе общения манипулятор проявляется в поучениях, советах, диктанте, а кроме того, в манере, задав вопрос, не дослушать ответ на него или же самому дать ответ, в бесцеремонной смене темы путем перебива собеседника.

Центрированный тип характеризуется установкой на себя при игнорировании партнера коммуникации. Выделяются две разновидности этого типа: активно-центрированный и пассивно-центрированный. Активно-центрированный подтип (активный эгоцентрик) иногда по своим речевым проявлениям напоминает конфликтного манипулятора: может перебивать собеседника, произвольно менять тему разговора и т.д. Однако здесь необходимо констатировать разницу в иллоктивных силах: если конфликтный манипулятор не уважает коммуникативного партнера, желая навязать ему свою точку зрения, то активный эгоцентрик просто не способен встать на точку зрения другого участника общения. Пассивно-центрированный тип (пассивный эгоцентрик) обычно в бытовом общении выглядит безобидным. Он с трудом способен выйти за пределы собственного внутреннего мира. Такая "зацикленность на себя" становится результатом работы психологических защитных механизмов, которые обычно отражают какие-то особенности раннего социогенеза индивида. Обычно речевое поведение такой языковой личности содержит несоответствие выбранных

говорящим тактик ситуации общения и интенции собеседника; как правило, это свидетельствует о низком прагматическом потенциале говорящего, неумении переключиться на точку зрения слушателя.

Кооперативный тип в качестве доминирующей установки общения демонстрирует установку на партнера коммуникации. Здесь выделяются подтипы: кооперативно-конформный и кооперативно-актуализаторский. Кооперативно-конформный тип (кооперативный конформист) демонстрирует согласие с точкой зрения собеседника, даже если он не вполне разделяет эту точку зрения. В этом случае установка на партнера как бы подавляет его собственную интенцию, что, как правило, выступает следствием боязни конфликта, конфронтации. Такая настроенность проявляется в демонстрации интереса к другому участнику коммуникации путем использования тактик вопроса, поддакивания, проявлении сочувствия, утешения, комплимента и т.д. Кооперативно-актуализаторский тип (кооперативный актуализатор) в речевом взаимодействии руководствуется основным принципом, который можно определить как стремление поставить себя на точку зрения собеседника, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами. Принципиальным отличием поведения актуализатора от конформиста выступает двойная перспектива в общении: ориентация не только на собеседника но и на себя. [Седов:2000]

Некоторые исследователи конфликта выделяют такой феномен, как инвектический сценарий. Инвектический сценарий - тип речевого поведения, включенный в более широкий социально-психологический контекст и включающий в себя словесное оскорбление. Н.Д. Голев обозначает, анализируя инвектические сценарии (ИС), 2 типа таковых:

- ИС, определяемые речевым поведением инвектора (обидчика, оскорбителя),
- ИС, определяемые речевым поведением инвектума (обиженного, оскорбленного). [Голев:2010]

Другие ученые склонны рассматривать конфликт в дискурсивном ракурсе. Отсюда и термины конфликтный дискурс [Белоус:2008, Кошкарова:2015, Белова:2016] или конфликтогенный дискурс [Сейранян:2010].

Конфликт для лингвиста интересен, прежде всего, как феномен, эксплицирующийся в речи. Для обозначения проявлений агрессии в языке не существует определённого закрепившегося термина. Исследователи используют такие термины, как «речевая агрессия», «языковая агрессия», «вербальная агрессия», «словесная агрессия», «языковое насилие» и другие. Вариантность терминов говорит о недостаточно глубокой исследованности данной проблемы и отсутствия единой терминологической базы, с одной стороны, и осознания того, что данный феномен нельзя считать единой формой поведения. [Карякин, Шампе:2011: 205] Рассмотрим некоторые определения:

- Вербальная агрессия – выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание вербальных реакций (угроза, проклятье, ругань). [БПС:2003]
- Речевая агрессия – сфера речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего. [Енина:2002]
- Речевая агрессия – целенаправленное коммуникативное действие, направленное на то, чтобы вызвать у собеседника негативно эмоционально-психологическое состояние [Седов:2007: 262]
- Языковая агрессия – все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств. [Апресян:2003]

Ю.В. Щербинина предлагает ввести унифицированный термин. Она определяет речевую агрессию как проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме. [Щербинина:2013: 13]

Речевую агрессию можно классифицировать по следующим критериям:

- По интенсивности (слабая и сильная);
- По осознанности и целенаправленности (осознанная, целенаправленная, активная и неосознанная, нецеленаправленная, пассивная);
- По характеру выраженности (открытая и скрытая);
- По отношению к объекту (переходная и непереходная);
- По числу участников речевой ситуации и ее особенностям (массовая и социально замкнутая [групповая и межличностная]). [Щербинина:2013: 216]

Исследования речевой агрессии в социолингвистическом ключе посвящены, прежде всего, анализу инвективной лексики (Н.Д. Голев, В.И. Жельвис, А.Е. Кулаков и др).

Потребность анализа не только верbalного уровня взаимодействия между людьми породила термин коммуникативный конфликт. Рассматривается отношение между людьми и их отражение в вербальном и невербальном коммуникативном поведении в ситуациях коммуникативного конфликта [Крейдлин, Переверзева:2011], проводится анализ на диалогическом материале в художественных произведениях [Дадян:2011] и конфликтном взаимодействии носителей китайского языка [Пугачева:2013].

Коммуникативный конфликт изучен достаточно в лингвистических и социолингвистических категориях, однако в аспекте прагмалингвистики и невербальной коммуникации существует мало работ, посвященных данной теме.

1.6 Теория речевых жанров. Речевой жанр «ссора».

Вопрос о спонтанности или прогнозируемости речи давно стоит перед учеными. Одни сходятся во мнении, что осуществлять речевую деятельность – значит продуцировать и интерпретировать новые высказывания, т.е. речевая деятельность, с этой точки зрения, процесс исключительно

творческий. Другие считают, что речевая деятельность – это не акт творения, а акт воспроизведения этих коммуникативных фрагментов. Трети полагают, что речевая деятельность человека строится главным образом на использовании готовых коммуникативных единиц. Формируя высказывания, мы обязательно прибегаем к схемам, шаблонам, клише. А без овладения жанрово-ролевыми стереотипами общения, в которых языковые единицы достаточноочно прочно увязаны с типическими ситуациями, взаимодействие языковых личностей было бы затруднено. [Красных:2002: 83] Последнее понимание речевого взаимодействия как одновременно процесса творческого, но погруженного в рамки речевого жанра (РЖ) вывело исследователей на создание теории речевых жанров.

Обсуждение проблемы РЖ в отечественной лингвистике начинается со статьи М.М. Бахтина «Проблемы речевых жанров» [Бахтин:1979]. Бахтин выделяет следующие специфические особенности РЖ: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем,... но, прежде всего своим композиционным построением» [Бахтин:1979: 237-238]. По Бахтину, РЖ характеризуется единством содержания, стиля и композиции. Употребление того или иного РЖ определяет замысел говорящего. Замысел влияет, с одной стороны, на предмет речи и его границы, а с другой – на жанровую форму. На замысел и его реализацию имеет влияние эмоционально-экспрессивное состояние говорящего, а также оценка говорящим предмета речи. В результате этого взаимовлияние складывается стиль и композиция РЖ.

Бахтиным так же выделялись первичные (простые) и вторичные (сложные, комплексные) речевые жанры. Первичные жанры складываются в процессе речевого общения. Вторичные жанры преимущественно письменные и при формировании вбирают в себя первичные.

Критика концепции Бахтина, в основном, сводится к тому, что речевые жанры у него «разновелики и разнородны» [Долинин:1998], а некоторые «малые» жанры можно соотнести с речевыми актами. По Дементьеву, речевой жанр – это сложная совокупность многих речевых актов, выбранных и соединенных по соображениям не непосредственно, а через речевой жанр в целом [Дементьев 1995: 9]. Иначе говоря, каждый РЖ составляется из определенной, более или менее стандартной последовательности речевых актов, которые выступают в данном случае как единицы нижележащего уровня.

Интересная попытка связать речевой жанр с речевым актом осуществлена А. Вежбицкой [1997]. Исследователь отмечает, что понятие речевого акта является недостаточным орудием для анализа речи потому, что исключает сложные жанры [Вежбицкая 1997: 100]. Она пытается описывать по единому плану и в одних и тех же терминах, с одной стороны, такие виды речевых манифестаций, которые являются типичными речевыми актами, и, с другой стороны, несомненные речевые жанрами. Однако С.И. Гиндин справедливо замечает, что эта концепция «приводит к опасному неразличению жанров и речевых актов» [Гиндин 1988: 41]. Для подобного научного понимания речевого жанра (т.е. сближения его с речевым актом) был выбран термин генристка. Среди ученых, разделяющих эту концепцию, можно назвать А. Вежбицкую, М.Н. Кожину, М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелеву. Они понимают речевой жанр как диалогическое явление и рассматривают его через призму синтагматических и парадигматических отношений. Репертуар речевого жанра приравнивается к исчислимому набору интеций говорящего. [Дементьев:2010: 52] Другое понимание теории речевых жанров характерно исключительно для российской лингвистики и имеет название жанроведение. Речевой жанр понимается как вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей. [Седов:1998: 11] Акцент с интенций адресанта смещается на взаимодействие адресанта и адресата, погруженное в определенные социально-культурные условия.

Теория речевых жанров является одной из немногих действующих на практике моделей коммуникации, учитывающих такие важнейшие параметры, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления начала и конца речи, передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации. Следует отметить, что в этом состоит выгодное отличие понятия речевого жанра как от единиц языка, осмыслиемых «вне» ситуации общения, так и от речевых актов, осмыслиемых как элементы этой ситуации. Теория речевых жанров берется за решение самой трудной задачи в лингвистике речи — найти единую плоскость для систематического анализа наиболее хаотического в лингвистике материала на базе модели речевого жанра.

[Дементьев:2010: 50]

Необходимо отдавать себе отчет в том, что в сознании носителя языка речевые жанры присутствуют в виде фреймов, сценариев, выступающих в качестве руководства к действию в той или иной социально значимой ситуации общения. Речевой жанр — преимущественно диалогическое явление, поэтому в качестве главного принципа выдвигается диалог, социальное взаимодействие, помещенное в условия конкретной ситуации.

[Акулова:2010: 9] При рассмотрении конкретного речевого жанра целесообразно выделять четыре наиболее важных аспекта:

- формальный аспект (речевой жанр существует в качестве самостоятельного, завершенного текста либо сегмента дискурса и в силу своей языковой природы обладает некоторыми особенностями: грамматическими, лексическими и стилистическими, а также структурно-композиционными);
- коммуникативно-прагматический аспект (жанр представляет собой устойчивую форму, которая обслуживает коммуникативные нужды носителей языка и соотносится с типичной ситуацией речевого общения);
- содержательный аспект (смысловая сторона речевого жанра);

– когнитивный аспект (речевой жанр является компонентом языковой реальности и языковой картины мира). [Покровская:2011: 15]

Речевые жанры классифицировались по разным принципам. Т.В. Шмелева на основании коммуникативной цели (иллокутивно-целевой критерий) выделяет четыре класса РЖ:

- информативные, цель которых – различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение;
- императивные, цель которых вызвать осуществление событий необходимых, желательных или нежелательных;
- этикетные, цель которых осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума;
- оценочные, цель которых, изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей [Шмелева:1997: 92 – 93].

При этом Б.Я. Шарифуллин предлагает дополнить данную классификацию, добавив так называемый инвективный РЖ, т.к. установка на оскорбление, имплетивную (явно обозначенную) или эксплективную (неявную, «нулевую») инвективу связана не столько с оценкой каких-то свойств адресата или третьего лица, сколько с целью «опустить» собеседника, «наехать» на него, выключить из нормального общения. [Шарифуллин 2000: 17].

Классификация Т.В. Шмелевой близка пятичленной типологии РЖ Н.Д. Арутюновой [1999], в основе которой лежит иллокутивный критерий:

1. Информативный диалог (вопросно-ответная пара);
2. Прескриптивный диалог;
3. Обмен мнениями с целью принятия решения или выяснение истины;
4. Диалог, имеющий своей целью установление межличностных отношений;
5. Праздноречевые жанры.

На основании других классификаций все речевые жанры можно поделить на информативные по преимуществу (жанры, в которых говорящий передает новую для слушателя информацию) и фатические (где суть общения не в передаче информации, а в выражении разнообразных нюансов взаимоотношений между участниками коммуникации) [Седов:2007], риторические (ораторские, специально организованные и системные) и нериторические (не имеющие чёткой структуры) [Сиротинина:1999].

Рассматривая фатические речевые жанры с целевой точки зрения, Н.Д. Арутюнова выделяет среди них две группы:

1. Фатические или праздноречевые жанры, не имеющие непосредственной цели;
2. Жанры, имеющие целью установление или регулирование межличностных отношений. [Арутюнова:1999: 159-286]

В.В. Дементьев совместил классификацию фатических речевых жанров Н.Д. Арутюновой и шкалу межличностных отношений А.Р. Балаяна и представил типологию фатических речевых жанров в зависимости от степени проявления фатического начала, а также с учетом коммуникативной цели речевого жанра, направленной на улучшение/ухудшение отношений участников общения по пяти основным типам:

1. Праздноречевые жанры, где межличностные отношения сохраняются;
2. Фатические речевые жанры, ухудшающие межличностные отношения в прямой форме (оскорблении, прямые обвинения, ссоры);
3. Фатические речевые жанры, улучшающие межличностные отношения в прямой форме (доброжелательные разговоры по душам, признания, комплименты, исповеди, проповеди);
4. Фатические речевые жанры ухудшающие отношения в скрытой, косвенной форме (ирония, издевка, розыгрыш).
5. Фатические речевые жанры, улучшающие отношения в скрытой, косвенной форме (шутка, флирт). [Дементьев:1997: 38]

Другим вопросом теории речевых жанров является разграничение непосредственно речевого и коммуникативного жанра. Подобный вопрос восходит к дихотомии «язык-речь» В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра и связан с общей проблемой отношений коммуникации и речи. На данный момент не вызывает сомнений, что речевое общение – лишь одна из возможных разновидностей общения в целом, т.к. речь – всего лишь один из компонентов коммуникации. При таком подходе речевой жанр – разновидность более общего понятия как коммуникативный жанр. Коммуникативный и речевой жанры соотносятся как событие общения (экстравербистические и социально обусловленная форма коммуникативного взаимодействия) и форма его речевой (текстовой) реализации. Жанр коммуникативного события – это форма организации коммуникативного (речевого и неречевого) взаимодействия (деятельности и поведения) партнеров общения в определенных условиях общения. Речевой жанр – это форма структурирования речевой продукции, иными словами, – форма организации текста. Жанр коммуникативного события есть социальная конвенциональная форма организации коммуникативной и практической деятельности участников общения. Речевой жанр – это форма речевой реализации актов коммуникативной деятельности в коммуникативном событии. [Борисова:2001: 42–44]

В рамках данной работы рассматривается ссора как жанр общения. Ссора – фатический нериторический (каждодневный) речевой жанр, который отражает и оформляет в знаковых формах (вербальных и невербальных) типические ситуации социально-бытовых конфликтов. Катарсис в речевой ситуации ссоры достигается за счёт направления речевой агрессии на объект фрустрации (на собеседника). Подобное нападение стимулирует ответную реакцию, за счёт которой разгорается ссора. [Седов:2007: 259]

Седов выделяет 14 агрессивных тактик в рамках речевого жанра «ссора»: инвектива, угроза, проклятье, злопожелание, отсыл, грубое прерывание коммуникативного контакта, констатация некомпетентности,

возмущение, обвинение, упрек, колкость, насмешка, демонстрация обиды, агрессивное молчание. [Седов:2007: 264].

Каждая из выделенных тактик развития ссоры может быть квалифицирована и в качестве самостоятельного одноактного жанра. И угроза, и упрек, и колкость могут встретиться в бытовом общении и вне ссоры. Подобное наблюдение побуждает к попытке терминологического разграничения жанровых образований разного объема. Для обозначения жанровых форм, представляющих собой одноактные высказывания, которые состоят из одного сверхфразового единства и которые способны входить в собственно жанры на правах тактик, вводится термин *субжанр*. [Седов:1999]

Стоит понимать, что в русле некооперативного общения ссора – не является удовлетворительным определением, т.к. негативные эмоции и конфликтные ситуации не всегда оформляются в ссору, поэтому были выделены так называемые жанры речевой агрессии, некоторые из которых совпадают с теми, что выделил К.Ф. Седов в качестве агрессивных тактик: оскорбление, враждебное замечание, угроза, грубое требование или отказ, возражение, порицание (обвинение, упрек), нотация, насмешка, жалоба (донос, литания), клевета, сплетня. [Щербинина:2013: 218] Жанровый подход интенсивно получает свое развитие в изучении агрессивных высказываний.

В современной лингвистике рассматриваются следующие явления, связанные с конфликтным взаимодействием: осуждение, обвинение и порицание [Лаврентьева:2006, Дубровская:2003, Дьячкова:1998], угроза [Рабенко, Нестерова:2007], возмущение [Якищенко:2013, Чапаева:2010], отказ [Пащенко:2012], злопожелание [Крюкова:2013], несогласие [Данилина:2011].

1.7 Основы современной гендерологии

Конфликтное взаимодействие интересно нам, прежде всего, в гендерном аспекте: отличается ли коммуникативное поведение мужчин и

женщин в ситуациях некооперативного общения. Ответ на этот вопрос лежит у истоков гендерологии.

Распространение феминистской теории и литературы послужило началом рефлексии относительно равноправия полов, концептов «мужского» и «женского». Интерес к гендеру возник как попытка ответа на вопрос: чем женщина отличается от мужчины? Каково ее место? Изучение этих проблем лежит в области феминологии, объектом исследования которой являются закономерности женского поведения в социуме. Феминология междисциплинарна, она изучает весь спектр сопутствующих проблем, связанных с положением женщины. Феминология изучает такие проблемы, как женщина и власть, государственная политика в отношении женщин, женщины и образование и др. [Резниченко:1999; Хасбулатова:1998].

Изучение гендера происходит в рамках нескольких направлений: философского, социопсихологического, биологического, социокультурного, лингвистического. В.А. Каменева полагает, что различия в социальном поведении мужчин и женщин объясняются наличием трех моделей социального развития: биологической, социобиологической и социокультурной [Каменева:2005: 21].

В социальной психологии гендер понимается как «социально опосредованное» выражение биологического пола [Гриценко:2005: 4]. Такое понимание гендера основано на взаимодействии с нормами социумами, ожиданиями, а также сложными психическими процессами, происходящими с человеком.

В биологическом подходе к гендерным исследованиям учитываются природные особенности мужчин и женщин. Все различия принимаются как данность природы. В связи с тем, что биологические характеристики людей не могут объяснить различные социальные роли, вводится понятие «гендер», которое представляет взаимодействие социальных и культурных норм, которые общество предписывает мужчинам и женщинам в связи с их полом биологическим [Воронина:2002: 12].

Теория социального конструирования гендера выделяет такие понятия, как гендерная идентичность, гендерная роль, гендерный стереотип и гендерная дифференциация.

Гендерная идентичность предполагает, что человек принимает определения мужественности и женственности, которые существуют в его культуре [Воронина:2002: 23].

К гендерным ролям относятся те социальные роли, образцы и нормы поведения, которые могут касаться манер, речи, одежды, жестов мужчин и женщин [Иванова:2001: 61].

Гендерные стереотипы – «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [Кирилина:1999: 98].

По мнению Г.Е. Крейдлина, под гендерными стереотипами следует понимать сложившиеся в общественном коллективе мнения о характеристиках полов и о нормах их поведения. В обществе издавна существуют традиционное распределение ролей, социальные ритуалы и оценки, касающиеся экспрессии эмоций мужчин и женщин. Существуют как мужские, так и женские позы, жесты, походка. Так, мужчины всегда считались менее чувствительными, чем женщины, их мимика являлась воплощением силы и мужественности, когда женская мимика, наоборот, олицетворяла ранимость и хрупкость [Крейдлин:2005: 121].

Гендерный стереотип в художественном тексте определяет особенности восприятия внешности человека. Стереотипизация внешнего облика соотносится с типом гендерной идентичности человека [Клюкина:2011].

В дальнейшем понятие гендерного стереотипа распалось на стереотипы мужественности, стереотипы феминности, стереотипы речевого поведения мужчин и женщин [Гаранович:2011].

Гендерный стереотип также рассматривается как способ манипулирования человеческим. Гендерные стереотипы в рекламе

воздействуют на сознание потребителя (как женского, так и мужского) [Семкина:2009].

Категория гендерного стереотипа оказывается одной из наиболее изученных в области гендерной лингвистики. Большое внимание уделяется исследованию гендерного стереотипа в СМИ, деловом общении. [Сокольская:2003, Бободжанова:2006; Исакова:2006; Махакова:2007; Федорова:2008; Ахмадеева:2011; Гаранович:2011]

Работы в области гендерных лингвистических исследований появились на западе [Lakoff:1975, Cameron:1995, Coates:1996 и др.]. Робин Лакофф писала об особенностях женского речевого поведения и указывала на меньшую агрессивность женской речи в сравнении с мужской [Lakoff, 1975].

В западных гендерных лингвистических исследованиях существует три подхода. Первый из них относится к изучению социальной природы языка мужчин и женщин и ориентирован на выявление языковых различий. Второй подход анализирует языковое поведение полов с учетом мужского и женского типов речевого поведения (социопсихолингвистический). Третий подход рассматривает когнитивный аспект различия в языковом поведении мужчин и женщин. [Ганина, Карташкова:2006: 32]

В последнее время в отечественной гендерной лингвистике появилось несколько направлений изучения:

- Устно-речевая специфика в лингвистической гендерологии [Потапов:2000, 2002];
- Лексико-грамматическая специфика в лингвистической гендерологии [Григорян:2005; Гришаева:2002];
- Ассоциативно-когнитивные аспекты [Горошко:1999, 2001];
- Социолингвистический подход [Слышик:2002];
- Дискурсно-аналитический подход [Григорян:2005];
- Эмоционально-коннотативные аспекты [Баженова:2003].

Основные различия в мужской и женской речи проявляются на уровне фонетики, лексики, грамматики, прагматики [Каменева: 2005, 42].

Перспективным считается такой подход к изучению гендеря, в котором будет рассматриваться, какие языковые средства используют мужчины и женщины для самоидентификации. Гендерная лингвистика преодолела понимание гендеря как детерминистического явления, разделяющего, по сути, людей на две группы и пришла к пониманию гендеря как интегративного образования, учитывающего такие факторы, как возраст, статус человека и его этническую принадлежность [Гриценко:2005, 59, 243].

Учитывая вышеизложенные теоретические вопросы, посвященные исследованиям в области коммуникации и речевого воздействия, невербальной коммуникации, конфликтологии, жанроведения и гендерной лингвистики, в следующей главе перейдем к описанию коммуникативного поведения мужчин и женщин инициаторов конфликта в ситуациях некооперативного общения.

Выводы по главе 1.

Интерес к проблемам коммуникации возник давно, но особое развитие теория коммуникации получила в связи с научно-техническим прогрессом, появлением радио и, как следствие, усилением роли средств массовой информации в начале XX века. В рамках теории коммуникации выделяются два подхода: процессно-информационный и семиотический. Представители этих подходов разрабатывают модели коммуникации, призванные отразить процесс передачи информации.

Размышления над теорией коммуникации сформировались в теорию речевых актов. В рамках теории речевых актов полагалось, что язык не просто взаимодействует с реальной действительностью, а влияет на нее посредством особых конструкций (перформативов). Обязательные составляющие речевого акта – говорящий и адресат, выступающие как носители определенных, согласованных между собой социальных ролей, или функций. Функция речевого акта понимается как выражение коммуникативной цели, т.е. как иллокуттивная сила.

Постулат теории речевых актов о том, что язык влияет на реальность, сформировал в отечественной лингвистике особую теорию, которая получила название теория речевой деятельности. Как один из видов деятельностного подхода к языкоznанию, теория речевой деятельности выдвигает тезис о том, что речевая деятельность в форме отдельных речевых действий обслуживает все виды человеческой деятельности (трудовую, познавательную и др.). Речевое действие подразумевает также и речевое воздействие, осуществляемое посредством речевых ходов, тактик и стратегий. В ходе коммуникации говорящий оценивает меняющуюся ситуацию и корректирует свои речевые действия, являющиеся частью его речевой стратегии.

Поскольку коммуникация ведется не только по верbalному каналу, но и неверbalному, важно учитывать и те, и другие особенности поведения говорящего, т.е. принимать во внимание его коммуникативное поведение.

Невербальные компоненты коммуникации делятся на три класса: контролируемые невербальные компоненты; неконтролируемые невербальные компоненты, или психофизиологические реакции; специфические невербальные действия.

Множество лингвистических исследований коммуникативного взаимодействия проходили в аспекте кооперативного общения. За основу был взят принцип Кооперации Грайса, включающий себя определенный набор максим. Однако критика его постулатов общения дала расширение и существенное уточнение начальных максим и разграничила кооперативное общение от некооперативного.

Конфликт в психологическом русле был исследован достаточно полно. Были выделены причины конфликта и появления невербальных реакций на уровне нейрофизиологии, построены различные модели анализа динамики конфликтной коммуникации. Из психологии в лингвистику пришли такие важные термины как конфликтоген и синтон.

Исследования конфликта в лингвистике позволили выделить уровни некооперации. Выведено понятие о терминации конфликтного диалога и сигналах прекращения контакта (терминаторах). Установлены типы языковой личности по их склонности к кооперации.

Вербальным проявлением конфликта считается речевая агрессия. Речевую агрессию можно классифицировать по интенсивности, осознанности, характеру враждебности, отношению к субъекту, числу участников речевой ситуации. Исследования речевой агрессии в социолингвистическом аспекте посвящены анализу инвективной лексики.

Теория речевых жанров предлагает различные классификации жанров речи. В теории речевых жанров выделяет «ссора» как жанр фатического (повседневного, праздноречевого) общения, определяются основные тактики, свойственные этому речевому жанру.

Поскольку речевое общение – лишь одна из возможных разновидностей общения в целом, т.к. речь – всего лишь один из

компонентов коммуникации, значит речевой жанр – разновидность более общего понятия как коммуникативный жанр. Коммуникативный и речевой жанры соотносятся как событие общения (экстраконцептивные и социально обусловленная форма коммуникативного взаимодействия) и форма его речевой (текстовой) реализации.

Поскольку термин «ссора» не является удовлетворительным для описания конфликтного взаимодействия, стало возможным говорить о жанрах речевой агрессии. Жанровый подход интенсивно получает свое развитие в изучении агрессивных высказываний.

Другой эффективный подход к изучению коммуникации – гендерный. В рамках гендерной лингвистики активно изучается понятие гендерного стереотипа, а также особенности речевого и неречевого поведения, свойственные для мужчин и женщин.

Глава 2. Гендерная специфика вербальных и невербальных компонентов коммуникативного поведения инициатора конфликта.

Материалом настоящего диссертационного исследования послужили англоязычные романы, сюжет которых отражал конфликтное взаимодействие людей. Организующим центром в образном ряде художественного произведения является автор, который в силу особенностей индивидуального стиля, идейно-эстетической установки и стиля выбранного литературного направления подбирает речевые средства для описания той или иной ситуации. Таким образом, в создании художественного текста особую роль приобретает субъективный фактор.

Однако автор художественного текста является также членом социума, носителем культурно-исторического наследия. Благодаря этому, художественный текст отражает социально-историческую действительность определенной эпохи и является воплощением образных обобщений действительности.

Переходя к анализу фактического материала, следует отметить некоторые важные моменты. Прежде всего подчеркнем, что мы осознаем тот факт, что анализируемые отрезки текста является не прямым отражением коммуникации, а представляют собой стилизованную разговорную речь. Безусловно, описание коммуникативного поведения инициатора конфликта в художественном произведении подвергается некой субъективации и стилизации в силу личности автора. Художественный текст – сильнейшее средство эстетического, эмоционального и идеологического воздействия, т.к. он является результатом воплощения творческого замысла писателя и представляет собой субъективно-окрашенный результат художественно-образного отражения действительности.

Вместе с тем, представляется неопровергимым, что художественный текст является в конечном итоге ни чем иным как отражением реальной действительности, фиксирующим ситуацию конфликтного взаимодействия людей.

Являясь отраженной реальностью, художественный текст запечатлевает отдельные фрагменты действительности, с одной стороны, и передает прагматическое отношение к этой действительности, с другой стороны, что и определяет прагматический потенциал художественного текста как его способности производить коммуникативный эффект. Отражая реальность и ее отдельные коммуникативные ситуации, автор художественного текста подбирает те или иные языковые единицы в соответствии со своим намерением и интенциями копируемого изображаемого (например, коммуникантов в ситуации некооперативного общения). В результате этого процесса художественный текст, как и отдельные его элементы, приобретают прагматический потенциал, который, с одной стороны, зависит от автора художественного текста, как от его создателя, а с другой стороны, нет, т.к. это отражение реальных коммуникативных ситуаций.

2.1 Специфика верbalного поведения инициатора конфликта в ситуации некооперативного общения

С позиции исследователя, наблюдающего за проявлением конфликта в видимой, доступной для наблюдения стадии, можно выявить два параметра, характеризующие причины и характер конфликта. Первый параметр — непосредственные участники конфликта, чье поведение обусловлено комплексом внешних (социальных) и внутренних (психологических) факторов. Второй параметр — язык и речь, которые также соотносятся как явления внешнего и внутреннего порядка. [Растишевская:2009]

Для лингвиста конфликт представляет интерес в аспекте его вербальной экспликации, обусловленной взаимодействием внешних факторов. Языковые средства, используемые говорящими для осуществления своих коммуникативных намерений, являются поверхностными, видимыми структурами текста. Они наблюдаемы, могут сигнализировать о целях и интенциях коммуникантов, их анализ может предоставить информацию об

установках, стратегических замыслах и тактических задачах говорящего. [Третьякова:2003] Однако описание языковых средств должно проводиться не только в пласте их принадлежности к уровню грамматики, лексики, синтаксиса или стиля. Функциональный потенциал единиц, маркирующих некооперативное общение, также подлежит рассмотрению. В данной главе последовательно рассмотрим лексические, грамматические и стилистические особенности речи мужчин и женщин инициаторов конфликта.

2.1.1 Лексические особенности верbalного поведения инициатора конфликта

Анализ фактического материала показал, что для речи инициатора конфликта характерно использование следующих групп лексики: лексика с отрицательной коннотацией (преимущественно пейоративная лексика), обсценная лексика и инвективная лексика.

Эмоционально-экспрессивная лексика в речи инициатора конфликта отрицательно коннотирована. Это связано с тем, что участники некооперативного общения находятся в отрицательном эмоциональном состоянии гнева, возмущения, раздражения и других, которые эксплицируются в их речи. Здесь же следует выделить и пейоративную лексику как средство негативной оценки чего-либо или кого-либо.

В речи инициатора конфликта особое место занимает обсценная лексика. Обсценная лексика выражает спонтанную речевую реакцию на неожиданную неприятную ситуацию. [СЛТ:2010] Использование обсценной лексики помогает инициатору конфликта выразить свои эмоции относительно происходящего. Проблемам обсценной лексики посвящены работы Ю.И. Левина, Б.Я. Шарифуллина, В.М. Мокиенко, J. O'Connor, S. Johnson, G. Hughes, R. Wajnryb, J. Sheidlower и др.

Речь инициатора конфликта интересна также для анализа в ракурсе инвективной лексики. Инвективная лексика — это слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном

компоненте содержания интенцию говорящего или пишущего унизить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме. [СЛТ:2010] Исследованием инвективной лексики занимались В.И. Жельвис, Н.Д. Голев, А.Ю. Позолотин, А.А. Ким, Ю.А. Бельчиков, А.Е. Кулаков, Е.В. Ванякина, О.В. Демидов, Ю.В. Домашевич, В.Н. Аристова и др.

Отдельно встречающиеся инвективы возможны, но чаще всего они складываются в конструкции *Adj+N*. Прилагательное при этом имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию, что может быть объяснено отрицательным эмоциональным состоянием коммуниканта. Оно выступает усилителем значения существительного и эксплицирует на вербальный уровень эмоции говорящего. Повторение компонента *Adj* два и более раз демонстрирует степень эмоционального напряжения коммуниканта и помогает эффективно трансформировать внутреннюю агрессию во внешнюю посредством речи.

На основе ранее выделенных Е.В. Ванякиной, А.Ю. Позолотиным и В.И. Карасиком групп инвективной лексики И.В. Куражова разработала следующую классификацию, на которую мы опираемся: 1) биологическая природа человека; 2) интеллектуально-волевая сфера человека; 3) мораль, воспитание и общественные устои личности; 4) эмоционально-психологические особенности индивида; 5) социальная сфера человека; 6) гендерные инвективы.

Рассмотрим поочередно специфику использования каждой из этих групп лексики мужчинами и женщинами, выступающими в роли инициатора конфликта.

2.1.1.1 Лексические особенности маскулинного вербального поведения

Мужчина, выступающий в роли инициатора конфликта и находящийся в ситуации некооперативного общения, использует в своей речи пейоративную, обсценную и инвективную лексику.

Различные знаменательные части речи, представленные в речи мужчины инициатора конфликта, могут быть отрицательно коннотированы и иметь пейоративную окраску.

- (1) ‘I’d like to know how you ended up in this quagmire. Did you have a story or didn’t you?’ he snapped briskly. [SL, 160]

В данном отрезке текста коммуникант мужчина использует существительное с отрицательной коннотацией *quagmire* для оценки ситуации, в которой находится адресат. В прямом значении слово переводится как «болото, трясина» - *bog, morass, marsh*, однако для описания ситуации применяется его переносное значение – *a difficult, complex or dangerous situation* [AHD], для обозначения сложности ситуации и её стагнации, придавая, таким образом, негативный оттенок оценке происходящего.

Обсценная лексика так же типична для речи мужчины инициатора конфликта. В качестве обсценных в речи инициатора конфликта мужчины могут функционировать как существительные и прилагательные, так и междометия и частицы.

- (2) Do you realize who the fuck you’re talking to? [HT, 15]

В данном примере инициатором конфликта является мужчина. В предложении *Do you realize who the fuck you’re talking to?* слово *the fuck* является частицей-усилителем. В словаре сленговых выражений назначение этой частицы определяется таким образом: *a particle intensifier used with some verbs to express strong disgust or anger; questioning interjection* [TOSD]. Используя эту частицу, инициатор конфликта передает свою эмоциональную реакцию раздражения и негодования, а также придает всему высказыванию оттенок сильного недовольства.

Широко представлен корпус инвективной лексики в речи мужчины инициатора конфликта. Как было сказано выше, мы будем делить инвективу на шесть подгрупп согласно ее направленности на биологическую природу человека, интеллектуально-волевую сферу человека, морально-нравственные устои личности, эмоционально-психологические особенности индивида, социальную сферу человека, гендерные признаки человека. Далее подробнее рассмотрим специфику инвективной лексики в речи мужчины инициатора конфликта.

К группе «биологическая природа человека» будут относиться инвективы, описывающие недостатки внешности, возраст, состояние здоровья и другие физиологические отклонения.

Компонентный анализ инвектив, используемых инициатором конфликта мужчиной и относящихся к адресату-женщине, позволил выделить следующие часто совпадающие элементы: *woman; ugly; unpleasant*. Исходя из этого, можно судить о том, что так как для женщины важна физическая привлекательность и красота, то инвективы, как инструмент конфликтного взаимодействия, затрагивают именно это поле.

(3) I screamed words I couldn't have imagined coming out of my mouth: "You ugly bitch! You ugly, dog-faced bitch!" [AF, 87]

В данном примере мужчина, выступающий в роли инициатора конфликта, оскорбляет адресата-женщину. Существительное *bitch* здесь выявляет гендерную принадлежность адресата и носит общую отрицательную коннотацию (*spiteful and haughty woman* [MWD]). Зависимые от него прилагательные *ugly* и *dog-faced* несут на себе смысловую нагрузку инвективной конструкции. Оба они демонстрируют намерение мужчины инициатора конфликта оскорбить физические данные адресата-женщины, в частности ее внешние данные.

Инвективы, направленные на интеллектуально-волевую сферу человека, в большинстве своём, затрагивают ум адресата, его простоту, неспособность выполнить определенные задачи и непроницательность. Опираясь на

фактический материал, можно сказать, что слово *fool* приобрело множество синонимов, каждый из которых обладает определенным экспрессивным потенциалом, варьирующейся степенью грубоści и разной сферой употребления: *idiot*, *imbecile*, *moron*, *dummy*, *dullard*, *dolt*, *retard*, и другие. Специфика употребления проявляется в том, что все вышеперечисленные слова типичны для однополых коммуникативных актов, т.е. адресатом так же является мужчина. Когда мужчина инициатор конфликта обращается к адресату-женщине, для него характерно использование менее экспрессивных прилагательных и существительных со схожей семантикой, например, *stupid*, *silly*, *fool*.

С точки зрения словообразования, интересно рассмотрение инвектив, представленных сложными существительными. Один из компонентов сложного существительного – прилагательное с отрицательной коннотацией (слабый, хилый), а другой – соматизм, имеющий отношение к когнитивной деятельности. Каждая из таких инвектив говорит о неудовлетворительных умственных способностях адресата. Наблюдения словообразовательных особенностей инвективной лексики на нашем материале показали, что по такому принципу образованы инвективы:

- С именным компонентом *-brain*: *lamebrain*, *scatterbrain*;
- С именным компонентом *-head*: *dumbhead*, *oxhead*, *loggerhead*, *chucklehead*;
- С именным компонентом *-skull*: *numskull*;
- С именным компонентом *-wit*: *nitwit*, *lackwit*, *halfwit*.

Инвектива может выступать также в роли обращения. Для придания инвективе направленности, инициатор конфликта зачастую употребляет личное местоимение *you*.

(4) He blew out a harsh sigh. "Jesus, you guys make me fucking mad!"
I risked answering. "Uh -- me?"
"Yes, you, moron!" [DJS, 10]

Данный пример иллюстрирует инвективное обращение мужчины инициатора конфликта, затрагивающее интеллектуально-волевую сферу адресата-мужчины. Инициатор конфликта находится в отрицательном эмоциональном состоянии раздражения. Реплика адресата катализирует эмоциональное состояние раздражения, оно переходит на вербальный уровень и эксплицируется в речевой агрессии за счет инвективы *moron* (слабоумный, умственно отсталый).

Спектр инвектив, затрагивающих моральные и общественные устои личности, а также ее воспитание, весьма широк.

(5) *Breathing heavily, he growled, 'You bastard!'* [AH, 372]

Для выражения своей отрицательной эмоциональной реакции инициатор конфликта использует существительное *bastard* – a person, especially one who is held to be mean or disagreeable [AHD] – подлый, противный человек.

Инвектива, подчеркивающая эмоционально-психологические особенности индивида, разнообразна. Она может быть направлена на излишнюю расторопность и медлительность, вспыльчивость и холодность и т.д.

(6) "Mrs. Lloyd Mason" – Crawford Sloane employed the cutting tone he used occasionally for repulsive items in the news - "has anyone told you lately that you are a cold-hearted bitch?" [AH, 276]

Адъективно-именное сочетание инвективного характера *a cold-hearted bitch*, которое использует мужчина инициатор конфликта, затрагивает эмоционально-психологическую сферу адресата. Существительное *bitch* не является доминирующим в данном словосочетании. Оно выражает общее недовольство адресанта, его негативные эмоции к собеседнику. Смысловым ядром инвективы является адъективная часть – прилагательное *cold-hearted*. Сердце (heart) принято считать символом эмоций, в противовес голове (head), воплощающей разум. Первая часть слова *cold-* трансформирует смысл всего сложного прилагательного и придает значение безэмоциональности, холодности, безучастности.

Инвективы, затрагивающие социальную сферу человека, отражают его социальную роль и статус, а также взаимоотношение с другими членами социума. Инвективы, направленные на оскорбление человека с низким материальным достатком, представлены в нашем материале следующими языковыми единицами: *hobo*, *bum*, *tramp*, *vagabond* и др. За счет них создается образ не только небогатого, но и ведущего бродяжнический образ жизни человека. Инвектива, направленная на оскорбление высокого социального положение и материального достатка, представлена в нашем материале следующими единицами: *bigwig* (большая шишка), *wastrel* (мот), *prodigal* (транжира) и др. Движение от низкого к высокому социальному статусу отражено такими инвективными единицами, как *gold-digger* (-ing), *opportunist* (-ic) и др. Также к этой группе принадлежат инвективы, связанные с вредными привычками адресата (*drunker*, *junkie* и др.), его образом жизни (*idler*, *loafer*, *rake* и др.) и социальной ролью или профессией (*pimp*, *bastard* и др.).

(7) Danvers scowled at the intruder. ‘He’s a wastrel and a decadent’. [TPP, 60]

Мужчина инициатор конфликта использует здесь два класса инвективной лексики: инвективы, затрагивающие морально-нравственные устои личности и его социальную сферу. К инвективе, направленной на оскорбление морально-нравственных качеств личности, относится существительное *decadent* – a self-indulgent person in a condition of moral decay [PUD]. Существительное *wastrel* направлено на социальную сферу человека. Инициатор конфликта имеет целью унизить адресата за его разгульный и беззаботный образ жизни, что видно из дефиниции существительного *wastrel* – someone who dissipates resources self-indulgently [PUD].

Гендерные инвективы выделяют качества адресата, напрямую связанные с его половой принадлежностью. Анализ фактического материала показал, что: 1) гендерная инвектива, направленная на адресата мужчину, указывает на его физическую слабость, трусость и гомосексуальные предпочтения, например, *pansy*, *chicken*, *cocksucker* и др; 2) гендерная инвектива,

направленная на адресата-женщину, часто затрагивает сферу ее интимных отношений с мужчинами, неопрятный внешний вид и разгульный образ жизни: *whore, slut, tramp, floozie, harlot, tart* и др. Рассмотрим пример гендерной инвективы.

(8) You're a whore. [CB, 27]

В данном примере мужчина инициатор конфликта использует гендерную инвективу по отношению к адресату-женщине. Инвектива представлена существительные *whore* - a person considered sexually promiscuous.

Специфика употребления инвективой лексики проявляется в ее использовании, которое зависит от пола адресата. Анализ материала позволяет говорить, что по отношению к адресату-мужчине инициатор конфликта чаще других использует гендерные инвективы и инвективы, направленные на интеллектуально-волевую сферу. Гендерные инвективы представлены существительными с семантикой, указывающей на гомосексуальность адресата (*chicken, pansy, faggot* и др.). Инвективы, затрагивающие интеллектуально-волевую сферу человека чаще представлены существительными с семантикой, указывающей на глупость адресата (*moron, idiot, dummy* и др.).

По отношению к адресату-женщине мужчина инициатор конфликта склонен чаще употреблять гендерную инвективу и инвективу, направленную на биологическую и интеллектуально-волевую сферу человека. Поля гендерной и биологической инвективы, направленной на женщину-адресата пересекаются в плоскости внешних данных женщины (рост, вес, красота, опрятность), поэтому наиболее распространены адъективно-именные словосочетания, затрагивающие именно этот аспект жизнедеятельности (*old whore, ugly witch* и др.). Гендерная инвектива, направленная на женщину-адресата, также затрагивает область сексуальных отношений женщины, указывая на ее распущенность и доступность (*cheap slut, sad whore* и др.). Мужчина инициатор конфликта также часто использует инвективу,

направленную на интеллектуально-волевую сферу женщины-адресата, однако по сравнению с той же группой инвективы, направленной на мужчину-адресата, спектр инвектической лексики этой подгруппы не так широк и представлен прилагательными с семантикой, указывающей на глупость женщины-адресата (*silly, stupid*).

Итак, проанализировав лексические особенности вербального поведения мужчины инициатора конфликта, можно заключить следующее: 1) в связи с отрицательным эмоциональным состоянием инициатора конфликта в ситуации некооперативного общения, эмоционально-экспрессивная лексика отрицательно коннотирована; она может быть представлена различными частями речи (существительными, прилагательными, глаголами, наречиями), направлена на оценку ситуации, адресата и его действий и т.д. и носить пейоративный характер; 2) корпус обсценной лексики не так широк и представлен дериватами узкого круга лексем (*fuck, shit, damn* и др); обсценная лексика отражает негативную реакцию инициатора конфликта на ситуацию некооперативного общения и представлена, в основном, существительными и прилагательными, а также междометиями и частицами; 3) инвектическая лексика представлена широко; в отношении адресата-мужчины характерно частотное использование инвективы, направленной на интеллектуально-волевую сферу человека, а также на его гендерные особенности; в отношении адресата-женщины – биологическую и интеллектуально-волевую сферу человека, а также на особенности адресата, связанные с его полом; специфика этих часто используемых инвектических групп варьируется от пола адресата и проявляется в семантике инвективы.

2.1.1.2 Лексические особенности феминного вербального поведения

В речи женщины инициатора конфликта, так же как и в речи мужчины инициатора конфликта, наиболее часто встречаются следующие лексические группы: лексика с отрицательной коннотацией, обсценная и инвективная лексика.

Все знаменательные части речи могут быть отрицательно коннотированы и носить пейоративную окраску в связи с отрицательным эмоциональным состоянием инициатора конфликта. Рассмотрим пример употребления лексики с отрицательной коннотацией.

(9) ‘Are you that person who’s been snooping around in our family affairs?’
[SL, 149]

В речи женщины инициатора конфликта используется глагол с отрицательной коннотацией *to snoop around* - *to pry into the private business of others* [AHD]. Более того, этот фразовый глагол является сленговым. Используя этот отрицательно коннотированный глагол для оценки действий адресата, инициатор конфликта играет на понижение и демонстрирует свое негативное отношение к последнему.

Женщина инициатор конфликта использует обсценную лексику для вербализации отрицательной реакции на то или иное событие. Женщины, выступающие в роли инициатора конфликта, используют обсценную лексику реже, чем мужчины. Рассмотрим примеры использования обсценной лексики женщиной инициатором конфликта.

(10) ‘Shit! SHIT!’ cried Marlena, twisting her body back and forth. [TP, 187]

Женщина инициатор конфликта отрицательно реагирует на реплику адресата, что вербально эксплицируется с помощью повторения междометия *shit* - used to express surprise, anger, or extreme displeasure [AHD].

Инвективная лексика, употребляемая женщиной инициатором конфликта, распадается на те же подгруппы, что и в случае с маскулинным вербальным поведением инициатора конфликта. Инвективы из группы «биологическая природа человека», относящиеся к адресату-мужчине и

используемые женщиной инициатором конфликта, чаще всего затрагивают такое семантическое поле, как физическая сила и ее отсутствие или нехватка. Рассмотрим пример, где инициатором конфликта является женщина, а адресатом – мужчина.

(11) You're old dick. You just want to sit around and criticize everything and everybody. You don't want to do anything. [CB, 23]

Женщина инициатор конфликта акцентирует вниманием на возрасте адресата. Прилагательное *old* является нейтрально окрашенным и указывает на возраст. Оно сочетается с существительным *dick*, которое в данном контексте может быть рассмотрено в значении «a fellow, a guy, a chap» [MWD]. Вместе они образуют адъективно-именное инвективное словосочетание.

Инвектива, направленная на интеллектуально-волевую сферу человека, реализуется в речи женщины инициатора конфликта так же, как и в речи мужчины инициатора конфликта, за счет существительных и прилагательных с идентичной семантикой. В примере ниже женщина инициатор конфликта использует инвективу, направленную на интеллектуально-волевую сферу адресата-женщины.

(12) “Why would he tell me, you stupid bitch?” hissed Christina. [TPG, 212]

Именной компонент *bitch* указывает на гендерную принадлежность адресата. Адъективная часть *stupid* в данной инвективной конструкции маркирует направленность инвективы на интеллектуально-волевую сферу адресата.

Для ситуаций, когда женщина инициатор конфликта обращается к мужчине адресату, также типична инвектива, направленная на морально-нравственные устои личности.

(13) "You rotten rotten rotten son-of-a-bitch!" she screamed. [CB, 163]

Троекратное повторение прилагательного *rotten* (unsound in character or quality; in a corrupt or untrustworthy state; destitute of stability or integrity [WD]) усиливает экспрессивный потенциал инвективного словосочетания и

передает негативное отношение женщины инициатора конфликта к морально-нравственным качествам адресата-мужчины. В качестве именного компонента словосочетания выступает одна из самых распространенных инвектив – существительное *son-of-a-bitch*, выраждающее общее отвращение, раздражение или разочарование в адресате.

Особенности инвективы, принадлежащей к подгруппе, затрагивающей эмоционально-психологическую сферу человека, у женщин инициаторов конфликта схожи с особенностями соответствующей подгруппы у мужчин инициаторов конфликта.

(14) Stop acting like a crazy woman! [TP, 186]

Женщина инициатор конфликта использует инвективную конструкцию со структурой *Adj+N*. Существительное *woman* является нейтрально коннотированным и указывает на гендерную принадлежность адресата. Прилагательное *crazy* – *out of control; unsafe* [WD] – выполняет атрибутивную функцию и является смысловым ядром инвективной конструкции, направленным на оскорбление эмоционально-психологических качеств адресата.

Женщины инициаторы конфликта активно используют в инвективу, направленную на социальную сферу адресата.

(15) ‘You’re just a washed-up, gold-digging little coke-head.’ [TPG, 187]

Инвективное словосочетание имеет структуру *Adj+N*, где компонент *Adj* многократно повторяется. Именное ядро словосочетания *coke-head* (*one who does cocaine* [UD]) маркирует вредную привычку адресата – наркозависимость, что имеет негативную оценку не только в глазах инициатора конфликта, но и в социуме, в целом. Стремление к повышению уровня материального достатка демонстрирует адъективный компонент *gold-digging*, однако он тоже имеет отрицательную коннотацию, т.к. эксплицирует отсутствие романтической привязанности, а только стремление к наживе (*a woman who associates with or marries a rich man in order to get valuables from him through gifts or a divorce settlement* [VD]). Концепт социальной

невостребованности адресата реализуется в прилагательном *washed-up* (no longer successful or needed [AHD]). Прилагательное *little* выступает в своем значении without much power or influence [AHD]. Благодаря конструкции *Adj+...+N*, каждый адъективный компонент может добавить инвективное значение к уже имеющемуся или усилить его.

Гендерная инвектива активно используется женщиной инициатором конфликта. Фактический материал показал, что для мужчин-адресатов наиболее оскорбительны инвективы, подчеркивающие недостаток его физической силы и женственные черты (*wimp*, *pansy*, *pussy*, *nancy boy*), зависимость от женщины (*gigolo*, *henpecked*, *mama's boy*). Преувеличение женственных черт и физической слабости развивается в широкий пласт гендерной инвективы, семантика которой указывает на гомосексуальность мужчины: *faggot*, *punk*, *cocksucker*, *chicken* и др. Рассмотрим пример употребления гендерной инвективы женщиной инициатором конфликта по отношению к мужчине-адресату.

(16) It came as Barbara, in her final fit of rage, shrieked to Richard that he was a "dickless little wimp." [TPO, 154]

Инвективная конструкция *Adj+Adj+N* обращена к адресату-мужчине. Ядерным компонентом является существительное *wimp* (a person who is not strong, brave or confident [MD]) – дохляк, тряпка, неженка, баба (пренебрежительно о мужчине). Эмоционально-экспрессивный потенциал инвективы усиливается за счет прилагательного *little*, что по обращению к мужчине можно также расценить как оскорбление: маленький, значит слабый. Второй адъективный компонент конструкции – *dickless*, в котором также присутствует сема *wimpy*, *not manly*; он выражает ту же идею. Манифестация отрицательных эмоций коммуниканта в речевой агрессии направлена на оскорбление достоинства адресата и ставит под сомнение не только его физическую, но и мужскую силу.

Инвектива обладает мощным эмоционально-экспрессивным потенциалом. Она способна емко выразить чувства говорящего по

отношению к собеседнику. При этом говорящий способен направить оскорбление на разные сферы жизни адресата, в зависимости от коммуникативно-прагматической ситуации. Чаще всего инвективное словосочетание имеет структуру $Adj+N$, где один или сразу оба компонента могут иметь инвективную направленность. Инвективная лексика представлена широко и по своей направленности может быть разделена на следующие классы: биологическая природа человека; интеллектуально-волевая сфера человека; мораль, воспитание и общественные устои личности; эмоционально-психологические особенности индивида; социальная сфера человека; гендерные особенности. Однако частота употребления того или иного класса зависит от пола адресата.

Женщина инициатор конфликта в разговоре в женшиной-адресатом чаще использует гендерную инвективу, а также инвективу, направленную на социальную и морально-нравственную сторону личности. Гендерные инвективы представлены преимущественно существительными с семантикой, указывающей на доступность и распущенность женщины-адресата. Инвектива морально-нравственного класса представлена словосочетаниями $Adj+N$, где в качестве компонента N чаще всего выступает лексема *bitch*. Другой типичный класс инвективы – инвектива, направленная на социальную сферу личности.

Для женщины инициатора конфликта характерно использование инвективы, направленной на гендерные и морально-нравственные особенности личности адресата-мужчины. Инвектива, направленная на морально-нравственные устои личности, представлена существительными и прилагательными с семантикой подлого, лживого, ненадежного человека. Семантика гендерной инвективы находится в той же плоскости, что и в случае, когда адресатом и инициатором конфликта являются мужчины: физическая слабость, гомосексуальность, трусость.

Итак, рассмотрев лексические особенности верbalного поведения женщины инициатора конфликта, можно заключить следующее: 1)

женщинами инициаторами конфликта широко используется отрицательно коннотированная лексика; она представлена существительными, прилагательными, глаголами, наречиями и служит для вербализации отрицательной эмоциональной реакции или оценки ситуации, адресата и его действий и т.д.; 2) обсценная лексики представлена, в основном, существительными и прилагательными, а также междометиями и частицами; в сравнении с частотой употребления обсценной лексики мужчинами инициаторами конфликта, женщины используют ее значительно реже; 3) инвективная лексика представлена обширно; для однополых и диполовых коммуникативных актов характерно частотное использование инвективы, направленной на морально-нравственный особенности и гендерные личности, однако специфика этих инвективных групп варьируется от пола адресата и проявляется в семантике инвективы.

2.1.2 Грамматические особенности верbalного поведения инициатора конфликта

Речь инициатора конфликта также представляет интерес в плане анализа грамматических средств. Анализ материала позволяет утверждать, что как для мужчин, так и женщин, выступающих в роли инициатора конфликта, характерно использование следующих грамматических средств: грамматическая эмфаза, парцелляция, эллипсис, восклицательные и вопросительные предложения, разделительные вопросы, вопросительно-отрицательные формы, отрицания, повелительное наклонение, модальные глаголы. Последовательно рассмотрим специфику использования выделенных грамматических средств мужчинами и женщинами инициаторами конфликта.

2.1.2.1 Грамматические особенности маскулинного вербального поведения

Для речи мужчины инициатора конфликта характерны некоторые грамматические особенности. Рассмотрим примеры их употребления.

(17) ‘It’s hardly my primary business concern,’ he laughed coldly, ‘However, you’re right, I do want to protect that investment.’ [TP, 175]

Грамматическая эмфаза – очень продуктивный способ подчеркнуть важную информацию в диалоге. В некооперативном общении роль эмфазы велика, т.к. говорящий может усилить нужную часть высказывания. Мужчина инициатор конфликта использует здесь грамматическую эмфазу, которая строится по принципу: «вспомогательный глагол + инфинитив» (здесь – «do want»), при этом логическое ударение ставится на вспомогательный глагол. Эмфаза выполняет здесь эмфатическую функцию, т.е. акцентирует внимание адресата на важной для инициатора конфликта информации.

Эмоционально-экспрессивную функцию в речи инициатора конфликта могут выполнять отрицательные предложения. Рассмотрим пример ниже.

(18) "You are not selective. One man's the same as another to you. I'm not going to eat your shit." [CB, 28]

Инициатор конфликта находится в отрицательном эмоциональном состоянии гнева, что известно из pragматического контекста. Оно манифестируется вербально посредством использования отрицательной частицы not в предложениях, декларирующих его намерения.

Некоторые грамматические средства выполняют манипулятивную функцию в речи инициатора конфликта. За счет их использования инициатор конфликта пытается навязать желаемое поведение собеседнику, заставить его что-то сделать или соответствующе отреагировать. Некоторые грамматические средства могут выполнять регулятивную функцию и быть использованы с целью перехвата коммуникативной инициативы и направления диалога в нужное для коммуниканта-инициатора конфликта

русле. Рассмотрим пример, где инициатор конфликта использует разделительный вопрос с этой целью.

(19) ‘So who’s your little friend?’ asked her father mockingly. ‘Didn’t take you very long, did it?’ [TP, 370]

Разделительный вопрос в данном примере реализует желание инициатора конфликта задать определенный курс беседы. Разделительный вопрос является, с одной стороны, утверждением, т.к. передает мысли говорящего в первой части до запятой (Didn’t take you very long), а с другой стороны, имея формальную структуру вопроса (did it?), подразумевает ответ. Таким образом, с помощью разделительного вопроса инициатор конфликта может манипулировать адресатом, провоцировать его, навязывать ему свою точку зрения.

Специальные и общие вопросы типичны для речи инициатора конфликта и реализуют ряд функций. Рассмотрим их в примере ниже.

(20) “Why should I be joking?” asked Adam angrily. “My events coordinator fucks someone who isn’t her boyfriend, my vice president—my friend—on my board-room table. Why should I be joking?” [TPG, 258]

В данном примере вопросительная форма предложения помогает выразить отрицательную эмоциональную реакцию гнева инициатора конфликта. Повторение вопроса помогает усилить экспликацию эмоциональной реакции гнева. После первого употребления вопроса говорящий дает пояснение, из которого собеседнику должно быть понятно, что он не шутит. Конец реплики – вновь повторение вопроса, это шанс для собеседника изменить свое коммуникативное поведение. Специальный вопрос выполняет здесь не только эмоционально-экспрессивную функцию, но и манипулятивно-регулятивную.

Повелительное наклонение также типично для верbalного поведения инициатора конфликта. Оно выполняет не только манипулятивно-регулятивную функцию, но и манифестирует отрицательные эмоции инициатора конфликта.

- (21) ‘Do not waste my time.’ Miguel gripped the phone tightly, controlling his anger. [AH, 178]

В данном примере верbalная команда адресату имеет конструкцию: «Вспомогательный глагол в отрицательной форме do not + инфинитив waste». Эта команда адресату выполняет, во-первых, манипулятивно-регулятивную функцию, т.к. инициатор конфликта желает быстрее перейти к интересующему его вопросу и не тратить время, а во-вторых, эмоционально-экспрессивную. Данная форма повелительного наклонения вербально выражает отрицательную эмоцию гнева, испытываемую инициатором конфликта.

Типичной чертой речи инициатора конфликта также являются модальные глаголы, которые могут выполнять различные функции. Рассмотрим примеры их использования.

- (22) ‘The Huntsford Ball is not a fundraiser, Camilla,’ he said finally. ‘You must appreciate that, after the Musical Evening, I am a little less inclined to invite complete strangers into my house for any enterprise – commercial, charitable or otherwise.’ [TP, 385]

Глагол must употребляется с целью передать настойчивую просьбу инициатора конфликта. Адресат не осознает причину недовольства говорящего, поэтому для придания собственной реплике категоричности и весомости коммуникант употребляет модальный глагол в своей просьбе «You must appreciate», что подтверждает авторский комментарий he said finally.

- (23) ‘Not only could I have you arrested, I could have you ruined,’ he said haughtily, trying to regain the upper hand. [TP, 376]

Форма прошедшего времени could с последующим Perfect Infinitive говорит о нереализованных возможностях говорящего в прошлом – «could have arrested» и «could have ruined». Стоит отметить, что первой в высказывании имеет место инверсия «Not only could I have you arrested», что говорит о его эмфатическом характере. Инициатор конфликта делает акцент

на том, что мог навредить собеседнику в прошлом, но этого не сделал. Из pragmatischen контекста данного примера ясно, что предложение является угрозой – нереализованные возможности в прошлом могут быть реализованы в настоящем. Угроза строится за счет анафорического повтора параллельных конструкций «I + could + Perfect Infinitive». Семантическое ядро компонентов, представленных Perfect Infinitive, усиливается от первого ко второму, т.е. угроза основывается на градации «have arrested» - «have ruined».

С помощью модального глагола should инициатор конфликта может дать совет, сообщить что-то ожидаемое или указать на моральный долг или обязанность собеседника.

(24) “Sorry?” yelled Daniel, lunging across at Molly and gripping her arms, pinning her against the doorframe. “Sorry? You’re the one who should be sorry, you sad little whore!” [TPG, 400]

В данном примере инициатор конфликта находится в состоянии крайнего эмоционального напряжения. Находясь в состоянии гнева, вызванного поведением собеседника, говорящий произносит фразу «You’re the one who should be sorry, you sad little whore!», где модальный глагол should выражает призыв к моральному долгу и совести собеседника.

В речи мужчины инициатора конфликта встречаются различные грамматические средства (специальные, общие и разделительные вопросы; грамматическая эфмаза; модальные глаголы и др.), которые могут выполнять различные функции: манипуляторно-регулятивную, эмоционально-экспрессивную и эмфатическую.

2.1.2.2 Грамматические особенности феминного верbalного поведения

В речи женщины инициатора конфликта также встречаются все из ранее выделенных грамматических средств. Их функциональный потенциал достаточно широк. Типичным является, например, употребление парцелляции с целью эмфазы.

- (25) ‘When you leave things to me rather than Cate Balcon, things get done. Properly.’ [TP, 133]

Парцелляция как прием акцентуации информации является одновременно графическим и грамматическим средством. С грамматической точки зрения, парцелляция – конструкция, состоящая из двух элементов – базовой части и парцеллята. Эмфатическое ударение приходится на парцеллят. В данном примере отделяемый при помощи точки парцеллят properly по смыслу относится к предыдущему предложению, а именно к адвербиально-глагольному словосочетанию «*get done + properly*». Обособляя наречие, инициатор конфликта привлекает внимание собеседника к своему сообщению. Наречие *properly* является наречием образа действия, поэтому инициатор конфликта подчеркивает свою эффективность и пользу в глазах адресата.

Другими характерными для некооперативного общения грамматическими средствами являются эллипсис и восклицательные предложения.

- (26) “Erin! I’m talking to you!” Karin snapped. [TPG, 31]

Чаще всего эллиптические восклицательные предложения выполняют эмфатическую функцию. Их основной компонент – обращение к собеседнику, к которому говорящий питает отрицательные эмоции, например, гнев или недовольство. Обращение может представлено как именем собеседника, как в данном примере («*Erin!*»), так и местоимением («*You!*»); междометием (фамильярным окриком) в сочетании с именем/местоимением («*Hey, you!*», «*Hey, Frank!*»); а также местоимением в сочетании с инвективным именным компонентом, где первое может быть элиминировано («*You bitch!*», «*Bastard!*»). Сочетание эллиптического и восклицательного предложения является характерным для стилизации разговорной речи в момент некооперативного общения в художественном произведении. В данном примере эмфатическая функция дублирует

уточняющую: инициатор конфликта выделяет из толпы своего адресата, уточняя, к кому именно обращено сообщение.

Грамматические средства могут быть частью коммуникативной стратегии инициатора конфликта, как это показано в примере ниже.

(27) ‘It didn’t mean anything,’ faltered Serena.

‘It didn’t mean anything?’ Cate replied incredulously. She swiped her hand in frustration through the air. ‘Well, it means something to me,’ she croaked. [TP, 322]

Переспрос в данном примере является частью коммуникативной стратегии инициатора конфликта. Истинная цель переспроса здесь не уточнить информацию, а получить возможность прокомментировать ситуацию, т.е. он выполняет манипуляторно-регулятивную функцию. Точно повторяя предложения адресата с вопросительной интонацией «It didn’t mean anything?», инициатор конфликта не выражает истинной заинтересованности в ответе, о чем свидетельствует его эмоциональная реакция, представленная глаголом говорения, модифицированным наречием *incredulously* – скептически. Подвергая сомнению высказывание адресата, далее инициатор конфликта дает свой собственный комментарий, свою оценку ситуации – «Well, it means something to me».

(28) ‘Haven’t you been home to change?’ she snapped. [TPG, 149]

Вопросительно-отрицательная форма в данном примере одновременно показывает негативное отношение инициатора конфликта к поведению адресата и желание узнать у него определенную информацию. Запрос-уточнение дополнительной информации реализуется за счет вопросительно-отрицательной формы предложения, а негативное отношение фиксируется не только за счет отрицательной формы *haven’t been*, но и авторского комментария о манере произнесения данной реплики – глагол звукового действия *to snap – to speak sharply* [OLD].

Для феминного верbalного поведения инициатора конфликта также типично использование модальных глаголов. Модальный глагол *must* имеет

различные значения: необходимости или обязанности в силу обстоятельств, команды или настойчивой просьбы и предположения, а также саркастической ремарки. Саркастическая ремарка, реализованная в речи с помощью глагола *must*, является весьма типичной для некооперативного общения.

(29) “I’ve just been speaking to some blonde in the toilets who was telling me exactly why you’ve been putting in such long hours at the office. You must have been exhausted, you poor thing.” Despite Erin’s obvious sarcasm, Richard still hadn’t completely twigged her meaning. [TPG, 111]

В данном примере саркастическая ремарка «*You must have been exhausted, you poor thing.*» перекликается с другим значением модального глагола *must* – предположение, граничащее с уверенностью. Инициатор конфликта уверен, что собеседник обманывал его ранее. Саркастический тон также подтверждает и обращение *you poor thing* (*someone to be pitied* [WD]). Авторский комментарий «*Erin’s obvious sarcasm*» говорит о том, что инициатор конфликта не скрывает своего желания «поддеть» собеседника и вывести его на некооперативное взаимодействие.

(30) ‘My father, your fiancé, has just died! How can you sleep with your decorator when your fiancé has just died?’ [TP, 443]

В данном примере модальный глагол *can* выражает отношение женщины инициатора конфликта к сложившейся ситуации. Вопросительная форма является, скорее, риторическим вопросом и служит для передачи эмоции удивления говорящего. Эмоция удивления здесь не является положительной. Она смешана с отвращением и злостью, поэтому вопрос не требует ответа, а является фигурой речи, ставящей под сомнение морально-нравственные принципы собеседника.

(31) She fixed him with a steely glance. ‘I shall expect a report within a week on how economies have been made.’ [AH, 117]

Модальный глагол *shall* здесь передает значение сильного желания и приказа одновременно. Инициатор конфликта желает укрепить собственный

высокий социальный статус, используя в качестве подлежащего местоимение I. Этую же мысль можно было передать иначе – «You shall do a report», при этом акцент, благодаря подлежащему you, сместился бы на адресата. В таком случае сохранилась бы только функция приказа, а адресант и его желание укрепить позицию власти в глазах собеседника нивелировалось.

Глагол dare выражает модальность со значением «осмелиться сделать что-то». Наиболее типичной конструкций, связанной с этим глаголом, в ситуации некооперативного общения является специальный вопрос «How dare you (do something)?».

(32) “How dare you?” she spat. “How dare you treat me with so little respect.”

[TPG, 361]

Несмотря на то, что синтаксически данное высказывание является вопросом, из-за заложенных в него инициатором конфликта отрицательных эмоций оно тяготеет к восклицанию. Функция таких предложений, чаще всего, заключается в выражении отрицательного эмоционального состояния негодования и возмущения, испытываемого инициатором конфликта, и манипулировании поведением собеседника.

Грамматические средства, встречающиеся в речи женщины инициатора конфликта, разнообразны: восклицательный предложения, эллиптические предложения, парцелляция, переспросы, модальные глаголы и др. Они могут выполнять различные функции: уточняющую, эмфатическую, манипуляторно-регулятивную, эмоционально-экспрессивную.

Итак, анализ речи мужчины и женщины инициаторов конфликта позволил выделить определенный набор часто встречающихся грамматических средств, типичных как для маскулинного, так и для феминного вербального поведения. Среди них грамматическая эмфаза, парцелляция, эллипсис, восклицательные и вопросительные предложения, разделительные вопросы, вопросительно-отрицательные формы, отрицания, повелительное наклонение, модальные глаголы.

2.1.3 Стилистические особенности описания поведения инициатора конфликта

Стилистические приемы традиционно считаются маркерами художественного стиля, где их основная задача – создание образного плана произведения. При этом умение релевантно использовать экспрессивно-выразительные средства различных уровней языка является в определенной степени показателем художественного мастерства писателя.

[Старостина:2012]

Стилистические приемы обладают определённой стилистической функцией. Стилистическая функция определяется как выразительный потенциал взаимодействия языковых средств в тексте, обеспечивающий передачу наряду с предметно-логическим содержанием текста также заложенной в нем экспрессивной, эмоциональной, оценочной и эстетической информации. [Арнольд:2012]

Нами рассматриваются языковые средства и их стилистические функции в pragматическом аспекте – с учетом эмоций и идей, которые автор хочет передать читателю, отношений говорящего к сообщаемому, к ситуации и к ее оценке, к собеседнику. Стилистический прием как элемент стилизованной разговорной речи в художественном произведении емко передает эмоциональное состояние говорящего; помогает более четко и экспрессивно донести мысль до собеседника; может являться элементом оценки собеседника, коммуникативной ситуации и т.д.; передает ритмико-мелодические особенности речи говорящего.

2.1.3.1 Стилистические особенности маскулинного вербального поведения

В художественном тексте в речи инициатора конфликта встречается особая разновидность стилистических средств – фонографические стилистические средства. Графика как средство зрительного выделения психологически акцентированного слова в стилистически организованном

контексте нашла широкое и разнообразное использование в художественной литературе. На фоне графически стандартного и орфографически нормативного текста необычные, но мотивированные стилистическим контекстом написания слов (разные шрифтовые выделения, разрядка, дефисация, введение в основной текст инородных знаков, написание прописной вместо строчной буквы и другие графико-орфографические альтернативы), а также фигурное расположение текста на плоскости листа приобретают прагматическую нагрузку (экспрессивно-выделительную, эмоционально-оценочную, эстетическую). Особенности пунктуации как средство передачи ритмико-мелодических особенностей речи также можно отнести к фонографическим стилистическим приемам.

Для передачи ритмико-мелодических особенностей речи инициатора конфликта может быть использовано многоточие.

(33) Now, how does it work ...?" He pretended to concentrate, steepling his fingers in front of his mouth. '... If Oswald were to produce a male heir before he died, then you would get nothing. Possibly worth pushing someone off the top of a castle for ... yes, no? [TP, 5]

В данном примере многоточие употребляется с целью передать паузу хезитации инициатора конфликта. Замедление темпа речи до полной остановки может демонстрировать проблему выбора речевых единиц (так называемый подбор слов) и планирования предложения в целом, а также являться смысловой паузой для передачи коммуникативной инициативы собеседнику. Однако авторский комментарий «pretended to concentrate» говорит о том, что видимое замедление темпа речи является маскировкой истинных намерений, т.е. продуманной стратегией говорящего, о чем автор сообщает далее через одного из героев: «As a barrister, Camilla Balcon recognized his technique. She'd used it in the courtroom a hundred times before: make your audience wait. Make them nervous.» Пауза хезитации – часть стратегии коммуниканта, который хочет «подготовить» собеседников, введя

их в определенное эмоциональное состояние (нервозность) для сообщения информации с целью произвести более сильный эффект.

Использование тире может быть рассмотрено как эквивалент многоточию для передачи замедления темпа речи или пауз. Пауза, передаваемая на письме за счет многоточия, более долгая, это почти полное прерывание высказывания, в то время как тире является маркером краткой паузы.

(34) ‘But … your name was dismissed for not having – ah, shall we say – international appeal.’ [TP, 18]

В данном примере использование двойного тире демонстрирует паузу хезитации с целью формирования дальнейшего высказывания и корректного подбора языковых единиц. Однако она, в отличие от примера (33), заполнена фразой «ah, shall we say», состоящей из вставного звука «ah» и конструкции с модальным глаголом «shall» в значении «making suggestions about shared activities», где под «shared activities» подразумевает процесс речи, диалог.

Интересно использование точки как пунктуационного знака-разделителя для передачи особенностей речи говорящего.

(35) ‘You want to fuck him, don’t you?’

‘What did you say?’ spat Serena incredulously.

‘You. Want. To. Fuck. Him,’ said Tom, his voice turned hard and emotionless. [TP, 32]

При описании единой картины или быстрой смены событий точка разбивает текст на отдельные короткие предложения и одновременно создает единство и динамичность целого. [Арнольд:2012] В данном примере точка используется для обособления каждого слова (в том числе и служебного) в предложении с целью передать особенности тона голоса инициатора конфликта (hard and emotionless).

Графические приемы могут быть использованы для отделения речи автора от речи героя или отделения внутренней речи героя и речи вслух, . последнее представляет собой случай автокоммуникации.

(36) ‘We’ve brought Elizabeth with us for the evening, hope you don’t mind,’ said Philip <...> Oswald groaned inwardly <...> *Cheap whores, a pair of them.* [TP, 37]

Курсив в данном примере демонстрирует внутренний монолог инициатора конфликта. На автокоммуникацию указывает наречие *inwardly* (privately; to oneself) в авербально-глагольном словосочетании «*groaned inwardly*. Для ее графического оформления автор прибегает к изменению начертания – *Cheap whores, a pair of them.*

Для передачи эмоционального состояния, в котором находится инициатор конфликта, характерно использование прописных букв вместо строчных на уровне слова или целого высказывания.

(37) As I walked closer and closer I began to sicken; my nerves were stretched to the breaking point, then snapped. I walked into the house with just the bag of butter in my hand; I had left the tomatoes and cucumbers in the car. I don’t know what she was playing; it was so loud that I couldn’t distinguish one sound from another. Sara walked out of the kitchen. "GOD DAMN YOU!" I screamed. [CB, 163]

Эмоциональное состояние раздражения инициатора конфликта передается за счет авторского описания: «*I began to sicken; my nerves were stretched to the breaking point, then snapped*», где показывается, что говорящий уже находился в отрицательном эмоциональном состоянии, располагающем к конфликту, еще до контакта с собеседником («*my nerves were stretched to the breaking point*»), состояние усугублялось («*began to sicken*») и кульминационной точки («*then snapped*») достигло лишь при вступлении на территорию собеседника («*walked into the house*»). Речь коммуниканта, имеющая, безусловно, некооперативный вектор, оформлена прописными буквами - «*GOD DAMN YOU!*», глагол звукового действия «*to scream*» реализует раздражительность и агрессивность собеседника из пассивной (внутренней) в активную (внешнюю).

Помимо фонографических, в речи инициатора конфликта встречаются и другие стилистические средства. Стилистические приемы чаще всего

используются в негативно-оценочных высказываниях. Употребляется не просто отрицательно-оценочная лексема, а именно лексический троп, что является маркером высокого эмоционального напряжения коммуниканта. С помощью стилистического приема, помимо собственно оценочного отношения, передается та или иная эмоция в своей высшей степени: презрение, негодование, гнев. При этом степень прагматического потенциала данных стилистических троп весьма высока: конфликт усугубляется, коммуникация прекращается. [Старостина:2012] Рассмотрим примеры их употребления.

(38) You call yourself an information officer. I call you a concealment officer.
[AH, 44]

Такой лексический прием, как контраст, является одним из продуктивных тропов, позволяющих выполнить акт самопрезентации инициатора конфликта. Он используется для оценивания собеседника и его действий. В данном примере инициатор конфликта противопоставляет понятия *information - concealment*. Используя параллельные конструкции *You call - I call*, которые тоже противопоставляются друг другу на уровне местоимений, говорящий ставит под сомнение статус адресата (*an information officer*) и номинирует его, используя контраст (*a concealment officer*). Контрастирующие друг с другом словосочетания являются адъективно-именными. Повторяющийся именной компонент *officer* в конце фразы (т.е. также имеет место эпифора) усиливает контраст.

Стилистические приемы могут использоваться инициатором конфликта в актах самооценки.

(39) ‘You would never have amounted to anything if I hadn’t helped you,’ continued Oswald scornfully. ‘I introduce you to someone decent and what does that make me? An ogre?’ [TP, 371]

Пример самооценки (самономинации) в данном случае отражает Я телесное и Я психологическое инициатора конфликта. Самооценка оформлена при помощи сравнения. Сравнение как лексический

стилистический прием осуществляется здесь бессоюзно и вынесено в отдельное предложение – I introduce you to someone decent and what does that make me? An ogre?. Говорящий сравнивает себя с огром в прямом смысле (Я телесное), или с бессердечным жестоким человеком (Я психологическое) – в переносном: ogre – 1. a giant or monster in legends and fairy tales that eats humans; 2. a person who is felt to be particularly cruel, brutish, or hideous [AHD]. Оба образа составляют часть самономинации героя и имеют ярко-выраженную отрицательную смысловую окраску. Выбор подобного отрицательного образа детерминирован ассоциативно-образной связью, сформированной в определенной национально-культурной группе и обусловленной спецификой языкового коллектива. [Карташкова:2011] Коммуникант сравнивает себя с объектом с заведомо отрицательной коннотацией, как бы предвосхищая мысли говорящего, делая предупредительный коммуникативный ход. Используя саморегулятив «An ogre?» говорящий лишает собеседника коммуникативного хода, поворачивая ход диалога в удобное для себя русло.

Другой пример самооценки реализован с помощью симплоки – сочетания анафоры и эпифоры.

(40) "Listen," I said, "listen, you bitch, I went to the harness races tonight and won \$950. I'm a winner! I'll always be a winner! You don't deserve me, bitch! [CB, 27]

В данном примере инициатор конфликта использует симплоку как особый вид повтора – сочетание анафоры и эпифоры, для воплощения акта положительной самономинации – I'm a winner! I'll always be a winner!. Второе предложение становится распространенным за счет добавления наречия always. Таким образом, каждый раз данное и новое в предложении совпадают, и за счет повтора самономинации winner наблюдается усиление эффекта положительной самооценки. Называя себя победителем, инициатор конфликта ставит себя выше собеседника, что делает его способности и личные качества лучше, чем у адресата, т.е. проявляет свое социальное Я.

Акцентировать внимание на определенной информации инициатор конфликта может с помощью различных стилистических приемов: инверсии, анадиплосиса, хайпофоры и др.

(41) ‘So to what do we owe this pleasure?’ asked Oswald briskly, ‘I assume you want something – something too important to be resolved with a phone call.’ [TP, 268]

В данном примере эмфатическая функция реализуется за счет анадиплосиса. Подхват, по сути, повторяет слово, акцентируя на нем внимание адресата. Неопределенno-личное местоимение *something* называет предмет, неизвестный инициатору конфликта.

(42) Oswald leaned forward in his chair. ‘Under no circumstances am I allowing anything like that to occur at Huntsford,’ he said, glaring at his daughter. [TP, 44]

Для эмфатического эффекта в данном примере используется инверсия. Изменения привычного порядка слов помогает обратить внимание собеседника на важную деталь разговора. Для того, чтобы подчеркнуть свой статус и власть, инициатор конфликта прибегает к инверсии «*am I allowing anything*». Таким образом, его собственная персона оказывается как бы в центре смысловой группы. За счет инверсии на местоимение падает логическое ударение. Также важную роль играет изменение порядка слов в случае с обстоятельством условия *under no circumstances*, которое занимает в предложение первую позицию. Подобная перестановка и следующая за ней инверсия позволяют привлечь внимание собеседников и подчеркнуть свои намерения. Кроме того, это делает речь более выразительной и эмоциональной.

(43) His voice was contemptuous. “You said you won’t talk about something rotten and stinking which needs a public airing, needs people to know a problem exists so something can be done. So other green kids coming out here can be warned and maybe saved. Who do you think you’re protecting, lady? For sure, not the guys doing the fighting, the ones who count.” [AH, 44]

Диалогизм является важной фигурой передачи речевого сообщения. Однако, используя хайпофору, инициатор конфликта не дает собеседнику ответить на вопрос, т.е. не заинтересован в ответе или оправданиях. Таким образом, хайпофора, как пример диалогизма, выступает для выражения полной убежденности коммуниканта в собственный словах. Хайпофора – риторическая фигура. Ее употребление является коммуникативным ходом, с помощью которого можно перехватить коммуникативную инициативу. При помощи хайпофоры коммуникант вносит дополнительную информацию в беседу, поворачивая ее в удобное для себя русло. Хайпофора «Who do you think you're protecting, lady? For sure, not the guys doing the fighting, the ones who count.» в речи инициатора конфликта помогает ему акцентировать внимание на проблеме, которая его интересует – кого именно защищает собеседник.

Итак, речь мужчины инициатора конфликта в художественном тексте может содержать фонографические стилистические средства: точки, многоточия, дефисацию, курсив, прописные буквы. Они могут быть использованы для передачи ритмико-мелодических особенностей речи инициатора конфликта, а также для акцентирования определенной информации и выражения отрицательного эмоционального состояния. Также для мужчин инициаторов конфликта типично использование в речи таких стилистических средств как контраст, инверсия, сравнение, симплока, анадиплосис и хайпофора.

2.1.3.2 Стилистические особенности феминного вербального поведения

В художественном тексте речь женщины инициатора конфликта может включать различные графические начертания. Подобные изменения рассматриваются нами как фонографические стилистические приемы. Их функции в художественном тексте разнообразны: передать ритмико-мелодические особенности речи инициатора конфликта, акцентировать внимание на определенной части высказывания или показать, что инициатор

конфликта находится в определенном эмоциональном состоянии. Рассмотрим примеры стилистических приемов фонографического характера в речи женщины инициатора конфликта.

(44) “Yes, Ahn-dre-ah? This had better be important. You know how I feel about being interrupted when I’m spending time with the girls,” she stated in her cold, clipped way. [LW, 69]

В данном примере интересно написание имени (Andrea) с использованием дефисации. При помощи дефисации имя разделено на слоги. Автор показывает его фонетическую форму так, как она представлена в речи говорящего, передавая произношение долгого звука [a:] на письме посредством «ah». Это помогает показать особенность речи инициатора конфликта – clipped way – резкая, рваная речь.

(45) "YOU'RE NOT GOING!" she screamed at me. [CB, 24]

В данном примере прописные буквы демонстрируют фонационный компонент речи – громкость голоса инициатора конфликта, что подтверждает авторский комментарий, выраженный глаголом звукового действия *to scream* (*to speak in a heated hysterical manner; to utter or declare in a very loud voice* [AHD, PUD]). Однако, опираясь на дефиницию глагола *to scream*, можно говорить не только о громкости речи говорящего, но и о его эмоциональном состоянии – *hysterical* (*marked by excessive or uncontrollable emotion* [PUD]), находясь в котором говорящий повышает голос до крика. Чтобы это изобразить графически, автор оформил все высказывание прописными буквами.

(46) You’re going to replace me with *her*? she screamed, her voice quivering, shrill sound. [TP, 245]

Оформляя отрезок речи при помощи курсива, автор выделяет смысловое ядро речевого сообщения, важное для инициатора конфликта (*her*). Несмотря на то, что все высказывание было произнесено громким голосом и на пике эмоций, о чем свидетельствует глагол звукового действия *to scream*, выделение последнего слова курсивом говорит о логическом

ударении, которое падает на него. Это косвенно демонстрирует негативное отношение инициатора конфликта к предмету речи (обсуждение соперницы), что подчеркивает противопоставление его собственной личности – «*me with her*». Курсив помогает добиться видимого контраста между собственной личностью и личностью соперницы графическим способом и выполняет эмфатическую и эмоционально-экспрессивную функцию.

(47) ‘I was livid! You were a shit, Michael. A total shit.’ [TP, 374]

Точка в данном примере отделяет синтагму «*A total shit.*», передающую оценочное суждение инициатора конфликта относительно собеседника, т.е. мы наблюдаем пример парцелляции. В основном предложении встречается инвективная лексика – *shit*. В синтагме, отделенной от основного предложения при помощи точки, повторяется инвективный лексический компонент *shit*, но он усиливается прилагательным *total*. Вся обособленная смысловая группа, парцелят, представляет из себя адъективно-именное словосочетание оценочного характера. Парцелят «*A total shit.*» является комментарием-оценкой инициатора конфликта, направленным на адресата.

Помимо фонографических, в речи женщины инициатора конфликта присутствуют и другие стилистические приемы. Для верbalного поведения женщины инициатора конфликта характерна некоторая образность и склонность к преувеличению, поэтому частыми приемами являются метафора и гипербола.

(48) "You just want to sit around and criticize everything and everybody. You don't want to do anything. Nothing's good enough for you!" [CB, 23]

Инициатор конфликта негативно относится к собеседнику и его пассивному образу жизни, что и является причиной конфликта. В речи это недовольство реализуется за счет отрицательной оценки собеседника. Однако отрицательная оценка дается не конкретным категориям, связанным с адресатом, а неким расплывчатым общим вещам. Для этого используются неопределенно-личные местоимения *everything*, *everybody*, *anything* и *nothing*. Гипербола здесь выполняет оценочную функцию.

(49) ‘Relationships end when some bitch comes along and steals your man from right under your nose.’ [TP, 186]

Женщина инициатор конфликта испытывает сильные чувства гнева и обиды. Все действия соперницы-адресата инициатор конфликта описывает емкой метафорой steals your man from right under your nose. Ядро метафоры – глагол to steal (to illegally, or without the owner's permission, take possession of something by surreptitiously taking or carrying it away [WD]), имеющий в своей дефиниции такие элементы с отрицательной коннотацией как «незаконно» и «скрытно, исподтишка». Метафора отрицательно оценивает действия собеседника.

Склонность женщины инициатора конфликта к образности и преувеличению реализуется также за счет такого стилистического приема, как градация.

(50) "We haven't been to a party in months! I like to see people! I'm bored! I'm so bored I'm about to go crazy! I want to do things! I want to DANCE! I want to live!" [CB, 23]

В данном примере женщина является инициатором конфликта. Градация в данном примере выступает как маркер отрицательного эмоционального состояния говорящего. Она реализуется посредством глаголов и генерализации их значений: to see people – to do things – to dance – to live. Градация является не единственным приемом, который использует инициатор конфликта. Гиперболизация собственных эмоций в речи позволяет повлиять на собеседника, продемонстрировав собственное отрицательное эмоциональное состояние - I'm so bored I'm about to go crazy!. Гипербола выполняет эмоционально-экспрессивную функцию.

Повторы, анафорические и эпифорические конструкции также типичны для верbalного поведения женщины инициатора конфликта. Особой разновидностью этих стилистических средств является симплока – повторение одновременно начала и конца предложения.

(51) 'You bitch,' whispered Cate, feeling her fingernails dig into her palms. 'You selfish, spoilt, self-obsessed little bitch.' [TP, 322]

Инициатор конфликта в данном примере оскорбляет собеседника. В речи употребляется инвективная лексика, представленная повтором существительного *bitch*. В случае появления данной инвективной лексемы впервые, она является новым в предложении. Вторичное употребление данной лексемы обогащает и уточняет высказывание не за счет самой себя, а за счет перечисления прилагательных в атрибутивной функции, вместе с которыми она образуют адъективно-именное словосочетание *selfish, spoilt, self-obsessed little bitch*. При этом каждое прилагательное имеет отрицательную коннотацию, что многократно усиливает инвективную лексему *bitch*: 1. *Selfish* - caring supremely or unduly for one's self; regarding one's own comfort, advantage, etc., in disregard, or at the expense, of those of others; 2. *spoilt* - having a selfish or greedy character due to pampering; 3. *self-obsessed* - intensely preoccupied with oneself; 4. *little* - small in extent of views or sympathies, shallow [WD]. Повтор в данном случае привлекает внимание не к самому себе, а к уточняющим словам предложении, которые являются новыми. На уровне предложения высказывание оформлено в рамку симплоки, т.к. повторяются первый и последний элементы *you* и *bitch*.

Подхват как стилистический прием типичен для вербального поведения женщины инициатора конфликта.

(52) "All right, drink! Drink and get sick! You know that stuff almost killed you once. Do you remember the hospital?" [CB, 25]

В этом примере инициатор конфликта женщина использует анадиплосис «*All right, drink! Drink and get sick!*» для выражения эмоциональной реакции раздражения по отношению к поведению адресата-мужчины. О крайней эмоциональной напряженности также могут говорить восклицательные предложения, из которых состоит анадиплосис. Подхват глагола *drink* отражает причину начала ссоры, т.е. то, на что коммуникант-женщина реагирует отрицательно.

Эмфатическая функция исполняется за счет использования в речи женщины инициатора конфликта такого стилистического приема как контраст.

(53) “The real reason you didn’t want to come down to Cornwall or have me to stay at weekends. Quite a handy arrangement for you, wasn’t it? Her up here and me tucked two hundred miles away.” [TPG, 112]

Эмфатическая сила данного примера построена на основе контраста. Инициатор конфликта противопоставляет себя и сопернику. Контрастируют личные местоимения *her* и *me*, а также наречие с предлогом *up* *here* и глагольное словосочетание *tucked two hundred miles away*, обозначающими место расположения. С местоимением *her* связано обстоятельство места, обозначающее близость к собеседнику; с местоимением *me* - удаленность от него (*her up there – me miles away*). Таким образом, контрастируют не только образы личностей (инициатор конфликта и третье лицо, не вовлеченное в беседу), но и концепты их близости/удаленности от собеседника.

Итак, речи женщины инициатора конфликта свойственна образность и преувеличение, поэтому наиболее типичными стилистическими приемами являются метафора, гипербола и градация. Контраст, повторы, анадиплосис и симплока также свойственны женщинам инициаторам конфликта. Все стилистические приемы выполняют различные функции: эмоционально-экспрессивную, оценочную, уточняющую, эмфатическую. Кроме того, в художественном тексте для оформления речи женщины инициатора конфликта автор может использовать определенный набор фонографических стилистических средств: дефис, курсив, прописные буквы, точки. Они могут отражать особенности речи инициатора конфликта, выступать маркерами его отрицательного эмоционального состояния или делать акцент на определенную часть высказывания.

2.2 Языковая репрезентация неверbalного поведения инициатора конфликта в ситуации некооперативного общения

Ситуация некооперативного общения связана с высоким уровнем эмоционального напряжения. Отрицательные эмоции, испытываемые участниками коммуникации, находят отражение в их неверbalном поведении. Невербальное поведение инициатора конфликта является широким и малоизученным полем для анализа. Пол инициатора и адресата представляется важным компонентом в процессе анализа материала, т.к., безусловно, отчасти обуславливает поведение обоих.

Невербальное поведение инициатора конфликта связано, прежде всего, с агрессивным поведением (невербальной «атакой») и демонстрацией отрицательных эмоций неречевым образом, т.е. посредством жестов, мимики и др. Как в случае с любыми другими невербальными компонентами, неречевая составляющая коммуникации инициатора конфликта может быть ему как подконтрольна, так и спонтанна. Невербальное поведение представлено контролируемыми невербальными компонентами коммуникации (далее НВК), психофизиологическими реакциями человека (неконтролируемыми, произвольными; далее ПФР), а также разнообразными невербальными действиями, характер которых весьма специфичен. [Карташкова:2014, 108]

В этом разделе последовательно рассмотрим невербальное поведение инициатора конфликта в гендерном ракурсе, приведем его основные языковые номинации и выделим специфические детали феминного и маскулинного невербального поведения.

2.2.1 Языковая репрезентация маскулинного невербального поведения

Рассмотрим невербальное поведение мужчин инициаторов конфликта и выделим его основные языковые номинации.

Контролируемое невербальное поведение мужчины инициатора конфликта представлено различными НВК, но наиболее типичными являются фонационный, проксемный, тактильный и миремический НВК.

Специфика фонационного НВК у мужчин инициаторов конфликта проявляется в использовании для его отображения в тексте фоносемантических глаголов.

(54) ‘Am I not allowed to get home before eight now, is that it?’ barked Jonathon. [TP, 173]

Тактика упрека, используемая мужчиной инициатором конфликта, невербально подкрепляется фонационным НВК. Фонационный НВК представлен фоносемантическим глаголом звукового действия *to bark* в Past Simple.

Кроме фоносемантических глаголов используются глаголы говорения, модифицированные наречиями, и именные словосочетания с компонентами VOICE и TONE, где некоторые компоненты носят отрицательную коннотацию.

(55) ‘I don’t give a fuck what you think,’ said Tom, turning towards Michael, his voice full of anger. [TP, 33]

Фонационный НВК маркирует отрицательную эмоцию гнева, испытываемую инициатором конфликта. В именном словосочетании с ядерным компонентом VOICE: *his voice full of anger*, существительное *anger* является именем эмоции гнев.

Также типичным невербальным ходом для мужчин инициаторов конфликта является использование смеха с целью унизить адресата, напугать его или продемонстрировать свои намерения.

(56) “Really, I’m serious. What would drive you to destroy my wife’s life? Are you so stupid that you believe my father will somehow want you more? That he will be so grateful for this information, that he will somehow divorce my mother so he can marry you?” He gave a cruel laugh that made Molly shudder. [TPG, 401]

Фонационный НВК смеха представлен глагольным словосочетанием *gave a cruel laugh*, семантика которого говорит о непродолжительности действия, т.е. это скорее смешок, а не смех. Именной компонент словосочетания *laugh* модифицирован прилагательным *cruel*, которое обладает отрицательно коннотированным значением – *disposed to inflict pain or suffering*; [AHD] *heartless, mean* [WD]. Перлокутивный эффект смеха инициатора конфликта вызывает ПФР дрожи у адресата. Другими словами, смех используется мужчиной как коммуникативный ход с целью устрашения собеседника.

Языковыми номинациями фонационного НВК в речи мужчины инициатора конфликта являются:

- фоносемантические глаголы звукового действия: *to bark, to growl, to snarl, to bellow, to roar, to groan, to grunt, to shout;*
- глаголы говорения, модифицированные наречиями: *to say coldly/smugly/haughtily, to reply icily/skeptically/firmly;*
- глаголы и глагольные словосочетания с семантикой смеха: *to laugh snobbishly, to give a cruel laugh;*
- адъективно-именные словосочетания с существительным **VOICE**: *voice full of anger, stern voice, sarcastic voice;*
- адъективно-именные словосочетания с существительным **TONE**: *commanding tone, uncompromising tone.*

Проксемный НВК, типичный для мужчин инициаторов конфликта, имеет семантику сокращения дистанции. Это связано с желанием доминировать над собеседником, находясь в его личном пространстве.

(57) I paddled toward him, reached the pool edge and looked up at him. "Look, motherfucker, I drink two barrels of beer a day and I'm a professional wrestler. I'm a kindly sou! by nature. But I intend to swim and I want those lights turned ON! NOW! I'm only asking you one time!" The lights went on. The pool was brilliantly lit. [CB, 124]

Языковой номинацией проксемного НВК с семантикой сокращения дистанции является глагол *to paddle* в Past Simple и послелог *toward*, указывающий на направление – в сторону собеседника. Инициатор конфликта сокращает дистанцию между собой и собеседником и затем использует коммуникативную тактику угрозы. Предварительное сокращение дистанции позволяет сделать сказанное более весомым. Как видно из перлокутивного эффекта, угроза инициатора конфликта успешна.

Языковыми номинациями проксемного НВК в речи мужчины инициатора конфликта являются:

- глаголы и глагольные словосочетания с семантикой сокращения дистанции: *to advance on, to leap forward, to come closer, to move closer, to plant oneself in front of smb, to step nose to nose.*

Тактильный НВК типичен для маскулинного поведения и может маркировать такой коммуникативный ход инициатора конфликта как угроза. Тактильный НВК также связан со стремлением мужчины инициатора конфликта войти в личную зону собеседника.

(58) As she stood looking around the room, Oswald appeared at her side and placed a chilly hand on her shoulder. Venetia flinched at his touch, turning away to disguise her discomfort. [TP, 39]

Языковая номинация тактильного НВК представлена глагольным словосочетанием *placed a chilly hand on her shoulder*. Именной компонент словосочетания – соматизм *hand* – модифицирован прилагательным *chilly*, словарная дефиниция которого говорит не только о температуре тела мужчины инициатора конфликта, но и о некооперативных намерениях – *cool, lacking warmth* [PUD]; *unfriendly* [AHD]. Перлокутивный эффект тактильного НВК проявляется в ПФР вздрагивания адресата.

Языковыми номинациями тактильного НВК в речи мужчины инициатора конфликта являются:

- глагольные словосочетания с соматизмом *hand*: *to place one's hand on smb, to press one's hand on smb, to put one's hand on smb;*

- глаголы с семантикой прикосновения: to touch, to grab, to grasp, to catch, to hold.

Маскулинное желание доминировать над собеседником с целью укрепления собственных позиций и захвата коммуникативной инициативы отражается также и в миримическом НВК типичном для мужчины – взгляд сверху вниз.

(59) He walked around his huge desk, perched on the corner and looked down at Cate. [TP, 26]

Миримический НВК представлен глаголом to look down в Past Simple, имеющим значение «смотреть сверху вниз», т.е. вести себя снисходительно и высокомерно. Подобное поведение свойственно мужчинам инициаторам конфликта независимо от пола собеседника.

В маскулинном невербальном поведении также представлен миримический НВК пристального/холодного/презрительного/и др. взгляда. Его языковой репрезентацией являются глаголы с семантикой пристального взгляда или прямого контакта глазами, а также именные словосочетания с существительным EYES, LOOK и глагольные словосочетания, модифицированные наречиями с отрицательной коннотацией.

(60) Daniel's face was only inches from hers, his eyes blazing with fury. [TPG, 400]

Языковой репрезентацией миримического НВК является именное словосочетание с компонентом EYES: his eyes blazing with fury, где существительное fury указывает на испытываемую инициатором конфликта отрицательную эмоцию ярости.

Языковыми номинациями миримического НВК в речи мужчины инициатора конфликта являются:

- глаголы с семантикой взгляда сверху вниз: to look down, to stare down;
- глаголы и глагольные словосочетания с семантикой пристального взгляда: to look directly at smb, to glare at smb, to stare at smb;

- глагольные словосочетания с существительным LOOK: to cast a dark look, to flash a malevolent look;
- именные словосочетания с существительным EYES: cold eyes, feral eyes, moody eyes, eyes blazing with fury.

Наиболее частотные маскулинные ПФР инициатора конфликта – это ПФР кинетического характера, дрожь и изменение цвета лица.

ПФР кинетического характера представлена у мужчин ИК, в основном, в жестовой форме. ПФР дрожи и вздрагивания маркирует высокое эмоциональное напряжение инициатора конфликта.

(61) Daniel stood there, clenching and unclenching his hands, his shoulders shaking with suppressed violence. [TPG, 399]

Жестовая кинема представлена причастной конструкцией *clenching and unclenching his hands*. Инициатор конфликта повторяет это действие спонтанно, не контролируя его, т.к. охвачен сильной отрицательной эмоцией ярости. На моторном уровне эмоция выливается не только в жестовую кинему, но и ПФР дрожи. Языковой номинацией ПФР дрожи выступает причастный оборот *his shoulders shaking*. Инициатор конфликта пытается подавить отрицательную эмоцию ярости, о чем свидетельствует прилагательное *suppressed - restrained; repressed; concealed* [WD]. Однако сила отрицательной эмоции настолько высока, что иннервируется мускулатура тела и ПФР проявляется в дрожи. Для передачи силы испытываемой отрицательной эмоции данная ПФР представлена в виде двухкомпонентной структуры: «кинетическая ПФР» + «ПФР дрожи».

Языковыми номинациями ПФР кинетического характера в речи мужчины инициатора конфликта являются:

- глагольные словосочетания с существительным-соматизмом HAND: to clench one's hands, to curl one's hands into a fist.

Языковыми номинациями ПФР дрожи и вздрагивания в речи мужчины инициатора конфликта являются:

- глаголы и глагольные словосочетания с семантикой вздрагивания: to twitch, to start violently;
- глаголы и глагольные словосочетания с семантикой дрожи: to shake with violence/fury, to shiver, to tremble.

ПФР изменения цвета лица типична для мужчин инициаторов конфликта.

(62) “You could ruin everything! Do you know what you are doing?”<...> his face flushed with anger, Miguel stalked out. [AH, 159]

Мужчина инициатор конфликта находится в отрицательном эмоциональном состоянии гнева. Сила эмоции запускает в его нервной системе неконтролируемую активность, проявляющуюся в динамике цвета лица (покраснение). Языковой номинацией ПФР покраснения выступает глагол to flush в Past Simple.

Языковыми номинациями ПФР изменения цвет лица (покраснения) в речи мужчины инициатора конфликта являются:

- глаголы с семантикой покраснения: to flush, to redden, to fume;
- именные словосочетания с существительным-соматизмом FACE: one’s face flushed with anger, one’s face red with fury.

Специфические невербальные действия, выполняемые мужчиной инициатором конфликта связаны, в основном, с взаимодействием с предметами окружающей средой (артефактами).

(63) ‘I have immediate plans for Class magazine,’ he continued, already starting to flick through his mobile-phone menu for the number of his lunch date. [TP, 27]

Мужчина инициатор конфликта взаимодействует с предметами окружающей среды - мобильным телефоном. Таким образом он проявляет презрение по отношению к собеседнику. Коммуникативный ход мужчины инициатора конфликта, проявляющийся в намеренной демонстрации отсутствия интереса к собеседнику, может быть направлен как на перехват коммуникативной инициативы, так и на унижение собеседника.

Языковыми номинациями специфических невербальных действий с артефактами в речи мужчины инициатора конфликта являются:

- глагольные словосочетания с существительными-адаптерами: to flick through one's phone, to slam the door, to throw smth.

Итак, невербальное поведение мужчин инициаторов конфликта представлено контролируемыми и неконтролируемыми НВК, а также специфическими невербальными действиями. Опираясь на наш материал, можно утверждать, что среди контролируемых НВК мужчине инициатору конфликта свойственно использование проксемных, тактильных, фонационных и миремических НВК. Наиболее частотными ПФР можно считать жестовые кинемы, ПФР дрожи/вздрагивания и динамики цвета лица (покраснения). Специфические невербальные действия разнообразны и, в основном, сводятся к взаимодействию с предметом окружающей среды.

2.2.2 Языковая репрезентация феминного невербального поведения

Феминное невербальное поведение инициатора конфликта вариативно и представлено в художественном тексте широким спектром языковых номинаций.

Контролируемые НВК, типичные для женщины инициатора конфликта, представлены фонационным, мимическим и миремическим компонентами.

Специфика феминного фонационного невербального поведения лежит в использовании фоносемантических глаголов:

(64) ‘Oh I’m not here to be nice to you, you arrogant bitch,’ she hissed. ‘I want to tell you what you have done to my life. You have destroyed it. I gave Michael six years of my life and you took it all away in one afternoon.’ [TPG, 206]

Фоносемантика глагола to hiss не является гендерноспецифической, однако наиболее часто он встречается при описании феминного невербального поведения. Глагол отрицательно коннотирован, что видно из его словарной дефиниции: to show displeasure [PUD].

Помимо фоносемантических глаголов, фонационный НВК представлен: глаголами говорения и звукового действия, модифицированных наречиями; адъективно-именными словосочетаниями с компонентом VOICE, при этом адвербальный и адъективный компоненты словосочетаний отрицательно коннотированы:

(65) “You’re about an hour late,” said Molly tartly, putting the bottle of polish down on the table. [TPG, 35]

Фонационный НВК инициатора конфликта представлен адвербально-глагольным словосочетанием – глаголом говорения *to say* в Past Simple, модифицированным отрицательно коннотированным наречием *tartly*.

Языковыми номинациями фонационного НВК в речи женщины инициатора конфликта являются:

- фоносемантические глаголы звукового действия: *to hiss, to shriek, to whine, to scream, to cry, to yell;*
- глаголы говорения, модифицированные наречиями: *to say coldly/icily/snobbishly/haughtily, to respond tartly/with arrogance;*
- адъективно-именные словосочетания с существительным VOICE: *shrill voice, annoyed voice, malevolent voice.*

Специфика мимического НВК в поведении женщины инициатора связана с отсутствием улыбки на лице или таким положении губ, которое маркирует отрицательные эмоции, испытываемые инициатором конфликта.

(66) He looked up at the angry, determined line of her mouth, which he found, against his better judgement, quite cute. [TP, 96]

Женщина инициатор конфликта испытывает гнев и открыто демонстрирует его: об этом свидетельствует прилагательное *angry*, описывающее линию рта с помощью адъективно-именного словосочетания *angry, determined line of her mouth.*

Языковыми номинациями мимического НВК в речи женщины инициатора конфликта являются:

- глагольные словосочетания с существительным-соматизмом
LIPS/MOUTH: to curl one's lips/mouth;
- адъективно-именные словосочетания с компонентом MOUTH/LIPS:
angry mouth, determined mouth, thin cruel lips;
- адъективно-именные словосочетания с компонентом SMILE:
malevolent smile, crooked smile, smug smile.

Миремический НВК в невербальном поведении женщины инициатора конфликта представлен глаголами с семантикой пристального взгляда или контакта глазами, модифицированными наречиями, а также адъективно-именными словосочетаниями с компонентом EYES. Как в глагольных, так и в именных словосочетаниях адвербальный и адъективный компоненты имеют отрицательную коннотацию. Также типичным для феминного неверbalного поведения можно считать такое проявление миремического НВК как прищур.

(67) “You’re going to take her to Vogue?” asked Karin, her eyes narrowing.
[TPG, 128]

Недовольство инициатора конфликта проявляется на невербальном уровне в виде разновидности миремического НВК – прищура. В качестве языковой номинации данного НВК выступает именной компонент EYES и модифицирующее его причастие narrowing.

Языковыми номинациями миремического НВК в речи женщины инициатора конфликта являются:

- глаголы и глагольные словосочетания с семантикой пристального взгляда: to glare at smb, to stare at smb, to gaze at smb, to look squarely in the eye, to look prim at;
- адъективно-именные словосочетания со словом EYES: narrowed eyes, angry eyes, cold eyes.

Среди типичных ПФР женщины инициатора конфликта могут быть названы такие как респираторные и фонационные симптомы, дрожь.

Женщина инициатор конфликта, находящаяся в ситуации некооперативного взаимодействия, зачастую неспособна сохранять ровное дыхание. Проявляющиеся респираторные симптомы свидетельствуют об отрицательных эмоциях, испытываемых инициатором конфликта.

(68) The enormity of what had just been said spun around the room. Cate's breath quickened. Five simple words: 'He came on to me.' Me. Serena. Her sister. She felt as if she had been kicked in the chest. [TP, 366]

Инициатор конфликта испытывает эмоциональную реакцию удивления. Удивление носит отрицательный вектор и постепенно охватывает всю нервную систему инициатора конфликта. Оно начинает проявляться как учащение дыхания - Cate's breath quickened, переходя затем в неспособность дышать, описанную метафорически как удар в грудь – felt as if she had been kicked in the chest.

Языковыми номинациями респираторной ПФР в речи женщины инициатора конфликта являются:

- глагольные и именные словосочетания с семантикой изменения дыхательного ритма: one's breath quickened, to draw a long breath, to feel as if one was kicked in the chest, to feel a rock pressed against one's chest;

Респираторные симптомы напрямую связаны с фонационными, т.к. невозможность правильно осуществить респираторную функцию препятствует выполнению фонаторной.

(69) The overt challenge made Karin catch her breath and fired up her fury. [TPG, 203]

Инициатор конфликта испытывает отрицательную эмоцию ярости. Сила эмоции настолько велика, что ИК задерживает дыхание и направляет свою ярость на собеседника. Респираторный симптом ПФР представлен глагольным словосочетанием catch her breath. Фонационный – метафорой fired up her fury.

Частотность фонационных симптомов, встречаемых в феминном неверbalном поведении в ситуации некооперативного общения, говорит о

том, что сила отрицательных эмоций, испытываемых говорящим, приводит нервную систему в такое сильное возбуждение, что инициатор конфликта не способен контролировать свою речевую деятельность.

(70) She couldn't stop the words coming out spitefully. [TP, 93]

Женщина инициатор конфликта неспособна скрыть свое раздражение и, как результат, контролировать то, что она говорит. Об отрицательном эмоциональном состоянии инициатора конфликта свидетельствует наречие *spitefully* в словосочетании *the words coming out spitefully*. Попытка контроля своего эмоционального состояния, т.е. маскировка, неудачна, о чем говорит отрицательная глагольная форма *couldn't stop*.

Языковыми номинациями фонационных ПФР в речи женщины инициатора конфликта являются:

- глагольные словосочетания с компонентом WORDS и семантикой отсутствия контроля над фонаторной деятельностью: *to fire up the words*, *to spit out the words*, *can't stop the words*.

Дрожь – типичный вид ПФР для женщины инициатора конфликта. Чаще всего такой вид ПФР встречается уже в разгар некооперативной интеракции, когда инициатор конфликта напряжен до предела. Также с дрожью можно связать такую ПФР как судороги и вздрагивания.

(71) Serena seemed to twitch awake as if she'd been given an adrenalin shot. [TP, 257]

Эмоциональная реакция инициатора конфликта проявляется пантомимически, в виде спонтанного неконтролируемого движения тела. О силе данной пантомимической кинемы можно судить из ее метафорического описания - *twitch awake as if she'd been given an adrenalin shot*.

Языковыми номинациями ПФР дрожи и вздрагивания в речи женщины инициатора конфликта являются:

- глаголы и глагольные словосочетания с семантикой вздрагивания: *to twitch*, *to shudder*, *to start violently*;

- глаголы и глагольные словосочетания с семантикой дрожи: to shiver, to tremble.

Специфические невербальные действия женщины инициатора конфликта представлены широким спектром, однако наиболее типичным является взаимодействие с аксессуарами и одеждой и взаимодействие с артефактами окружающей среды. Подобные действия могут маркировать нервозность и раздражительность, или быть расценены как демонстрация превосходства инициатора конфликта над собеседником в случае, если вещь дорогостоящая.

(72) Nicole paused dramatically, playing smugly with the five-carat Asscher-cut engagement ring on her finger. 'I started the meeting because we need to start getting things done. [TP, 23]

Женщина, прежде чем начать конфликт на вербальном уровне, демонстрирует материальное и статусное превосходство над собеседником-женщиной – кольцо, с которым она играет, не только дорогое, но также является обручальным - the five-carat Asscher-cut engagement ring. Характер данного специфического невербального действия характеризуется наречием образа действия *smugly* – самодовольно.

Языковыми номинациями специфических невербальных действий с артефактами в речи женщины инициатора конфликта являются:

- глагольные словосочетания с существительными-адаптерами: to slam the door, to hung the phone, to play/toy with one's ring/bag/necklace.

Проследив невербальное поведение инициатора конфликта в гендерном аспекте можно сделать некоторые выводы относительно специфики маскулинного и феминного поведения в ситуации некооперативного общения.

Итак, типичные маскулинные контролируемые НВК представлены фонациональным, миремическим, тактильным и проксемным компонентами. Маскулинными ПФР, свойственными инициатору конфликта, можно считать изменение цвета лица, ПФР дрожи и жестовые кинемы. Специфические

невербальные действия представлены взаимодействием с артефактами окружающей среды.

В некооперативной интеракции женщинам свойственно использовать контролируемые НВК фонационного, мимического и миремического спектра. Типичными ПФР для феминного невербального поведения можно считать ПФР дрожи, а также фонационные и респираторные симптомы. Среди специфических феминных невербальных действий можно назвать кинетические невербальные действия с окружающей средой (особенно с аксессуарами и одеждой).

Разница маскулинного и феминного невербального поведения инициатора конфликта видна на всех уровнях: контролируемом и неконтролируемом. Типичные феминные и маскулинные контролируемые НВК совпадают по некоторым аспектам (например, фонационный и миремический НВК). Однако даже несмотря на совпадение класса НВК, его специфика отличается в зависимости от пола инициатора конфликта.

Выводы по главе 2.

Анализ специфики языкового описания коммуникативного поведения человека в ситуациях некооперативного общения представлен некоторыми типичными особенностями.

Рассмотрев лексические особенности верbalного поведения мужчины и женщины инициаторов конфликта, можно заключить, что корпус обсценной лексики не так широк и представлен дериватами узкого круга лексем, в основном, существительными и прилагательными, а также междометиями и частицами.

Для мужчин инициаторов конфликта характерна инвективная лексика, направленная на интеллектуально-волевую сферу человека. Для женщин инициаторов конфликта типична инвектива, направленная морально-нравственную сферу человека. Гендерная инвектива типична как для мужчин, так и для женщин инициаторов конфликта.

Грамматические средства, эксплуатируемые инициатором конфликта в англоязычном некооперативном общении, типичны как для маскулинного, так и для феминного вербального поведения и выполняют, главным образом, эмфатическую, эмоционально-экспрессивную и манипулятивно-регулятивную функцию.

Стилистические средства, используемые автором англоязычного художественного текста при описании вербального поведения инициатора конфликта, весьма многообразны. Наблюдается разнообразие фонографических средств (точка, многоточие, использование прописных букв, курсив и др). Для речи женщины инициатора конфликта, в отличие от мужчины инициатора конфликта, характерно использование метафор и гипербол и градаций.

Невербальное поведение мужчины инициатора конфликта, описываемое автором англоязычного художественного текста, представлено такими контролируемыми видами НВК как фонационные, проксемные и тактильные. Наиболее типичными языковыми номинациями служат фоносемантические

глаголы и словосочетания с опорным компонентом VOICE, TONE; словосочетаниями с семантикой сокращения дистанции с адресатом; глаголами с семантикой касания, соответственно.

Для описания психофизиологических реакций мужчины инициатора конфликта в англоязычном художественном тексте характеры: языковые номинации ПФР кинетического характера с существительными соматизмами; ПФР динамики цвета лица глаголами с семантикой покраснения и метафорическими фразеологическими единицами с соматизмом FACE.

Специфические невербальные действия мужчины инициатора конфликта описываются глагольными словосочетаниями с существительными-адапторами (артефактами).

Невербальное поведение женщины инициатора конфликта, описываемое в англоязычном художественном тексте, отражает особенности феминного невербального поведения: кроме фонационного НВК, представленных фоносемантическими глаголами и словосочетаниями с опорным компонентом VOICE, женщина инициатор конфликта эксплуатирует мимический и миримический НВК. Типичными языковыми номинациями являются, соответственно, словосочетания с опорным компонентом MOUTH/LIPS/SMILE и словосочетания с опорным компонентом EYES.

ПФР респираторного характера описываются словосочетаниями с семантикой изменения дыхательного ритма.

Специфическими невербальными действиями женщин инициаторов конфликта являются действия с аксессуарами и одеждой, описываемые языковыми единицами соответствующей семантики.

Глава 3. Гендерная специфика описания различных видов конфликта в художественном тексте

В данном разделе мы рассмотрим специфику описания конфликта в художественном тексте. И.С. Баженова, анализируя структуру художественного текста, выделяет семантический, синтаксический и прагматический уровни. На семантическом уровне текста исследуется отношение изображения к изображаемому. Семантический уровень отображает внутренние структурные построения описания. Прагматический уровень показывает отношение описания к человеку, для которого оно предназначено. Автор текста, имея некоторую установку, отображает её на всех трёх уровнях текста. Воплощением прагматической функции, заложенной автором, является художественный образ, который выступает носителем идеи и некоторого эмоционального коэффициента. Этот эмоциональный коэффициент, сливаясь с идеей, делает впечатление читателя более рельефным. Однако роль автора здесь наиболее важна. Автор художественного произведения не только видит и знает всё, что видят и знают герои, но и то, что им недоступно. От автора зависит единство и целостность художественного произведения, он организует и комментирует поступки и высказывания героев, определяет их позиции и сообщает о своём отношении к ним. [Баженова:2003: 119-140]

Автор художественного текста не просто передает ситуацию коммуникации, а художественно ее изображает, включая в данное изображение не только вербальные, но и паралингвистические элементы. Паралингвистические элементы придают вербальной составляющей коммуникации эффект реальности происходящего, аутентичности разговорной речи. [Хлыстова:2005]

В художественном тексте автор особым способом описывает телодвижения и жесты героев для создания эффекта живости происходящего. Невербальный язык создает у читателя зрительный образ, активизирует внимание и делает читателя свидетелем происходящего. Психологическая

убедительность, достигнутая за счет точного описания невербальных реакций героев, воплощает эффект присутствия. [Кириллова:2008]

Автор художественного текста, являясь носителем идейно-эстетического потенциала, вкладывает в образы героев те или иные смыслы и идеи. Исходя из этого, можно говорить о том, что среди всех персонажей художественного произведения, опираясь лишь на их авторское изображение, возможно выделить тех, кто является инициатором конфликтной ситуации и имеет деструктивные коммуникативные намерения.

Коммуникативный подход к анализу художественного текста позволяет проанаблюдать, как в рамках зафиксированного в тексте эпизода некооперативного общения разворачивается конфликт. В этой связи выдвигается понятие сложного коммуникативного целого (далее СКЦ). Под СКЦ понимается отрезок текста, фиксирующий последовательность коммуникативных актов, состоящих из вербальных и невербальных компонентов, совокупность которых продвигает общающихся к завершению коммуникации. [Карташкова:2009] Используя коммуникативный подход, нами были проанализированы СКЦ, фиксирующие эпизоды некооперативного взаимодействия людей. Результаты подобных наблюдений позволяют нам утверждать, что по характеру манифестации, конфликты можно условно разделить на имплицитные (скрытые, неявные) и эксплицитные (открытые, явные).

Рассматривая некооперативную коммуникацию, важно понимать причины возникновения конфликта. Причина возникновения конфликта играет важную роль непосредственно в разворачивании некооперативного общения, а также в его завершении (положительном или отрицательном). Знать причину конфликта необходимо для анализа динамики некооперативной интеракции, т.к. это проливает свет на логику коммуникативных ходов собеседников и их эмоциональные реакции в ходе разговора.

Непосредственным маркером начала некооперативной интеракции является конфликтоген. Под конфликтогеном понимается любое слово или действие, могущее привести к возникновению конфликтной ситуации и перерастанию ее в конфликт [Егидес:2011]. Опираясь на корпус наших примеров, стало возможным выделить следующие конфликтогены: лингвистические (вербальные) и паралингвистические (невербальные). Лингвистическим, или вербальным, конфликтогеном являются слова, сказанные одним из коммуникантов во время беседы. В качестве верbalного конфликтогена могут выступать инвективы; угрозы; насмешки; обвинения; упреки; слова, отражающие отрицательное отношение говорящего к собеседнику или к третьему лицу. Паралингвистические (невербальные) конфликтогены некооперативного общения связаны с использованием одним из участников беседы в процессе коммуникации специфических невербальных действий. Подобное поведение продиктовано ранее сложившейся экстралингвистической ситуацией и может являться маркером перехода имплицитного конфликта в эксплицитный. Вербальный и невербальный конфликтогены весьма редко встречаются изолированно от экстралингвистических причин. Экстралингвистический мотив возникновения некооперативной коммуникации является основой для большинства конфликтов. Экстралингвистическая причина является мотивирующим компонентом для инициатора конфликта вступить в некооперативную интеракцию на вербальном или невербальном уровне.

Участники некооперативной интеракции в ходе конфликта используют те или иные тактики, обмениваются коммуникативными ходами. Выбор тактик обусловлен реагирующим поведением адресата. Мужчинам и женщинам инициаторам конфликта свойственны разные тактики ведения конфликтной коммуникации.

Завершение эпизода некооперативного общения может быть положительным и отрицательным. Под положительным завершением понимается приход обоих коммуникантов к консенсусу. В результате

отрицательного окончания некооперативного общения конфликт остается не разрешен.

Далее в рамках наблюдения эксплицитного и имплицитного конфликтов рассмотрим свойственные им конфликтогены, типичные феминные и маскулинные тактики развертывания конфликта и способы их разрешения, а затем представим коммуникативно-прагматический анализ СКЦ, фиксирующих эпизод некооперативной интеракции.

3.1 Эксплицитный конфликт в художественном тексте

3.1.1 Конфликтогены эксплицитного конфликта

Началом эксплицитного конфликта могут стать как вербальный, так и невербальный конфликтогены.

Вербальным конфликтогеном может выступать фраза, содержащая отрицательно коннотированную или обсценную лексику. Чаще всего это восклицательные и вопросительные предложения, передающие отрицательное эмоциональное состояние инициатора конфликта.

(73) "Where the *hell* have you been?" she began.

“And what on *earth* are you doing?” [TPG, 224]

Вербальный конфликтоген выражен рядом сукцессивных вопросов. Об отрицательном эмоциональном состоянии коммуниканта свидетельствует отрицательная коннотация данных вопросов, т.к. существительные *hell* и *earth* служат вербальными индикаторами отрицательных эмоций инициатора конфликта.

Вербальным конфликтогеном может также выступать нейтрально окрашенная фраза одного из коммуникантов, иллокутивная сила которой не совпадает с мнением или интересом собеседника.

(74) 'I've invited Jack Kidman.'

Cate saw her sister's face light up at the mention of Jack's name, then turn suddenly angry and flustered.

‘You’ve done what?’ Venetia felt her pulse race. ‘How dare you?’ said Venetia, almost choking on her words. [TP, 362]

Участниками конфликта являются Кейт (К1) и Венеция (К2). Конфликтогеном является утвердительное предложение К1 («I’ve invited Jack Kidman».). В связи с этим К2 находится в отрицательном эмоциональном состоянии гнева и замешательства. Об этом свидетельствует языковое описание этого эмоционального состояния, представленное глаголом, модифицированным прилагательными с отрицательной коннотацией, которые и маркируют отрицательную эмоциональную реакцию К2: «turn suddenly angry and flustered». Это побуждает К2 на ответную вербальную и невербальную реакции. Вербальная реакция выражена серией вопросов («You’ve done what? How dare you?»). Ядром второго вопроса является модальное слово dare, которое обладает сильным эмоционально-экспрессивным потенциалом, которое транслирует эмоции К2. На невербальном уровне описание отрицательных эмоций представлено с помощью языковых номинаций ПФР учащения сердцебиения («felt her pulse race») и ПФР фонационно-респираторного характера, показывающее сбивчивый характер речи («almost choking on her words»). Далее начинает разворачиваться конфликт.

Эксплицитный конфликт также может развиться благодаря неверbalному конфликтогену. Появление в речи невербального конфликтогена связано с некоторыми сложившимися ранее экстралингвистическими условиями и условиями, определившимися в ходе коммуникации. Чаще всего невербальными конфликтогенами выступают фонационные НВК (тон и громкость голоса) и специфические невербальные действия. Специфическое невербальное действие может являться провокацией или демонстрировать превосходство инициатора конфликта над собеседником, открытое пренебрежение к нему и др.

(75) Ignoring her, Loftus moved to the huge open fire, rubbing his hands. 'Stinking weather out there,' he said, motioning his head towards the window. He kept silent for a while. <...>

'Well, now you're here, what do you want?' snapped Serena Balcon, who was feeling particularly impatient. [TP, 3]

В приведенном примере Дэвид Лофтус (К1) использует тактику намеренной паузации и молчания, что выражено в тексте глагольным словосочетанием *kept silent for a while*. К1 использует подобную тактику, чтобы заставить собеседников нервничать. Тактика К1 успешна, т.к. Серена (К2) реагирует отрицательно. К2 находится в отрицательном эмоциональном состоянии раздражения и нетерпения. Языковой номинацией данной эмоциональной реакции К2 является глагольное словосочетание *was feeling particularly impatient*.

Однако чаще всего вербальный и невербальный конфликтогены манифестируются параллельно, как это видно в примере ниже.

(76) Then after a pause, he began shouting: 'What? Of course the gentleman has a major credit card! Do you realize who the fuck you're talking to?'. [HT, 15]

Конфликтоген можно зафиксировать одновременно по вербальному и невербальному каналу. Вербальная часть конфликтогена представлена восклицательным и вопросительными предложениями. В предложении *Do you realize who the fuck you're talking to?* слово *the fuck* является частицей-усилителем, придающей всему высказыванию выражение сильного недовольства. Отрицательное эмоциональное состояние отражается также и невербально. На невербальном уровне конфликтоген представлен фонационным НВК, выраженным глаголом звукового действия *to shout*.

Итак, типичными конфликтогенами для эксплицитного конфликта можно считать: вербальные, представленные вопросительными и восклицательными предложениями с нейтрально и отрицательно коннотированной лексикой; невербальные, выраженные фонационными НВК и специфическими невербальными действиями.

3.1.2 Тактики развертывания эксплицитного конфликта

Специфику поведения инициатора конфликта в ситуации эксплицитного конфликта можно проследить по определенным тактикам. Женщинам и мужчинам, выступающим в роли инициатора конфликта, присущи различные тактики.

3.1.2.1 Маскулинные тактики развертывания эксплицитного конфликта

Маскулинное поведение инициатора конфликта характеризуется использованием следующих тактик: тактика угрозы, тактика ухода от конфликта, тактика навязывания точки зрения, инвективная тактика, тактика самопрезентации и тактика унижения.

Мужчинам, выступающим в роли инициатора конфликта, свойственна тактика угрозы в отношении мужчины-адресата. Угроза эксплицируется вербально, а инициатор конфликта чаще всего угрожает собеседнику физической расправой.

(77) ‘We’ll be back,’ he yelled. ‘One of these days I’ll toss a fucking bomb into this place! I have your name on this sales slip! I’ll find out where you live and burn your house down!’ [HT, 13]

Инициатор конфликта угрожает собеседнику взорвать его магазин и сжечь дом. Угроза имеет следующую структуру: «личное местоимение I + Future Simple». Она воплощается в тексте в восклицательных предложениях. В угрозе также присутствует прилагательное fucking в атрибутивной функции к существительному bomb. Словарь Merriam-Webster’s Learners Dictionary определяет данное прилагательное как used to make an angry statement more forceful и дает его с пометой vulgar, offensive. Вербальную угрозу дублирует невербальный компонент – фонационный НВК, представленный глаголом звукового действия to yell.

Тактика ухода от конфликта у мужчин инициаторов конфликта имеет две разновидности: в некоторых случаях мужчина старается сменить тему разговора, а иногда прямо выражает свое нежелание продолжать беседу на

данную тему. Стоит также отметить, что тактика ухода от конфликта у мужчин инициаторов конфликта реализуется вербально.

(78) ‘So you’re really going ...?’ she repeated.

‘Let’s not start this again.’ [TP, 65]

В качестве адресата в данном примере выступает женщина. Она не в первый раз пытается поговорить с мужчиной инициатором конфликта о важной для нее теме. Подобная навязчивость раздражает инициатора конфликта. Чтобы не продолжать конфликт, женщина констатирует свое нежелание поддерживать разговор.

Другой тактикой, свойственной маскулинному поведению инициатора конфликта, является тактика навязывания своей точки зрения.

(79) ‘We don’t have to be there until ten and, really, it shouldn’t take long.’

‘Are you sure I have to go?’ he asked coldly, one ear fixed to his mobile. ‘How about I get Gavin to drop you off on the way to my office?’ [TP, 61]

Инициатор конфликта не хочет идти вместе с адресатом, однако не желает отказывать прямо. О его нежелании свидетельствует фонационный НВК, представленный глаголом говорения to ask, модифицированным наречием coldly. Специфическое невербальное действие с использованием артефакта (one ear fixed to his mobile) демонстрирует безразличие к тому, что говорит адресат. Мужчина переспрашивает о необходимости своего присутствия и, не дождавшись ответа, предлагает другой вариант развития событий – Are you sure I have to go? How about I get Gavin to drop you off on the way to my office?

Инвективная тактика эксплуатируется мужчиной инициатором конфликта достаточно часто. Инвективная тактика может сочетаться с тактикой самопрезентации и тактикой унижения, чтобы показать свое превосходство над адресатом.

(80) ‘Listen,’ I said, ‘listen, you bitch, I went to the harness races tonight and won \$950. I’m a winner! I’ll always be a winner! You don’t deserve me, bitch!’

[CB, 27]

Тактика самопрезентации воплощается в разговоре о своей победе на скачках. Для самопрезентации мужчина инициатор конфликта использует существительное *winner*, повторяя его дважды в восклицательных (практически идентичных) предложениях – *I'm a winner! I'll always be a winner!*, где наречие *always* используется в качестве усилителя. Использование глагола *to win* и производного существительного с положительной коннотацией *winner* контрастирует в речи с инвективой по отношению к адресату (*bitch*), что эксплицирует тактику унижения.

Инвективная тактика может сочетаться с тактикой угрозы.

(81) ‘Pardon me, lady, but I think there's some kind of ignorant chicken, sucker in this car who needs his face cut open.’ He plunged his hand into the pocket of his black plastic jacket and turned to face the people crowded into the rear of the elevator. ‘You cheap honky faggots,’ he snarled. “Which one of you wants to get cut?” [HT, 75]

На данном отрезке текста инициатор конфликта использует инвективную тактику. В обоих адвербиально-именных словосочетаниях *ignorant chicken* и *honky faggots* оба именных ядра имеют семантическое значение а *homosexual man* (extremely offensive [TOSD]). Инициатор конфликта угрожает собеседникам физической расправой. Это выражено как на вербальном, так и на невербальном уровне. На вербальном уровне угроза представлена специальным вопросом (*Which one of you wants to get cut?*) и утвердительным предложением (*there's some kind of ignorant chicken, sucker in this car who needs his face cut open*). Желание физической расправы инициатора конфликта выражено причастием *cut* в словосочетаниях *to get cut*, *face cut open*. Угрозу инициатора конфликта подтверждают пантомимические НВК – движения руки и головы, выраженные глагольными словосочетаниями *plunged his hand into the pocket*, *turned to face the people*; и фонационный НВК, представленный глаголом звукового действия *to snarl*.

Итак, типичными для мужчины инициатора конфликта являются следующие тактики: тактика ухода от конфликта, проявляющаяся вербально

в смене темы разговора или прямого отказа продолжать беседу; тактика навязывания точки зрения; тактика угрозы, специфика которой проявляется в коммуникативных актах, где адресатом выступает мужчина, как угроза физической расправы; инвективная тактика; тактика унижения; тактика самопрезентации.

3.1.2.2 Феминные тактики развертывания эксплицитного конфликта

Характерными для феминного поведения инициатора конфликта можно назвать следующие тактики: тактика упрека, тактика обвинения, тактика насмешки, тактика ухода от конфликта, тактика угрозы и инвективная тактика.

Женщина инициатор конфликта использует тактику упрека чаще всего по отношению к адресату мужчине. Достаточно часто тактика упрека сочетается с тактикой обвинения.

(82) "I'm just not ambitious."

"You are but you're lazy. You want it for nothing. When do you write anyhow? When do you do it? You're always in bed or drunk or at the racetrack." [CB, 48]

В данном примере тактика обвинения чередуется с тактикой упрека. Женщина инициатор конфликта обвиняет мужчину-адресата в том, что он ленив, что выражено утвердительным предложением - you're lazy. Чтобы дополнить этот образ, она использует ряд вопросов, формирующих тактику упрека - When do you write anyhow? When do you do it? Затем тактика упрека вновь переходит в тактику обвинения, что выражено утвердительным предложением - You're always in bed or drunk or at the racetrack.

Тактика насмешки – типичное явление для женщин инициаторов конфликта. Данная тактика чаще всего направлена на мужчину-адресата.

(83) 'Oh, was it fascinating in the desert, professor?' taunted Serena sarcastically, her words slightly slurred. [TP, 32]

Инициатор конфликта использует тактику насмешки по отношению к своему партнеру-мужчине. Насмешка реализуется посредством вербальных и

невербальных средств, а именно существительного *professor* в переносном значении (person who thinks they are so much smarter than everyone else in the world [UD]), произнесенного в саркастическом тоне, о чем свидетельствует фонационный НВК, представленный глаголом звукового действия *to taunt*, модифицированным наречием *sarcastically*.

Тактика ухода от конфликта у женщин инициаторов конфликта реализуется преимущественно за счет невербальных средств: проксемные НВК (увеличение дистанции или разрыв контакта между говорящими), фонационные НВК (молчание), специфические невербальные действия (хлопнуть дверью, повесить трубку и др.).

(84) Glendoline did a gigantic twist of torso and flung herself out of the doorway through the large flapbang of the screen door and was gone -- but still heard, ignited and bemoaning--down to her apartment in the back of the court. [CB, 5]

Тактика ухода от конфликта реализуется в данном примере на невербальном уровне посредством проксемного НВК с семантикой увеличения дистанции, представленного глагольным словосочетанием *flung herself out of the doorway*, где послелог *out* указывает на направление от собеседника. В конечно счете тактика ухода от конфликта осуществляется как полное прерывание контакта с адресатом.

Тактика угрозы также типична для феминного поведения инициатора конфликта.

(85) 'Fine,' said Cate in a quiet, controlled voice, rising unsteadily and moving towards the door with dignity. 'You will, of course, be hearing from my solicitors.' [TP, 27]

В данном примере тактика угрозы сочетается с тактикой ухода от конфликта. Тактика угрозы реализуется на вербальном уровне с помощью утвердительного предложения с подлежащим *you* (указывает направление угрозы – на адресата) и глаголом во Future Continuous (*will be hearing*).

Инвективная тактика может встречаться в поведении инициатора конфликта.

- (86) “You little whore!” growled Christina. [TPG, 212]

В данном примере инвектичная тактика реализуется инициатором конфликта на вербальном уровне. Инвектива представлена существительным *whore*, которое классифицирует адресата как женщину легкого поведения. Высказывание на невербальном уровне усиливает фонационный НВК, представленный глаголом звукового действия *to growl*.

Итак, специфика феминного поведения инициатора конфликта представлена следующими тактиками: тактика упрека, реализуемая чаще всего в отношении мужчины-адресата; тактика обвинения; тактика ухода от конфликта, проявляющаяся чаще всего на невербальном уровне посредством проксемных и фонационных НВК, а также специфических невербальных действий; тактика насмешки, усиливаемая фонационным НВК; тактика угрозы; инвектичная тактика.

3.1.3 Способы разрешения эксплицитного конфликта

Некооперативного общения может иметь положительное и отрицательное завершение. Под положительным завершением понимается такой финал некооперативной интеракции, где векторы иллокутивных сил инициатора конфликта и адресата совпадают, т.е. они находят компромисс. Отрицательное завершение некооперативного взаимодействия лежит в окончании эпизода некооперативной беседы с противоположными векторами иллокутивных сил собеседников, т.е. инициатор конфликта и адресат не пришли или не стремились к консенсусу.

Рассмотрим эксплицитный конфликт с отрицательным завершением последовательно с мужчиной и женщиной инициатором конфликта.

- (87) ‘Now, are you getting in the car?’ She pulled her coat collar further up around her neck and shook her head. ‘Please, Venetia. Get a grip.’ Jonathon slammed the car door. [TP, 66]

В данном примере инициатором конфликта выступает мужчина. Инициатор конфликта предпринял попытку сменить тему разговора и уйти

таким образом от конфликта, что выражено общим вопросом Now, are you getting in the car?. Данная тактика не имела успеха, и женщина-адресат отказалась идти на контакт. Подобная отрицательная реакция видна из невербального поведения адресата, представленного специфическим невербальным действием и жестовым НВК - She pulled her coat collar further up around her neck and shook her head. Мужчина инициатор конфликта раздражен отказом и использует тактику прерывания контакта, реализуемую невербально посредством специфического невербального действия (Jonathon slammed the car door).

Пример ниже иллюстрирует отрицательное завершение некооперативной интеракции с женщиной инициатором конфликта.

(88) ‘What can’t I leave alone?’ asked Nat, in a soothing, placating voice.

‘The friends, the parties. Even on the night you bloody propose.’

Nat shook his head and flashed her a patronizing look as he reached for the door.

‘Baby, you know you love me!’

Camilla ran back upstairs into the bedroom. [TP, 126]

Инициатор конфликта находится в эмоциональном состоянии раздражения. Адресат пытает помириться и успокоить инициатора конфликта (‘What can’t I leave alone?’ asked Nat, in a soothing, placating voice), однако получает отказ. Инициатор конфликта использует тактику прерывания контакта, выраженную невербально посредством специфического невербального действия проксемного характера с семантикой увеличения дистанции. Ее языковой номинацией выступает глагольное словосочетание ran back upstairs into the bedroom. Конфликт завершается отрицательно.

Разворачивание эксплицитного конфликта может проходить иначе – коммуникативные тактики будут успешны, так что результат некооперативного общения может быть и положительным. Положительный результат достигается за счет таких тактик, как извинение, отказ от своей точки зрения в пользу собеседника, манипуляция собеседником и др. Ниже

представлены несколько примеров положительного завершения эксплицитного конфликта: адресат стремится достичь консенсуса с инициатором конфликта; инициатор конфликта идет навстречу адресату.

Рассмотрим пример, где мужчина инициатор конфликта, осознав свою вину, стремится помириться с женщиной-адресатом.

(89) “You’ve never shown this much interest in my writing.”

“I’m hardly going to be interested in those silly fantasies, am I?”

She raised her eyebrows and Richard backtracked furiously. “Sorry, sorry. Out of order. I’m just excited for you now, that’s all. I mean, to be so close to such an important businessman. I bet you’re going to hear all sorts of things. Hey, maybe you could get us a few share tips.” [TPG, 71]

В ходе беседы разговор выходит на тему литературной карьеры женщины-адресата. Инициатор конфликта мужчина не одобряет подобных интересов адресата и грубо высказываетя по этому поводу (I’m hardly going to be interested in those silly fantasies, am I?). Адресат реагирует отрицательно, о чем можно судить по мимическому НВК, представленному глагольным словосочетанием raised her eyebrows. Мужчина осознает свою ошибку и применяет тактику извинения и смены темы разговора. Завершение некооперативного общения положительное – инициатору конфликта удалось закончить конфликт и помириться с адресатом.

Далее рассмотрим пример, где женщина-адресат успешно манипулирует мужчиной инициатором конфликта, чем положительно завершает конфликт.

(90) ‘You have to come. I need you,’ she whispered.

‘You need me?’ The corners of his mouth turned upwards slightly. Jonathon craved control and he was enjoying this minute of power over his wife. ‘Very well. Fine. Well, hurry up, get dressed then.’ [TP, 61]

Женщина-адресат играет на стремлении мужчины инициатора конфликта к контролю и власти. Она притворяется слабой и говорит, что ей нужна помощь мужчины (I need you). Об успешном манипулятивном ходе

свидетельствует положительная эмоциональная реакция мужчины, отражающаяся в мимическом НВК улыбки, представленном предикативным словосочетанием corners of his mouth turned upwards slightly. Таким образом, инициатор конфликта завершает конфликт, соглашаясь и примиряясь с адресатом. Консенсус достигнут вследствие успешной манипуляции адресата.

Итак, эксплицитный конфликт может разрешаться положительно и отрицательно. Положительное завершение конфликта обеспечивает стремление коммуникантов к консенсусу, что может быть достигнуто благодаря тактикам извинения, убеждения и принятия чужой точки зрения. Оба участника некооперативной интеракции (как инициатор конфликта, так и адресат) могут использовать эти тактики. Конфликт завершается отрицательно, если участники некооперативной интеракции не идут на сближение и не настроены на коопération. В подобном случае инициатором конфликта или адресатом могут быть применены те же тактики, однако собеседник не реагирует на них. В случае отрицательного завершения конфликта наиболее частотной тактикой в итоге является тактика прерывания контакта.

3.1.4 Сложные коммуникативные цели, описывающие ситуацию эксплицитного конфликта

Проанализируем СКЦ, описывающие ситуации эксплицитного конфликта, с акцентом на роль инициатора конфликта в некооперативном общении. Конфликтогены, типичные тактики инициатора конфликта и способы разрешения конфликта, описанные выше, будут рассмотрены в ходе коммуникативно-прагматического анализа.

Рассмотрим динамику эксплицитного конфликта с отрицательным завершением. В примере (91) инициатором конфликта выступает мужчина. Участники некооперативного общения – Джонатан (К1) и Венеция (К2), являющиеся семейной парой.

(91) Outside the surgery, Jonathon and Venetia stood on the street, a sharp wind pinching their cheeks. Jonathon motioned to Gavin to let him into the car.

‘What are we going to do?’ asked Venetia, looking to her husband for answers.

He looked at her contemptuously. ‘You know people are expecting us to have children. What am I supposed to tell them? My wife is incompetent?’

Venetia glared at him – for once her upset was overtaken by her fury. ‘*Incompetent?*’ she snarled. ‘I’m not one of your *staff*.’

‘I assume you knew this before we got married,’ replied Jonathon coldly, one foot already in the car. ‘You’ve been forcing me to come to these ridiculous sessions, making me feel that this problem has been something to do with me.’

Venetia felt punch-drunk – so stunned, she could barely get her words out. ‘Are you still going to the office?’ she whispered.

He got in the car. ‘I should have been there two hours ago. Do you want Gavin to drop you at the house?’

She bit hard on the inside of her lip. She was not going to cry in front of him.

‘So you’re really going ...?’ she repeated.

‘Let’s not start this again.’

‘But we have things to talk about.’

Jonathon turned to face her, his face impassive and cruel.

‘Talk about what? Egg donation? I’m not having some tart’s eggs transplanted into my wife in the name of children. We have the family to think about,’ he said, struggling to control his voice.

‘This is our family, Jonathon.’

‘The family line.’

Venetia shook her head angrily. ‘Jesus, Jonathon you sound like a bloody Nazi.’

‘It’s just how I feel. Now, are you getting in the car?’

She pulled her coat collar further up around her neck and shook her head.

‘Please, Venetia. Get a grip.’ Jonathon slammed the car door and the smoked electric window purred down. ‘And don’t forget we’ve got William and Beatrice

coming round for drinks tonight. Can you please make sure you're in a better mood?

As the car pulled away, Venetia stood very still, quietly letting the tears roll down her face. [TP, 66]

Мотивом начала некооперативной интеракции является несовпадение точек зрения К1 и К2 относительно семьи и будущих детей. Конфликтогеном выступает сочетание верbalного и неверbalного действия. Неверbalным компонентом конфликтогена является миримический НВК, выраженный глагольным словосочетанием *looked contemptuously*. Невербалная составляющая конфликтогена предшествует верbalной. Верbalная составляющая конфликтогена представлена вопросом «Моя жена некомпетентна?» (*My wife is incompetent?*), где прилагательное *incompetent* является оценочным и отрицательно коннотировано.

Невербалная составляющая дополняет верbalную, выражая отрицательную эмоциональную реакцию презрения. Верbalная составляющая конфликтогена в данном примере обладает более сильным конфликтобразующим потенциалом, что ясно из реагирующего поведения адресата.

Реплика инициатора конфликта К1 спровоцировала отрицательную эмоциональную реакцию К2 – ярость. Эмоциональная реакция ярости выражена глагольным словосочетанием *was overtaken by her fury*. К2 проявляет ее миримически и фонационно. Миримический НВК представлен глаголом с семантикой пристального злого взгляда *to glare*. Фонационный компонент реагирующего поведения К2 выражен глаголом «огрызаться» - *to snarl*. На верbalном уровне виден протест К2 против подобного отношения к себе. Полиграфическая семиотика – выделение курсивом слов «некомпетентный» (*incompetent*) и персонал (*staff*) – способствует смысловой акцентуации этих конфликтогенных компонентов. К2 выделяет прилагательное *incompetent*, послужившее конфликтогеном, в отдельное предложение. Это прямой повтор при выражении эмоциональной реакции

удивления-несогласия. С точки зрения синтаксиса, это переспрос, выражающий возмущение K2. Это подтверждает следующее отрицательное предложение, где курсивом выделено существительное *staff*. Оба эти слова имеют отношение к бизнес-сфере, в то время как предметом беседы являются семейные ценности. Другими словами, имеет место противопоставление сферы бизнеса и семейных ценностей. Использование инициатором конфликта слов с подобной семантикой вызывает отрицательную эмоциональную реакцию K2, что и маркирует конфликт.

Далее некооперативное общение продолжается по траектории расхождения коммуникативных интересов собеседников. K1 использует тактику обвинения. В его речи присутствуют такие отрицательно коннотированные глаголы и конструкции Complex Object: *to force, to make smb do smth*; прилагательное *ridiculous*, так же обладающее отрицательной коннотацией. На невербальном уровне тактика ИК закрепляется фонационным НВК, представленным глаголом звукового действия *to reply*, модифицированным наречием *coldly*.

Тактика обвинения, применяемая K1, подавляет ярость K2. На смену эмоциональной реакции ярости приходит эмоциональное состояние шока и ПФР ступора. Эмоциональная реакция шока выражена прилагательным *punch-drunk*. Языковой номинацией неконтролируемой невербальной реакции ступора служит прилагательное *stunned*. K2 настолько сильно шокирован словами K1, что не способен разговаривать. Языковой номинацией эмоционального состояния шока служит причастие *stunned* с интенсификатором *so*. Эмоциональное состояние K2 описывает гипербола: *so stunned, she could barely get her words out*. Когда K2 решается заговорить, то голос его звучит тихо, о чем говорит фонационный НВК, выраженный фоносемантическим глаголом звукового действия *to whisper*.

Из ответной эмоциональной реакции K2 видно, что K1 подавил K2. K2 пытается замаскировать ПФР слезоотделения покусыванием губы (*bit hard on the inside of her lip*). Элемент успешной маскировки ПФР важен для K2. В

случае неуспешной маскировки К1 смог бы перехватить коммуникативную инициативу и «выиграть» – слезы стали бы публичной демонстрацией слабости.

Инициатор конфликта К1, подавив К2, придерживается тактики уклонения от ссоры (Let's not start this again). К2, в свою очередь, пытается вернуться к первоначальному предмету разговора и все обсудить (But we have things to talk about).

К1 пытается завершить ссору, однако не идет на компромисс с К2. К1 отстаивает свою позицию, т.к. для него, как для властного мужчины, важна «победа» в конфликте. Об эмоциональной реакции безразличия и злости К1 на реакцию К2 свидетельствует мимический НВК: выражение его лица описано как *impassive and cruel*. Эмоциональная реакция К1 также отражается и в вербальном компоненте коммуникации – К1 задает ряд сукцессивных вопросов (Talk about what? Egg donation?). К1 защищает свою точку зрения и вновь желает прекратить ссору таким образом, чтобы «победа» в конфликте и последнее слово осталось за ним. Он четко выражает свою позицию, используя метафору, построенную по антонимическому принципу (wife – tart): I'm not having some tart's eggs transplanted into my wife in the name of children. We have the family to think about.

К2 не принимает точку зрения К1. Эмоциональная реакция гнева на слова К1 представлена в виде жестового НВК – жеста головы, языковой номинацией которого служит глагольное словосочетание *shook her head angrily*. Верbalный компонент реагирующего поведения К2 содержит отрицательно коннотированное адъективно-именное словосочетание *bloody Nazi*. Ядерным компонентом является существительное *Nazi*, несущее отрицательную коннотацию - derogatory term for a person who is fanatically dedicated to, or seeks to control some activity, practice, etc. [PUD]; one who imposes one's views on others; one who is considered unfairly oppressive or needlessly strict [WD]. Орицательно коннотированное прилагательное *bloody*

играет роль интенсификатора, что весьма типично для англоязычной разговорной речи.

K2 подавлен. Он не стремится далее продолжать конфликт и отстаивать свою точку зрения. K1 чувствует это и применяет тактику смены темы разговора. Однако K2 «закрылся» от дальнейшего коммуникативного нападения K1 и не идет на контакт. Отказ от коммуникации представлен специфическим неверbalным действием – НВК окружающей среды, выраженные глагольным словосочетанием *pulled her coat collar further up*; и жестовым НВК, выраженным глагольным словосочетанием *shook her head*.

Результат данного эпизода некооперативного общения отрицательный: конфликт остается не разрешен. K1 и K2 не смогли прийти к консенсусу из-за нежелания пойти на уступки, принять точку зрения друг друга. K2 находится в эмоциональном состоянии разочарования из-за отсутствия взаимопонимания. Его эмоциональная реакция проявляется через ПФР слезоотделения, которую он больше не маскирует (*letting the tears roll down her face*).

Схема анализа СКЦ представлена в таблице №1 «Динамика эксплицитного конфликта с отрицательным завершением (пример 91)». (см. Приложение 1)

Рассмотрим еще один пример, иллюстрирующий ситуацию некооперативного взаимодействия между женщиной инициатором конфликта и мужчиной-адресатом с отрицательным завершением. Участниками следующего эпизода некооперативного общения являются Камилла (K1) и Натаниэль (K2). Мотив ссоры – поведение K2. Инициатором конфликта выступает K1.

(92) Before she could think further, she was startled by the sound of a loud horn beeping right outside the front door of the chalet.

‘What the hell ...?’ she said, pulling the cashmere blanket even tighter.

Nat sprang up from the chair and looked at his watch, pulling on a towelling robe as he did so. ‘Fuck. Is it nine o’clock already?’

‘What’s going on?’ asked Camilla, watching him run downstairs.

Nat stumbled with his words. ‘Er, JJ and Rich, Ant and a few others are in town. I said we might go out to celebrate.’

‘What?’ yelled Camilla. She stood up and wrapped the blanket around her like a toga, following him. ‘I’m not going anywhere! Not tonight of all nights! Nat, what are you thinking?’

There was a loud rattling of several hands on the front door.

‘Come out, come out wherever you are,’ sang a loud, drunken voice.

‘They are not coming in,’ spat Camilla, feeling the romance drain from the evening with every knock on the door.

‘Jesus, Cammy, lighten up!’ said Nat. ‘I found out this afternoon they were in town. There’s a party going on at JJ’s chalet. What was I supposed to say when they rang up? Anyway,’ he smiled, trying to wrap his arms around her, ‘I knew we’d be celebrating ...’

‘You can never leave it alone, can you?’ she hissed, pushing him away and catching a glimpse of him reflected in the window. Half naked, his glass tipped at an angle, he looked like a more glamorous version of the Dudley Moore character in *Arthur*: a rich, pampered buffoon.

‘What can’t I leave alone?’ asked Nat, in a soothing, placating voice.

‘The friends, the parties. Even on the night you bloody propose.’

Nat shook his head and flashed her a patronizing look as he reached for the door.

‘Baby, you know you love me!’

Camilla ran back upstairs into the bedroom and Nat opened the door to let in five raucously drunk Sloaney men. As she sat in the dark listening to their bellowing voices, she knew in an instant that she was not going to marry him. She was Camilla Balcon, destined for Parliament, and she would let nothing and no one get in the way of her ambition. [TP, 126]

Причиной для ссоры послужило решение К2 пригласить своих друзей на романтический вечер с К1. Конфликтогеном является вербальное

подтверждение этого факта K2 (Er, JJ and Rich, Ant and a few others are in town. I said we might go out to celebrate).

K1 повышает голос, о чем свидетельствует фонационный НВК, представленный глаголом звукового действия *to yell*. K1 применяет тактику отказа: он четко озвучивает свое нежелание идти куда-либо, что выражено в тексте серией отрицательных восклицательных предложений (*I'm not going anywhere! Not tonight of all nights!*). Специфическое невербальное действие, представлено серией суксессивных действий, выраженных в тексте глаголами и глагольными словосочетаниями: *stood up and wrapped the blanket around her like a toga, following him*, - демонстрирует решительность и негодование K1. Затем K1 применяет тактику упрека, задавая общий вопрос риторического характера K2 - *Nat, what are you thinking?*. Не дожидаясь ответа, K1 меняет тактику упрека на тактику запрета – *They are not coming in*. Агрессивность тактики вызова подтверждает фонационный НВК, представленный фоносемантическим глаголом звукового действия *to spat*.

K2 пытается успокоить K1. В тексте это реализовано за счет восклицательного побудительного предложения - *Jesus, Cammy, lighten up!*. Он использует тактику подбадривания, стараясь объяснить ситуацию. Далее K2 пытается прекратить ссору – он применяет невербальный ход, стараясь улыбнуться и обнять K1. Мимический НВК улыбки, выраженный глаголом *smile* в Past Simple и тактильный НВК объятий, выраженный с помощью причастного оборота *trying to wrap his arms around her*, направлены на прекращение конфликта, однако не имеют ожидаемого положительного действия.

Реакция K1 на действия K2 отрицательная. K1 отталкивает K2. Невербальное действие женщины инициатора конфликта носит тактильно-проксемный характер и представлено причастным оборотом - *pushing him away*. K1 вновь использует тактику упрека, представленную разделительным вопросом - *You can never leave it alone, can you?*. На невербальном уровне

тактика упрека сопровождается фонационным НВК, представленным фоносемантическим глаголом звукового действия *to hiss*.

К2 не реагирует на упреки со стороны К1. К2 пытается повторно прекратить конфликт с К1. Попытка ухода от конфликта сопровождается на невербальном уровне фонационным НВК, представленным словосочетанием с именным компонентом **VOICE**. На тактику примирения указывают положительно коннотированные прилагательные, модифицирующие существительное **VOICE**: *in a soothing, placating voice*.

Попытка примирения неудачна. К1 меняет тактику упрека на более агрессивную тактику обвинения, что может указывать на отрицательное эмоциональное состояние раздражения и гнева. Тактика обвинения реализуется вербально рядом эллиптических предложений: *The friends, the parties. Even on the night you bloody propose*. Определенный артикль *the* перед существительными указывает на повторяющийся характер действий К2. Прилагательное *bloody*, выступающее здесь в качестве интенсификатора, носит обсценный характер и указывает на отношение К1 к поступкам К2.

К2 использует тактику ухода от конфликта. К2 совершает ряд невербальных действий жестового и миремического характера. Жестовый НВК представлен жестом головы и выражен глагольным словосочетанием с соматизмом **HEAD**: *shook his head*. Миремический НВК выражен глагольным словосочетанием с существительным **LOOK**: *flashed her a patronizing look*. К2 надеется на успех своей тактики и старается поставить точку в ссоре посредством обращения к К1: *Baby, you know you love me!*

Однако все попытки К2 помириться и успокоить К1 не имели успеха. Конфликт завершается тем, что К1 принимает и применяет тактику прерывания контакта. Результат некооперативного общение отрицательный.

Схема анализа СКЦ представлена в таблице №2 «Динамика эксплицитного конфликта с отрицательным завершением (пример 92)». (см. Приложение 1)

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие положительное завершение конфликта. В примере (93) адресат-мужчина идет на уступки, а женщина инициатор конфликта принимает позицию адресата. В данном примере Кэйт (К1) является инициатором конфликта. Мотив ссоры – неудачная шутка Ника (К2).

(93) ‘Your idea is for a bird magazine?’ said Cate, her heart sinking.

‘Parrots.’

‘Well, the pet market is huge,’ she acknowledged, not wanting to mock his idea. Nick started laughing – a deep, loud laugh. ‘No, I’m not doing a bloody parrot magazine. That was a joke.’

It was Cate’s turn to feel riled. How dare he make her feel stupid when she was only trying to be kind? She bowed her head to stop him seeing her cheeks burn red and began to rummage around in her bag, trying to find her mobile to call a taxi. She’d had enough of this. Nick Douglas was obviously not the charmer Tom had described. Unable to find the phone, she pulled out a thin portfolio she had put together, full of layouts and mood boards, and put it on the table.

‘Is this it?’ asked Nick, craning his neck over to the side of the table.

Before Cate could stop him, Nick was reaching for the black leather portfolio.

She shot out her hand and put it on top of his.

‘I wasn’t giving you that,’ she snapped pulling it back.

‘Then why are we here?’ He looked up at the angry, determined line of her mouth, which he found, against his better judgement, quite cute.

‘Hey, don’t look so worried,’ laughed Nick more softly, putting his palms up in surrender. ‘I’m not the KGB! If you’re worried about me pinching your idea, which of course I won’t, I am quite happy to sign a NDA.’

‘A what?’

‘Non-disclosure agreement. Not that they are worth the paper they are written on, but I’m happy to sign one.’

Cate took a deep breath and looked into Nick’s intense eyes. ‘OK,’ she said, pushing the folder across to him. ‘I trust you,’ she added, not very convincingly.

Nick returned her gaze, then nodded. [TP, 96]

Неудачная шутка К2 стала конфликтогеном некооперативного общения. При этом конфликтоген представлен тут как вербально – признание того, что К2 разыграл К1, так и невербально – респираторный НВК смеха, выраженные глагольным и адъективно-именным словосочетаниями *started laughing – a deep, loud laugh.*

Эмоциональная реакция К1 на действия К2 отрицательная. К1 раздражен, что на языковом уровне выражено словосочетанием *feel riled*. К1 поставлен в неловкое положение, о чем свидетельствует ПФР динамики цвета лица. Интенсивная ПФР покраснения представлена словосочетанием *her cheeks burn red*. Однако К1 пытается это скрыть за жестовым НВК, выраженным глагольным словосочетанием с соматизмом *HEAD – bowed her head to stop him seeing her cheeks burn red*. Маскировка нежелательной ПФР также представлена специфическим невербальным действием – «рыться в сумочке» (*to rummage around in her bag*). Первый порыв К1 – избежать дальнейшего контакта с К2 и выйти из неприятной ситуации, вызвав такси (*trying to find her mobile to call a taxi*).

К2 наблюдает это и пытается остановить К1. Специфическое невербальное действие К2 (завладеть предметом, принадлежащим К1) не имело успеха. Отрицательная эмоциональная реакция инициатора конфликта представлена невербально фонационным НВК в виде фоносемантического глагола звукового действия *to snap* и вербально предложением *I wasn't giving you that*. Вербальное и невербальное проявление отрицательной эмоциональной реакции демонстрируют отсутствие стремления К1 к кооперативной интеракции. Эмоциональная реакция К1 также представлена мимическим НВК отсутствия улыбки, выраженным адъективно-именным словосочетанием – *angry, determined line of her mouth*.

К2 идет на уступку, старается убедить К1 и пытается вернуть разговор в исходное деловое русло «*Then why are we here?*». К2 идет на уступки, о чем свидетельствует невербальный жест *putting his palms up in surrender*, и

пытается разрядить обстановку дружелюбным смехом. К2 также использует тактику успокоения (Hey, don't look so worried), оправдания (I'm not the KGB!) и уступки (If you're worried about me pinching your idea, which of course I won't, I am quite happy to sign a NDA). Из его коммуникативных ходов следует, что К2 на вербальном и невербальном уровне стремится к разрешению конфликтной ситуации.

К1 заинтересован в перемирии с К2. Доводы К2 показались ему убедительны, поэтому, несмотря на свою первичную отрицательную эмоциональную реакцию, К1 соглашается с условиями К2 и выражает свое доверие (OK, I trust you). Оба коммуниканта, несмотря на личное мнение и отсутствие симпатии друг к другу, пришли к консенсусу ради достижения общей цели, т.е. результат данного некооперативного эпизода положительный.

Схема анализа СКЦ представлена в таблице №3 «Динамика эксплицитного конфликта с положительным завершением (пример 93)». (см. Приложение 1)

Рассмотрим еще один пример, где адресат-женщина стремится помириться с мужчиной инициатором конфликта. В примере ниже инициатором конфликта выступает Джонатан (К1), а адресатом – Венеция (К2). Мотивом для начала некооперативной интеракции служит нежелание посещать унизительную для К1 процедуру (встречу с семейным доктором).

(94) ‘When do we have to leave then?’ said Jonathon finally, folding his paper closed.

‘If you’re going to come, you should at least come with good grace,’ said his wife, pouring a cup of dark Colombian coffee from the cafetiere.

Jonathon looked up sharply. One of London’s most successful hedge-fund managers, he wasn’t used to being told what to do. Fully dressed for work in his Kilgour navy suit, his gold cufflinks winking from under the long jacket sleeves, he looked at his wife in her expensive cream silk dressing gown and snorted irritably.

‘I object because you don’t even seem to be trying to get ready,’ he responded tartly. ‘You know I’m in a hurry this morning. I’ve got back-to-back meetings all afternoon and, frankly, I have better things to be doing than sitting here with you.’ Venetia went behind his chair to wrap her arms around him, kissing the back of his neck gently. ‘Don’t be like that, darling,’ she said softly. ‘We don’t have to be there until ten and, really, it shouldn’t take long.’

He shook her off and pushed his chair back noisily across the terracotta floor, snatching up his mobile phone from the table.

‘Are you sure I have to go?’ he asked coldly, one ear fixed to his mobile. ‘How about I get Gavin to drop you off on the way to my office?’

Venetia felt the familiar rush of hot tears prickling behind her eyes. She was feeling terribly vulnerable these days, and the slightest criticism or offhandedness from Jonathon seemed to set her off.

‘You have to come. I need you,’ she whispered.

‘You need me?’ The corners of his mouth turned upwards slightly. Jonathon craved control and he was enjoying this minute of power over his wife. ‘Very well. Fine. Well, hurry up, get dressed then.’

Конфликтоген этого эпизода некооперативного общения вербальный. Им является фраза K2: If you’re going to come, you should at least come with good grace, которую K1 воспринимает как нотацию. K1 недоволен, что K2 ставит ему условия и говорит, что нужно делать.

K1 раздражен, что подтверждают респираторный HBK, представленный глаголом, модифицированным наречием snorted irritably, и фонационный HBK, представленный глаголом говорения, модифицированным наречием responded tartly. K1 использует тактику отказа – I have better things to be doing than sitting here with you.

K2 идет на примирение и использует невербальные действия для достижения цели и успокоения K1. Тактика примирения на невербальном уровне представлена рядом HBK: проксемным HBK, выраженные глагольным словосочетанием с семантикой сокращения дистанции между

собеседниками (went behind his chair); тактильным НВК, выраженным глагольным словосочетанием с соматизмом ARMS (wrap her arms around him, kissing the back of his neck gently); фонационным НВК, выраженным глаголом говорения, модифицированным наречием (said softly). На вербальном уровне К2 применяет тактику убеждения (Don't be like that, darling. We don't have to be there until ten and, really, it shouldn't take long).

К1 не поддается на уговоры К2. К1 разрывает тактильный контакт с К2, о чем свидетельствует специфическое невербальное действие, выраженное глагольными словосочетаниями с семантикой прерывания контакта (shook her off and pushed his chair back noisily across the terracotta floor). Далее К1 использует тактику навязывания своей точки зрения (Are you sure I have to go? How about I get Gavin to drop you off on the way to my office?). Фонационный НВК, представленный глаголом говорения asked, модифицированным отрицательно коннотированным наречием coldly, говорит о некооперативном настрое К1.

Отрицательная эмоциональная реакция К2 на поведение К1 представлена ПФР слезоотделения, выраженной словосочетанием с причастным оборотом felt the familiar rush of hot tears prickling behind her eyes. Однако К2 стремится убедить К1 и успешно им манипулирует, играя на повышение. К2 произносит то, что хочет слышать К1 – признание собственное беспомощности, что не может не льстить К1. Вербально тактика убеждения представлена утвердительным предложением I need you. Невербально она сопровождает фонационным НВК, представленным глаголом звукового действия whispered.

К2 успешно манипулирует К1. К2 играет на стремлении К1 к контролю и власти. Об успешности тактики свидетельствует положительная эмоциональная реакция К1, отражающаяся в мимическом НВК улыбки, выраженном предикативным словосочетанием (corners of his mouth turned upwards slightly). Таким образом, К1 завершает конфликт, соглашаясь с К2.

Схема анализа СКЦ представлена в таблице №4 «Динамика эксплицитного конфликта с положительным завершением (пример 94)». (см. Приложение 1)

Итак, эксплицитный конфликт проявляется на всех уровнях интеракции (вербальном и невербальном), поэтому в ходе анализа принимаются во внимание вербальный и невербальный пластины экспликации. Благодаря коммуникативно-прагматическому подходу к анализу СКЦ можно проанализировать динамику развертывания эксплицитного конфликта: определить мотив конфликта, выделить конфликтоген, наблюдать эмоциональные реакции собеседников и установить их причину, проследить смену коммуникативных тактик, их успешность и влияние на завершение конфликта. Роль инициатора конфликта в ходе развертывания эксплицитного конфликта является определяющей. Пол инициатора конфликта влияет на его коммуникативное поведение. От инициатора конфликта по большей части зависит течение и завершение некооперативной интеракции, что связано с выбором им тех или иных коммуникативных тактик. Реагирующее поведение также адресата нельзя не принимать во внимание, т.к. оно корректирует и направляет поведение инициатора конфликта.

3.2 Имплицитный конфликт в художественном тексте

Основной сложностью анализа конфликтного взаимодействия является невозможность адекватной оценки мотивов и целей коммуникантов, исходя лишь из наблюдения внешней динамики конфликта. Особенно тяжело анализу поддаются имплицитные конфликты. Имплицитный конфликт является неявным и может протекать незаметно, т.к. коммуниканты скрывают свои намерения. Исследование имплицитного конфликта проводится, в основном, в рамках психологии и конфликтологии [Deutsch:1985; Deutsch, Coleman, Marcus:2006].

Для лингвиста же имплицитный конфликт представляет интерес в плане изображения в художественном тексте. Художественный текст фиксирует не

только развертывание самого конфликта, но и раскрывает истинные чувства и намерения героев.

Литературный герой как объект художественного познания не может быть с начала до конца создан только творческим воображением автора. Его характер, поступки, действия представляют собой совокупность моментов, как существующих самостоятельно, вне творческой деятельности автора текста, так и являющихся ее следствием. [Щирова, Гончарова:2007: 231] Другими словами, автор художественного текста наблюдает за реальной действительностью, «пропускает» ее через свое Я и воплощает ее в образе литературного героя.

Посредством языка автор воплощает свой идеино-эстетический потенциал в элементах диалогов и монологов, в описании художественных деталей и др. Язык как форму поэтического познания и эстетического общения между создателем текста и читателем можно считать тем компонентом структуры, который обеспечивает синергизм всех остальных ее элементов, т.е. совместное действие, характеризующееся тем, что это действие превышает действие, оказываемое каждым компонентом в отдельности, в общем художественном смысле литературного произведения. [Щирова, Гончарова:2007: 228]

Далее рассмотрим описание имплицитного конфликта в художественном тексте: как это делает автор, с помощью каких средств, на что обращает внимание читателя.

Специфика имплицитного конфликта проявляется в его экспликации только на невербальном уровне. Верbalный канал не является показательным для анализа, т.к. содержит, в основном, нейтрально коннотированную лексику, а его грамматические и стилистические особенности совпадают с обычной фатической кооперативной коммуникацией. Невербальный уровень маркирует конфликт, о чем в художественном тексте нам сообщает автор. Автор описывает невербальное поведение участников имплицитного конфликта, их эмоциональные реакции

и мысли. Рассмотрим специфику авторского описания имплицитного конфликта в художественном тексте.

Невербальное поведение инициатора конфликта в имплицитном конфликте описывает автор художественного произведения. Как уже было сказано выше, невербальное поведение состоит из следующих компонентов: контролируемые НВК, неконтролируемые НВК (или ПФР) и специфические невербальные действия.

Контролируемые НВК могут быть представлены различными классами НВК, например, фонационным или миремическим классом. Фонационный НВК описывает манеру речи инициатора конфликта. Он может быть выражен: глаголами говорения, модифицированными отрицательно коннотированными наречиями (*he said coolly, replied she briskly*); глагольными и именными словосочетаниями с существительным **VOICE** (*her voice reserved, said in a low voice*). Мимические НВК описывают характер взгляда инициатора конфликта в момент речи и выражены: глагольными и именными словосочетаниями с существительными **EYES/LOOK** (*her eyes dark and gloomy, he cast an angry look*); глаголами с семантикой контакта глазами, модифицированными отрицательно коннотированными наречиями (*looks at me unsympathetically*).

Иногда контролируемые НВК не маркируют конфликт, т.к. инициатор конфликта тщательно продумывает каждый свой ход и скрывает свои намерения как на вербальном, так и невербальном уровне. Узнать его истинное состояние помогает читателю в художественном тексте описание ПФР. ПФР не поддаются контролю, поэтому выдают эмоциональное состояние инициатора конфликта. В данных примерах (95) *Salander stood in the hall as if frozen* [SL, 262], (96) *he felt anger beating inside his chest* [SL, 320] автор иллюстрирует ПФР инициатора конфликта в ситуации имплицитного конфликта. В примере (95) описывается ПФР ступора. Ее языковой номинацией служит глагольное словосочетание *stood as if frozen*, где причастие *frozen* говорит о неспособности двигаться. В примере (96) автор

описывает не только ПФР учащения сердцебиения, но и эмоциональную реакцию гнева инициатора конфликта. Языковой номинацией ПФР учащения сердцебиения служит причастные оборот *anger beating inside his chest*, где существительное *anger* также является именем испытываемой эмоции.

Автор описывает эмоциональные реакции инициатора конфликта и его эмоциональное состояние. В примерах (97) *...she really wasn't in complete control of her nerves. This totally unlooked-for visit had shaken her in a way that she had never experienced* [SL, 265], (98) *...waited impatiently for Sloane's reply, all the while her anger intensifying.* [AH, 540] инициатор конфликта находится в эмоциональном состоянии шока и гнева, соответственно. Адресат не знает об эмоциональном состоянии инициатора конфликта, однако с помощью автора читателю доступна эта информация. Автор описывает эмоциональное состояние нервного напряжения инициатора конфликта в примере (97) посредством глагольного словосочетания *wasn't in complete control of her nerves*, а эмоциональное состояние шока через посредство предикативного словосочетания *visit had shaken her*. В примере (98) эмоциональное состояние гнева инициатора конфликта показано в динамике в сторону усиления. Его языковой номинацией служит именно словосочетание *her anger intensifying*.

Для имплицитного конфликта также характерен феномен маскировки эмоций. Автор художественного произведения описывает этот феномен. В примере (99) *...sat as if paralysed, while desperately wondering how to answer. His first impulse was to pretend to be insulted...* [SL, 34] инициатор конфликта находится в эмоциональном состоянии шока. Оно проявляется невербально, о чем свидетельствует ПФР ступора, языковой номинацией которой служит глагольное словосочетание *sat as if paralysed*. Инициатор конфликта желает скрыть свою реакцию и притвориться обиженным, о чем свидетельствует глагольное словосочетание *pretend to be insulted*. Выбранный автором глагол *pretend* говорит о том, что инициатор конфликта хочет использовать маскировку.

В примере (100) *He was annoyed at the way she just sat there in silence, looking at him—but he controlled himself.* [SL, 176] инициатор конфликта маскирует эмоциональное состояние раздражения. Чтобы не допустить его экспликации, инициатор конфликта старается контролировать себя, что ему успешно удаётся. Феномен успешной маскировки реализуется в тексте посредством предикативного словосочетания *he controlled himself*.

Другой характерной чертой имплицитного конфликта является неконгруэнтность. Несовпадение векторов верbalного и неверbalного каналов коммуникации в имплицитном конфликте очевидно, т.к. верbalный план не маркирует конфликт и представлен нейтрально коннотированной лексикой, а неверbalный – неверbalными компонентами и ПФР, которые свидетельствуют об отрицательном эмоциональном состоянии инициатора конфликта. В примере (101) ‘*Yes, miss*’. *The answer was respectful, but there was something in his tone and expression that didn’t match his agreeable reply.* [TP, 169] верbalный пласт эксплицирует согласие инициатора конфликта, в то время как неверbalный говорит об обратном. Глагол *didn’t match* говорит о неконгруэнтности ответа инициатора конфликта с его речью и выражением лица.

Итак, опираясь на психологические исследования, мы понимаем имплицитный конфликт как конфликт, протекающий скрыто, не явно в силу статусно-ролевых отношений причин. Увидеть имплицитный конфликт в художественном тексте нам помогает автор художественного произведения. Именно он описывает коммуникативное поведение инициатора конфликта, его эмоциональные реакции и мысли. Для имплицитного конфликта характерен феномен неконгруэнтности содержания верbalного и неверbalного каналов коммуникации и феномен маскировки. Оставаясь скрытым, имплицитный конфликт имеет свою специфику развертывания. Далее рассмотрим типичные конфликтогены имплицитного конфликта, выявим гендерноспецифичные тактики инициатора конфликта, разберем способы разрешения имплицитного конфликта и представим

коммуникативно-прагматический анализ СКЦ, фиксирующего эпизод имплицитного конфликта.

3.2.1 Конфликтогены имплицитного конфликта

Для имплицитного конфликта типичны те же конфликтогены, что и для эксплицитного: вербальные и невербальные. Рассмотрим пример имплицитного конфликта с вербальным конфликтогеном.

(102) “Actually, there was something I wanted to talk to you about,” said Adam, still looking at the ballroom. Karin felt a little leap of excitement in her belly. “I’ve been to your stores and I think your corporate identity is really strong.”

Karin felt the delicious bubble of anticipation pop. [TPG, 100]

Кэрин (К1) находится в романтической обстановке с Адамом (К2). К1 ожидает от К2 определенных действий и слов. К2 произносит фразу, не отвечающую романтическим ожиданиям К1: К2 делает комплимент К1 как женщине-предпринимателю («I think your corporate identity is really strong»), а не как физически привлекательной женщине. Подобное вербальное действие вызывает у К1 отрицательную эмоциональную реакцию разочарования. Языковой номинацией эмоциональной реакции разочарования служит метафора the delicious bubble of anticipation pop.

Невербальный конфликтоген, инициирующий имплицитный конфликт, может быть представлен как определенным видом контролируемых НВК, так и специфическим невербальным действием. Пример ниже иллюстрирует агрессивное невербальное поведение Лахлана (К1) по отношению к Клэйполу (К2), которое стало конфликтогеном в далее развивающемся имплицитном конфликте.

(103) Mid-forties, the man was six foot of twisted steel cable with a woodsman’s tan and an expression of disgust on his wrinkled smoker’s lips. They met eyes, and to Claypole’s shock, the man raised his forefinger and slowly drew it across his throat. [MM, 78]

Причиной неприязни К1 к К2 служит экстралингвистическая ситуация, непосредственным началом имплицитного конфликта является невербальный конфликтоген – жестовый НВК агрессивно-угрожающего характера со стороны К1. Языковой номинацией невербальной угрозы (жеста «перерезать горло») служат глагольные словосочетания «raised his forefinger and slowly drew it across his throat». Некооперативные намерения К1 также маркирует мимический НВК улыбки, представленный именным словосочетанием с существительным LIPS – expression of disgust on his wrinkled smoker's lips. Эмоциональное состояние и отношение К1 описывает именной компонент disgust, имеющий отрицательную коннотацию.

Итак, предложения с нейтрально окрашенной лексикой чаще всего выступают в качестве вербального конфликтогена для имплицитного конфликта. Конфликтобразующий потенциал несет в себе не содержание верbalного сообщения, а несовпадение иллокутивных целей инициатора конфликта и адресата. В качестве невербального конфликтогена может выступать контролируемый НВК фонационного (тон голоса), мимического (улыбка), миримического (взгляд), жестового или пантомимического (поза) класса. Языковые номинации данных НВК будут иметь отрицательную коннотацию, указывающую на враждебную манеру поведения, например, to say in a hard voice, smug smile, stare coldly и др. Специфическое невербальное действие также может являться конфликтогеном. В качестве специфического невербального действия, выступающего конфликтогеном, типично использование предметов окружающей среды.

3.2.2 Тактики развертывания имплицитного конфликта

Характерной чертой имплицитного конфликта можно считать речевое поведение, не маркирующее конфликт. К такому речевому поведению можно отнести использование нейтральной и эмоционально не окрашенной лексики; избегание коммуникантом таких речевых актов, как директив и экспрессив;

соблюдение общих этикетных норм и др. Единственный способ проявления конфликта – паралингвистический (невербальный).

Говоря о тактиках инициатора конфликта стоит отметить, что все они реализуются на невербальном уровне. Также коммуникативному поведению инициатора конфликта присуща неконгруэнтность, т.е. противоречие вербальной и невербальной составляющей сообщения.

3.2.2.1 Маскулинные тактики развертывания имплицитного конфликта

В имплицитном конфликте для мужчины инициатора конфликта типичны тактика угрозы, тактика подавления и тактика унижения. Рассмотрим пример тактики угрозы.

(104) “Only there seems to be an issue of trust.” Adam turned to look evenly at Richard, whose face suddenly seemed frozen in fear. “Oh, and Richard,” added Adam in a low voice, “I hope you haven’t been billing all that late-night extracurricular work you’ve been doing to a client account? That would be fraud, and I believe that sort of thing is very frowned upon in the legal profession.” [TPG, 114]

Тактика угрозы на вербальном уровне не реализуется. Инициатор конфликта выражает свою осведомленность о незаконных действиях адресата, не сообщая, что он в дальнейшем будет делать с этой информацией. Тактика угрозы реализуется инициатором конфликта преимущественно на невербальном уровне с помощью миримического и фонационного НВК. Миримический НВК семантикой прямого контакта глазами представлен глаголом to look at, модифицированным наречием evenly. Фонационный НВК представлен адъективно-именным словосочетанием с именным компонентом VOICE – in a low voice. Перлоқутивный эффект данной тактики проявляется в эмоциональной реакции страха адресата - face suddenly seemed frozen in fear.

Другая тактика, типичная для маскулинного поведения инициатора конфликта, это тактика подавления. В имплицитном конфликте данная тактика осуществляется невербально.

(105) For two individuals who defined confidence, the tension between them was so strong you could almost see it. Michael's enormous presence seemed to surround her and she immediately regretted agreeing to meet him on his turf. [TP, 269]

Тактика подавления осуществляется невербально. Инициатор конфликта имеет преимущество перед адресатом – диалог происходит на территории инициатора конфликта. Также важно упомянуть и проксемный компонент: из pragматического контекста известно, что инициатор конфликта стоит, возвышаясь над адресатом, а адресат сидит в кресле. У адресата возникает ощущение, будто инициатор конфликта заполняет своим присутствием все пространство и подавляет его.

Тактика унижения также свойственна мужчине инициатору конфликта.

(106) Adam snobbishly pulled the business card Charles had given him from his pocket and held it in the air scornfully. “Thanks, Charles. I have your details.” [TPG, 114]

В данном примере имеет место феномен неконгруэнтности, т.е. несовпадения семантики верbalного и невербального планов. На вербальном уровне инициатор конфликта благодарит собеседника (Thanks, Charles.), однако невербальный канал демонстрирует обратное. Специфическое невербальное действие с артефактом (визитной карточкой) жестового характера маркирует презрение инициатора конфликта и направлено на унижение адресата, о чем говорят языковые компоненты – наречия *snobbishly* и *scornfully*.

Итак, среди типичных тактик, эксплуатируемых мужчиной инициатором конфликта, выделяются тактика угрозы, тактика подавления и тактика унижения. Специфика этих тактик проявляется в их невербальной манифестации. Тактика угрозы реализуется с использованием фонационного,

миремического и проксемного НВК. Для тактики подавления свойственен пантомимический НВК. Тактике унижения присуще наличие специфических невербальных действий, позволяющих мужчине инициатору конфликта играть на понижение.

3.2.2.2 Феминные тактики развертывания имплицитного конфликта

Для феминного поведения инициатора конфликта характерно использование тактики угрозы, тактики унижения и тактики демонстрации безразличия.

Тактика угрозы в имплицитном конфликте реализуется женщинами инициаторами конфликта преимущественно с участием мимического и миремического класса НВК

(107) As Nick turned to sit back at his desk, Rebecca flashed a look at Cate, one eyebrow raised and the edge of her lip curled up into a slightly malevolent smile.
[TP, 211]

Невербальная угроза реализуется за счет ряда невербальных компонентов: миремический НВК с семантикой прямого контакта глазами, а также с семантикой злого взгляда представлен глагольным словосочетанием to flash a look at smb; мимический НВК «поднятая бровь» представлен именным словосочетанием one eyebrow raised с семантикой злопожелания; мимический НВК улыбки представлен адъективно-именным словосочетанием a malevolent smile, где прилагательно malevolent маркирует угрожающие намерения инициатора конфликта.

Женщины инициаторы конфликта также используют тактику унижения. Особенностью этой тактики на невербальном уровне являются специфические невербальные действия с артефактами (аксессуарами и предметами роскоши).

(108) Nicole paused dramatically, playing smugly with the five-carat Asscher-cut engagement ring on her finger. ‘We said we’d give picture approval and when we

sent the images over to her publicist – well, they don't like the shoot.' Nicole pursed her lips into a self-satisfied smile. [TP, 23]

Структура тактики унижения в данном примере состоит из следующих компонентов: фонацинныи НВК + специфическое невербальное действие + мимический НВК. Фонационный НВК представлен глагольным словосочетанием *paused dramatically* и является частью коммуникативной тактики. Пауза в речи инициатора конфликта подготавливает адресата к дальнейшей информации и заставляет его нервничать, т.е. выступает в качестве успешной манипулятивной тактики. Специфическое невербальное действие с артефактом, а именно с роскошным аксессуаром (*the five-carat Asscher-cut engagement ring on her finger*), демонстрирует успех, богатство и более высокий статус инициатора конфликта в сравнении с адресатом. Наречие *smugly* маркирует самодовольную манеру этого специфического невербального действия. Уверенность в собственном положении и самодовольство подтверждает мимический НВК улыбки, представленный адъективно-именным словосочетание *a self-satisfied smile*. Все эти невербальные компоненты составляют тактику унижения: они помогают инициатору конфликта играть на понижение и направлены на демонстрацию контраста между коммуникантами.

Другой специфической тактикой женщин инициаторов конфликта является тактика демонстрации безразличия. Подобная тактика помогает инициатору конфликта либо скрыть свое недовольство, либо заставить адресата осознать свою вину.

(109) Karin felt the delicious bubble of anticipation pop.

"Well, thank you for the compliment, Adam," she said coolly. "So what did you want to talk about?" "I have a team of creative people advising the Midas Corporation," he said. "I would love you to do some consulting for the residential division. I think you could really add some class."

But Karin was only half listening. [TPG, 100]

Женщина инициатор конфликта находится в отрицательном эмоциональном состоянии раздражения в связи с неудачным комплиментом со стороны мужчины-адресата. Вербально оно не проявляется. Однако на невербальном уровне инициатор конфликта демонстрирует свою холодность и безразличие. Фонационный НВК, представленный глаголом звукового действия *to say*, модифицированным наречием *coolly*, маркирует холодность инициатора конфликта. О его безразличии свидетельствует невербальное поведение – невнимание к словам адресата – *Karin was only half listening*.

Итак, для феминного невербального поведения характерны тактика угрозы, тактика унижения и тактика демонстрации безразличия. Как и для всех тактик имплицитного конфликта, их специфика раскрывается на невербальном уровне. Тактика угрозы осуществляется чаще всего с помощью мимического и миремического НВК. Тактика унижения – с помощью фонационного, миремического и мимического НВК, а также специфических невербальных действий с артефактами (предметы роскоши, одежда и др.). Тактика демонстрации безразличия – фонационного НВК (молчание, холодный тон голоса), проксемного НВК (увеличение дистанции). Стоит отметить также использование злой улыбки женщинами инициаторами конфликта для реализации тактик угрозы и унижения.

3.2.3 Способы разрешения имплицитного конфликта

Имплицитный конфликт может разрешаться несколькими способами. Он может переходить в эксплицитный или оставаться неразрешенным. В связи с тем, что имплицитный конфликт не проявляется на вербальном уровне, у коммуникантов отсутствует возможность договориться, убедить друг друга или доказать что-либо.

Рассмотрим пример имплицитного конфликта с отрицательным завершением.

(110) ‘Goodbye, William. Goodbye, Nicole,’ said Cate as they moved away.
‘Have a good time in Milan.’ [TP, 154]

Инициатор конфликта использует тактику прерывания контакта для завершения некооперативного общения. Тактика прерывания контакта реализуется вербально и невербально. На вербальном уровне инициатор конфликта прощается с собеседниками и желает им хорошо провести время. На невербальном уровне тактика прерывания контакта осуществляется посредством проксменного НВК, представленного глаголом с семантикой увеличения дистанции *moved away*.

Имплицитный конфликт может завершаться, переходя в эксплицитный. (111) ‘No, thank you! I’ve lost enough time already and have no wish to go chasing around the countryside!’ His clipped tone told her that he wasn’t keeping his temper in check. [ММ, 179]

Течение конфликта в скрытом русле прервала реплика инициатора конфликта. Отказ инициатора конфликта от предложенного адресатом плана и открытое проявление недовольства маркируют переход имплицитного конфликта в эксплицитный. Тактика отказа сопровождается фонационным НВК, представленным именным словосочетанием с компонентом TONE - *clipped tone*. Авторский комментарий позволяет также увидеть неуспешную маскировку эмоциональной реакции гнева. Языковой номинацией неуспешной маскировки является глагольное словосочетание *wasn’t keeping his temper in check*.

Итак, имплицитный конфликт может разрешаться несколькими способами. Имплицитный конфликт может сохраняться, т.к. у коммуникантов нет возможности в силу определенных сложившихся обстоятельств проявить вербальную агрессию, разъяснить свои позиции друг другу, доказать друг другу свою правоту. Переход имплицитного конфликта в эксплицитный, с одной стороны, может считаться отрицательным его разрешением, т.к. это говорит о том, что сила конфликта возросла, как возросло и эмоциональное напряжение коммуникантов. Однако с другой стороны, переход в эксплицитный конфликт дает возможность коммуникантам отстоять свои позиции и прийти к консенсусу.

3.2.4 Сложные коммуникативные цели, описывающие ситуацию имплицитного конфликта

Нами был проведен коммуникативно-прагматический анализа СКЦ для выявления специфики развертывания имплицитного конфликта, смены коммуникативных тактик коммуникантов и их эффективность, а также способов разрешения конфликта.

Приведенный ниже пример иллюстрирует ситуацию имплицитного конфликта между двумя коллегами. Николь (К1), преследует цель карьерного роста, в чем ей мешает Кейт (К2). Не имея возможности открыто (вербально) продемонстрировать некооперативные интенции, К1 мешает работать К2, перекладывая вину за неудачу в совместном проекте на К2. Конфликт разыгрывается на невербальном уровне.

(112) ‘However, we have more important things to worry about.’

‘Is that why you started the meeting without me?’

Nicole paused dramatically, playing smugly with the five-carat Asscher-cut engagement ring on her finger. ‘I started the meeting because we need to start getting things done. I spoke to Jennifer’s publicist last night and it looks like the April cover isn’t going to happen.’

Cate felt panic starting to flutter around her body. ‘What do you mean, isn’t going to happen? We’ve done the shoot. We’ve designed the cover. It looks great,’ she started, then rubbed her forehead. ‘Bloody hell. We go to press in a week. What went wrong?’

‘We said we’d give picture approval and when we sent the images over to her publicist – well, they don’t like the shoot.’ Nicole pursed her lips into a self-satisfied smile that said, ‘So, what are you going to do about that?’

Cate looked at Nicole and thought – not for the first time – how much the New Yorker unsettled her. [TP, 23]

К1 – инициатор конфликта. Вербальный уровень интеракции не представляет интереса для анализа, т.к. не является репрезентативным в имплицитном конфликте. На невербальном уровне видно, что К1 ведет

беседу с некооперативным коммуникативным вектором. К1 использует тактику унижения, о чем говорит специфическое невербальное действие «игра с предметом одежды» (playing smugly with the five-carat Asscher-cut engagement ring on her finger). Мимический НВК улыбки представлен глагольным словосочетанием *pursed her lips into a self-satisfied smile*, где отрицательно коннотированное прилагательное *self-satisfied* маркирует самоуверенную манеру поведения К1.

Специфическое невербальное действие связано с НВК окружающей среды – с одеждой. К1 самодовольно играет с дорогим обручальным кольцом на пальце, где адвербиальный компонент глагольного словосочетания «самодовольно» - *smugly* (having or showing an excessive pride and self-satisfaction in oneself or one's achievements [WD]) является смысловым ядром, несущим читателю понимание о некооперативных намерениях коммуниканта. Невербальное действие К1 – реакция на вопрос К2. К1 придерживается определенной тактики поведения – тактика намеренной паузации (paused dramatically) перед введением своей реплики. За паузой, заполненной невербальным действием, следует реплика, перлокутивный эффект которой вводит К2 в отрицательное эмоциональное состояние паники, которое на уровне моторики проявляется трепетом. Языковой номинацией данной ПФР служит причастный оборот *panic starting to flutter around her body*.

Некооперативное общение также маркирует мимический НВК. Языковая номинация улыбки интересна с точки зрения ее имплицитных конфликтобразующих свойств. Языковая номинация *pursed her lips into a self-satisfied smile* представляет собой глагольное словосочетание. Данное словосочетание (или его варианты) весьма типичны для описания некооперативного общения. Он описывает мимический НВК одного из участников коммуникации: «to purse lips into a Adj + smile // in N // Adv», где прилагательное отрицательной коннотации определяет существительное *smile* (в данном примере прилагательное - *self-satisfied*), существительное –

имя отрицательной эмоции, испытываемой коммуникантом (например, *disapproval, disgust*), а адвербальный компонент отражает характер улыбки (например, *primly, smugly*). Описание улыбки также дополнено трактовкой ее истинного смысла для читателя: самодовольная улыбка, которая как бы говорит «Ну, а что ты будешь делать теперь?» - a self-satisfied smile that said, ‘So, what are you going to do about that?’. Мимического НВК заставляет К2 задуматься о причинах поведения К1. Результат данного имплицитного конфликта можно считать отрицательным, т.к. хоть он и завершается, но оба коммуниканта не пришли к консенсусу.

Схема анализа СКЦ представлена в таблице №5 «Динамика имплицитного конфликта с отрицательным завершением (пример 112)». (см. Приложение 1)

Еще один вариант имплицитного конфликта с отрицательным разрешением представлен в примере ниже. Кейт (К1) является инициатором конфликта. Другие участники данного эпизода имплицитного конфликта: Уильям (К2), Николь (К3) и Ник (К4).

(113) The couple turned round, and suddenly they came face to face with William Walton and Nicole Valentine. Cate's giggles immediately dried up and Walton's mouth dropped open.

‘Catherine Balcon. Erm, hi ...’ Walton was stumbling over his words, his face flushing slightly.

‘William. Nicole. What a surprise,’ said Cate in a flat voice.

‘Yes, well,’ said Walton, clearing his throat. ‘Out here seeing advertisers. Getting them excited about Nicole’s appointment to editor and Class’s imminent relaunch.’ Nicole smiled smugly at Cate and cocked her head to the side. ‘On a mini-break are we?’ the American woman asked sugary-sweetly.

‘Actually, no. We’re here for the same reason you are,’ said Cate with as much confidence as she could muster. Nick touched the small of her back for encouragement. ‘We’re in the middle of a launch ourselves.’

‘So we hear,’ said William, trying to repress a smirk. ‘Surprised you got the money to be honest.’ His lips were drawing into a thin, sly smile.

Cate met his gaze firmly. ‘Well, our investors were very impressed with both the product and the team,’ she replied pointedly. ‘I think we’re going to do very well. Very well indeed.’

Walton’s arrogance had returned. He looked at Nicole, his hand moving back to her buttocks.

‘Don’t go trying to poach any of your old colleagues,’ he stopped to grin wolfishly. ‘Not that you could afford them.’

Cate’s eyes narrowed.

‘Well, I’m glad to see you’re getting everything you’ve paid for, William,’ she said. ‘Staff loyalty and all that.’

Nick stepped between them and handed Cate her coat.

‘Goodbye, William. Goodbye, Nicole,’ said Cate as they moved away, her voice refusing to falter. ‘Have a good time in Milan.’ She smiled as sweetly as she could. ‘It certainly looks like you are already.’

William and Nicole stared back fuming. [TP, 154]

Мотивом конфликта служит давняя ссора между коммуникантами. Конфликтогеном можно считать специфическое невербальное действие проксемного характера – появление в поле видимости друг друга. Эмоциональная реакция на появление друг друга отрицательная. Она проявляется за счет неконтролируемых НВК фонационного и мимического класса, представленных именными предикативными словосочетаниями *giggles immediately dried up* и *mouth dropped open*.

К2 приветствует К1, однако его замешательство проявляется на вербальном и невербальном уровне. На вербальном уровне используется фонографический компонент «многоточие» для передачи ритмико-мелодических особенностей речи К2. Невербально эмоциональная реакция замешательства проявляется за счет ПФР фонационного характера (заикание) и изменения цвета лица (покраснение). ПФР заикания представлена

глагольным словосочетанием was stumbling over his words. ПФР изменения цвета лица (покраснение) выражена именным словосочетанием с соматизмом FACE – his face flushing slightly.

К1 делает вид, что удивляется (William. Nicole. What a surprise), однако опираясь на невербальный канал, можно судить о неконгруэнтном характере высказывания. К1 притворяется, т.к. фонационный НВК не маркирует эмоциональной реакции удивления, а напротив свидетельствует о недовольстве. Фонационный НВК представлен глаголом говорения to say, модифицированным адъективно-именным словосочетанием с ядерным компонентом VOICE – in a flat voice – где прилагательное flat указывает на отрицательный характер удивления.

К2 сообщает о целях своего визита. Далее К2 и К3 совместно эксплуатируют тактику унижения: К2 сообщает о повышении К3 (Getting them excited about Nicole's appointment to editor and Class's imminent relaunch.); К3, в свою очередь, дублирует тактику невербально с помощью мимического НВК улыбки, выраженного глаголом to smile, модифицированным отрицательно коннотированным наречием smugly.

К1 дублирует тактику унижения и использует ее разновидность – самопрезентацию, сообщая о своих достижениях. Невербально К1 пытается звучать уверенно, о чем свидетельствует фонационный НВК, представленный глагольным словосочетанием said Cate with as much confidence as she could muster. К4 использует тактильный НВК для подбадривания - Nick touched the small of her back for encouragement.

Тактика К1 не имеет эффекта на К2. Напротив, К2 вновь использует тактику унижения. Вербально тактика унижения представлена замечанием Surprised you got the money to be honest. К2 маскирует свои намерения и ехидство, которые отражаются в мимическом НВК злой улыбки. Феномен маскировки представлен причастным оборотом trying to repress a smirk. Однако маскировка не успешна, о чем свидетельствует предложение His lips were drawing into a thin, sly smile.

К1 использует тактику самопрезентации. Вербальной составляющей тактики самопрезентации являются предложения, цель которых сообщить К2 о собственном успехе - 'Well, our investors were very impressed with both the product and the team. I think we're going to do very well. Very well indeed.' Невербально данную тактику подкрепляет миремический и фонационный НВК. Миремический НВК выражен глагольным словосочетанием с семантикой прямого контакта глазами *met his gaze firmly*. Фонационный НВК представлен глаголом говорения, модифицированным наречием *replied pointedly*.

К2 высокомерно реагирует на слова К1. Об этом свидетельствует предикативное словосочетание *Walton's arrogance had returned*. К2 использует тактику запрета. На вербальном уровне тактика запрета реализуется посредством предложения в повелительном наклонении, где сам запрет эксплицируется через посредство вспомогательного глагола в отрицательной форме - *Don't go trying to poach any of your old colleagues*. Далее К2 использует тактику унижения: он сомневается в платежеспособности К1. Тактика унижения на вербальном уровне эксплицируется за счет предложения *Not that you could afford them*.

Реакция К1 отрицательная. Они проявляется в миремическом НВК, представленном предикативным словосочетанием *Cate's eyes narrowed*.

К3 прерывает конфликт, вставая между К1 и К2. Затем и К1 использует тактику прерывания контакта для завершения некооперативного общения. Тактика прерывания контакта реализуется вербально и невербально. На вербальном уровне инициатор конфликта прощается с собеседниками и желает им хорошо провести время. На невербальном уровне тактика прерывания контакта осуществляется посредством проксменного НВК, представленного глаголом с семантикой увеличения дистанции *moved away*. Результат имплицитного конфликта отрицательным – конфликт остается не разрешен.

Схема анализа СКЦ представлена в таблице №6 «Динамика имплицитного конфликта с отрицательным завершением (пример 113)». (см. Приложение 1)

Итак, проведя коммуникативно-прагматический анализ СКЦ, описывающих имплицитный конфликт, можно утверждать, что специфическими чертами имплицитного конфликта являются феномен маскировки эмоций, феномен симуляции эмоций и феномен неконгруэнтности верbalного и невербального сообщений. Большинство тактик, используемых инициатором конфликта, манифестируются через невербальный канал коммуникации.

Выводы по главе 3.

Наблюдение эксплицитного конфликта показало, что конфликтогенами эксплицитного конфликта в ситуациях некооперативного общения служат вербальные и невербальные компоненты. При развертывании конфликта мужчинами и женщинами инициаторами конфликта используются различные тактики.

Наиболее типичными маскулинными тактиками эксплицитного конфликта являются: тактика угрозы, тактика навязывания своей точки зрения и тактика ухода от конфликта путем смены темы разговора.

Женщины инициатора конфликта чаще реализуют тактики насмешки, упрека и обвинения.

Завершение конфликтной ситуации может иметь как отрицательный, так и положительный вектор.

Наблюдение имплицитного конфликта показало, что он характеризуется неконгруэнтностью и маскировкой эмоционального состояния коммуникантов. Характерной чертой имплицитного конфликта является отсутствие маркеров агрессии в речевом поведении коммуникантов.

Типичными тактиками мужчин инициаторов конфликта являются тактики подавления, угрозы и унижения, манифестация которых наблюдается в невербальном поведении коммуникантов.

Для феминного поведения инициатора конфликта в ситуациях имплицитного конфликта характерны тактики унижения и демонстрации безразличия, которые сопровождаются специфическими невербальными действиями с артефактами.

Имплицитный конфликт, как правило, не получает развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование затрагивает такой актуальный пласт коммуникации как некооперативное общение. В основе исследования лежит коммуникативно-прагматический анализ верbalного и неверbalного поведения мужчин и женщин инициаторов конфликта в ситуациях некооперативного общения на материале англоязычной художественной литературы.

Исследования показало, что верbalное поведение мужчин и женщин характеризуется использованием инвектив в лексическом составе речи. Было выявлено, что маскулинные инвективы, в основном, направлены на интеллектуально-волевую сферу человека и половую принадлежность адресата, а феминные инвективы – на морально-нравственные аспекты личности и ее половые особенности. Грамматические средства в речи мужчин и женщин выполняют эмфатическую, эмоционально-экспрессивную и манипулятивно-регулятивную функции. Фонографические средства при описании речи инициатора конфликта разнообразны и выполняют эмфатическую и эмоционально-экспрессивную функции, а также передают ритмико-мелодические особенности речи коммуниканта. Также было замечено, что для речи женщин инициаторов конфликта, в отличие от мужчин, более типично использование метафор, гипербол и градаций.

Анализ неверbalной составляющей коммуникации показал, что маскулинное неверbalное поведение характеризуется использованием контролируемых НВК: фонационных, тактильных, проксемных. ПФР, типичными для маскулинного неверbalного поведения, являются ПФР кинетического характера и ПФР динамики цвета лица. Специфические невербалные действия мужчины инициатора конфликта характеризуются действиями с адапторами (артефактами).

Феминное неверbalное поведение характеризуется использованием контролируемых НВК: фонационных, мимический, миремический. ПФР респираторного характера типичны для феминного неверbalного поведения.

Специфическими невербальными действиями женщин инициаторов конфликта являются действия с аксессуарами и одеждой.

В некооперативном общении выделяется эксплицитный (явный, открытый) и имплицитный (неявный, скрытый) конфликты.

Для эксплицитного конфликта характерно наличие вербального и невербального конфликтогена. В ходе исследования было установлено, что инициаторы конфликта используют гендерноспецифические тактики. Для мужчин инициаторов конфликта характерно использование тактики угрозы, тактики навязывания своей точки зрения и тактики ухода от конфликта путем смены темы разговора. Для женщин – тактик насмешки, упрека и обвинения. Эксплицитный конфликт может завершаться положительно и отрицательно.

Анализ ситуаций имплицитного конфликта показал, что для него свойственен ряд особенностей. Для имплицитного конфликта характерна неконгруэнтность и маскировка эмоционального состояния коммуникантов. Характерной чертой имплицитного конфликта также является отсутствие маркеров агрессии в речевом поведении коммуникантов. Типичными тактиками мужчин инициаторов конфликта являются тактики подавления, угрозы и унижения, манифестация которых наблюдается в невербальном поведении коммуникантов. Для женщин инициаторов конфликта характерно использование тактик унижения и демонстрации безразличия, которые сопровождаются специфическими невербальными действиями с артефактами. Имплицитный конфликт, как правило, не получает развития или переходит в эксплицитный.

В перспективе видится целесообразным рассмотреть коммуникативное взаимодействие инициатора конфликта и адресата в однополых и диполовых коммуникативных актах, т.е. брать во внимание гендерный состав участников ситуации некооперативного общения. Особого внимания также заслуживает анализ реагирующего поведения адресата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулова Е.В. Жанр "Объявление о знакомстве": этнокультурная и гендерная специфика // Филология и человек. Саратов, 2010. с. 89 – 98.
2. Апресян В.Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2003» М., 2003.
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Флинта, 2012. – 376 с.
4. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Язык и мир человека. М., 1999 – с.159-286.
5. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1981. – Т. 40. № 4. – с. 356 – 367.
6. Ахмадеева К.Н. Конструирование гендерных стереотипов в управлении: тематический репертуар дискурсивных практик и стратегий: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социолог. наук: спец. 22.00.08. Казань, 2011. - 10 с.
7. Баженова И.С. Гендерные аспекты невербальной коммуникации // Общество и гендер. Рязань: «Поверенный», 2003. – с.268- 280.
8. Баженова И.С. Прагматический уровень художественного текста. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе // Межвуз. сб. научн. трудов. Вып. 2. Орел: ОГИИК, 2005. – с.28-35.
9. Баженова И.С. Эмоции, прагматика, текст. М.: «Менеджер», 2003. – 392 с.
10. Баранов А.Н. Речевые приемы ухода от конфликта в публичной коммуникации // Конфликт в языке и коммуникации. Сборник статей. М.: РГГУ, 2011. – с.28-44.
11. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Языковая концептуализация конфликта // Конфликт в языке и коммуникации. Сборник статей. М.: РГГУ, 2011. – с.131-139.
12. Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979.

13. Белова Е.В. Структурно-содержательные особенности бытового конфликтного дискурса: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук спец.: 10.02.19. Тверь, 2016. – 16 с.
14. Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантический и прагматический аспект: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук спец.: 10.02.19. Краснодар, 2008. – 41 с.
15. Бободжанова Р.М. Роль СМИ в формировании гендерных стереотипов. автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филолог. наук: спец. 10.01.10. Душанбе, 2006. – 274 с.
16. Богданов В.В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. – с.25-37.
17. Боева Е.Д. Прагматические параметры средств невербальной коммуникации: на материале русского, немецкого и французского языков и культур: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Краснодар, 2000. – 166 с.
18. Бориснев С.В. Социология коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — 270 с.
19. Борисова Е.Г. Усилиительные частицы как конфликтный фактор // Конфликт в языке и коммуникации. Сборник статей. М.: РГГУ, 2011. – с.156-163.
20. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001. – 408 с.
21. Букин А.С. Некооперативный диалог (на материале англоязычной художественной литературы): дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук спец.: 10.02.04. Орехово-Зуево, 2016. – 154 с.
22. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. — 502 с.
23. Вансяцкая Е.А. Роль невербальных и вербальных компонентов коммуникации в текстах, отражающих эмоциональные реакции человека, и

- их соотношение: на материале английского языка: дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук: спец. 10.02.04. Иваново, 1999. – 161 с.
24. Вансяцкая Е.А. Эмоции в невербальном поведении детей. (На материале англоязычных художественных текстов) / Е. А. Вансяцкая; ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет». Иваново: ЛИСТОС, 2016. – 162 с.
25. Вансяцкая Е.А., Карташкова Ф.И. Невербальные компоненты коммуникации в художественном тексте: на материале английского языка. Иваново, 2005.
26. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи: Сб. научных статей. Саратов: Колледж, 1997.
27. Вечкина О.В. Коммуникативные неудачи в речевом общении: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. спец.: 10.02.01. Саратов, 2010. – 23 с.
28. Воронина О.А. Формирование гендерного подхода в социальных науках // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций /Под. ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2002. – с. 8-33.
29. Врыганова К.А. Языковая репрезентация феномена маскировки эмоций человека: на материале английских художественных текстов: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук спец.: 10.02.04, 10.02.19. Иваново, 2012. – 164 с.
30. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл, Эксмо, 2005. – 1136 с.
31. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. СПб.: Питер, 2011. — 288 с.
32. Ганина В.В Невербальные компоненты коммуникации, отражающие эмоциональные реакции человека: гендерный аспект. дис. на соиск. степен. канд. филолог. наук, спец. 10.02.19 /Ганина В.В., Иваново, 2005. – 199 с.
33. Ганина В.В., Карташкова Ф.И. Эмоции человека и невербальное поведение. Гендерный аспект. // Иваново: Изд. «Ивановский государственный университет», 2006. – 208 с.

34. Гаранович М.В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: дис. на соиск. науч. степ. канд. филолог. наук: спец. 10.02. 19. Пятигорск, 2011. – 272 с.
35. Гиндин С.И. Речевые жанры и языковое сознание // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988.
36. Глухов В.П. Основы психолингвистики. М.: АСТ Астрель, 2005. — 351 с.
37. Голев Н.Д. Речевой конфликт в аспекте множественности интерпретации речевых произведений (на материале русских игровых текстов) // Бытие в языке: сборник научных трудов 80-летию В.И. Жельвиса. Ярославль:ЯГПУ, 2011.
38. Голованова И.А. Репрезентация невербального поведения в русских и немецких художественных текстах: сопоставительный аспект: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. спец.: 10.02.20. Новосибирск, 2009. – 205 с.
39. Голованова И.А. Репрезентация невербального поведения в русских и немецких художественных текстах: сопоставительный аспект: дис на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Голованова И.А., Новосибирск, 2009. – 205 с.
40. Головаш Л.Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа: на материале английского языка: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. спец.: 10.02.19. Кемерово, 2008. – 177 с.
41. Горина Е.В. Газета в аспекте речевого воздействия на личность: дис. на соиск. науч. степ. канд. филолог. наук. Екатеринбург, 2004. – 147 с.
42. Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.
43. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкоznании // Введение в гендерные исследования. Ч.1. В 2 ч.: учебное пособие. – Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алтейя, 2001. – 590 с.

44. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма. Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново: ИвГУ, 1999. – 14 с.
45. Григорян А.А. Состояние и перспективы гендерной лингвистики на Западе в конце XIX- начале XXI веков: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. спец: 10.02.19. Иваново, 2005. – 372 с.
46. Гриценко Е.С. Гендер в британской и американской лингвокультурах: монография/Е.С. Гриценко, М.В. Сергеева, А.О. Лалетина, А.А. Бодрова, Л.Г. Дуняшева; под общ.ред. Е.С. Гриценко. – М.: Флинта: Наука, 2011 – 224 с.
47. Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс: монография /Е.С. Гриценко. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. – 267 с.
48. Гришаева Л.И. Гендер и специальный язык // Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации, М.: Альманах, 2002. – с.5.
49. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
50. Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: дис. на соиск. науч. степ. канд. филолог. наук. Орел, 2004. – 152 с.
51. Дадян С.Р. Репрезентация конфликтного коммуникативного взаимодействия в диалогах художественных произведений // European Social Science Journal (”Европейский журнал социальных наук”). Рига-Москва, 2011. – с.153-161.
52. Данилина Л.Ю. Лингвопрагматические особенности коммуникативных актов несогласия в диалогическом дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Москва, 2011. – 20 с.
53. Дементьев В.В. Жанровая структура фатической коммуникации: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саратов, 1995. – 19 с.
54. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. – 597 с.

55. Дементьев В.В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. – с. 34-44.
56. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. – с.223-235.
57. Долинин К.А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. - СПб., 1998. – с. 35-45.
58. Дубровская Т.В. Основания для осуждений и обвинений как жанроразличительный признак // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – с.204-215.
59. Дьячкова И.Г. Похвала и порицание как речевые жанры (прагматический анализ) // Вестник ОмГУ. - Вып. 3. - Омск, 1998. – с.55-58.
60. Егидес А.П. Лабиринты общения, или Как ладить с людьми. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. – 368 с.
61. Егидес А.П. Психология конфликта. М.: МФПА, 2011. – 320 с.
62. Егидес А.П. Психология конфликтов в деловом общении (концепции и технологии): автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук спец.: 19.00.05. Москва, 2004. – 48 с.
63. Енина Л.В. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // Российская пресса в политкультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., 2002.
64. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
65. Жельвис В.И. Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: автореф. дис. на соиск. докт. филолог. наук. М., 1992. – 51 с.

66. Закоян Л.М. Выражение агрессии в современных русских и английских языках: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук спец.: 10.02.20. Москва, 2010. – 300 с.
67. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный ин-т, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. - 432 с.
68. Зуев В.А. Невербальные средства и их аспекты в деятельности журналиста: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук. Краснодар, 2004
69. Иванова Е.Ф. Гендерные исследования в психологии. Харьков-СПб: ХЦГИ, Алтейя, 2001. Ч. 1. – 231 с.
70. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2002. – 752 с.
71. Исакова Е.В. Гендерные стереотипы и их влияние на трудовую деятельность.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук.спец.: 09.00.11. Кемерово, 2006. – 161 с.
72. Иссерс О.С. Когнитивные категории базового уровня как инструмент речевого воздействия // Семантика языковых единиц: докл. 5 междунар. науч. конф. / Моск. гос. открытый пед. ун-т. М.: Физкультура, образование и наука, 1996. – Т. 1. – с. 37-39.
73. Иссерс О.С. Коммуникативные тактики и стратегии русской речи. М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
74. Иссерс О.С. Речевое воздействие: Учебное пособие. М.: Флинта, 2009. – 224 с.
75. Каменева В.А. Гендерно обусловленные стереотипы в публицистическом дискурсе : на материале американской прессы: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. спец.:10.02.04, 10.02.19. Кемерово, 2005. – 250 с.
76. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкоznания РАН; Волгогр.гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

77. Карташкова Ф. И., Кольцова Е.А. Ценностные ориентиры мужчин и женщин в английской и русской лингвокультурах (на материале брачных объявлений). Иваново, 2010.
78. Карташкова Ф.И. Актуальные проблемы коммуникативного поведения человека: сборник научных трудов /М-во образования и науки Рос. Федерации, ИвГУ/ ред. Карташкова Ф.И. и др./ Иваново: ИвГУ, 2011 – с.111.
79. Карташкова Ф.И. Вербальные и невербальные компоненты коммуникации в англоязычном художественном тексте // Вопросы психолингвистики 3(21). Институт языкоznания РАН. М., 2014. – с.108-113.
80. Карташкова Ф.И. Номинация в речевом общении. М.: Издательский центр Азбуковник, 2011. – 221 с.
81. Карташкова Ф.И. Психофизиологические реакции человека и их отражение в английском тексте /Ф.И. Карташкова: М-во образования и науки Рос. Федерации. ИвГУ , Иваново: Изд. Ив. Гос. ун-та, 2015. – с. 106.
82. Карташкова Ф.И. Сложное коммуникативное целое в художественном тексте // Иностранные языки в диалоге культур: политика, экономика, образование: тез. докл. междунар. науч. практ. конф., Саранск, 2009. – с. 125.
83. Карташкова Ф.И., Вансяцкая Е.А. Языковые корреляты невербальных компонентов коммуникации, отражающих эмоциональные реакции человека (на материале английского языка): Иваново, 1999
84. Калякин А.В., Шампе Н.Л. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкоzn. № 1 (13) Волгоград, 2011. – с.204-208.
85. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации: краткий курс. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: АСТ Восток-Запад, 2007. – 256 с.
86. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты /А.В. Кирилина. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.
87. Кириллова О.В. Вербально-невербальный «портрет» в гендерном аспекте: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Тамбов, 2008. – 176 с.

88. Клюкина Ю.В. Гендерные стереотипы внешнего портрета человека.: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. спец. 10.02.19. Тамбов, 2011. – 175 с.
89. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. – с.7—21.
90. Ковпак Н.А. Взаимодействие вербальных и невербальных средств в реализации смысловой структуры академической публичной речи: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. спец.: 10.02.04. Москва, 2004. – 178 с.
91. Колшанкий Г.В. Паралингвистика. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2010. – 96 с.
92. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка /В.Г. Колшанский; отв. ред. Т.В. Булыгина. М.: Наука, 1984. – 175 с.
93. Конецкая В.П. Социология коммуникации. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
94. Коркина И.В. Угроза как тактика стратегии убеждения в англоязычном диалогическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 2 (9). Тамбов: Грамота, 2011. – с.93-96
95. Котов А.А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 2003. –280 с.
96. Кошкарова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук спец. 10.02.01. Екатеринбург, 2015. – 48 с.
97. Кошкарова Н.Н. Лингвистические механизмы речевой агрессии в СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып.30. Челябинск, 2009. – с. 48-52.
98. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.:Гнозис, 2002. – 284 с.
99. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Книга по требованию, 2005. – 229 с.
100. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: дис. на соиск. учен. степ. док-ра филолог. наук. М., 2000.

101. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002 – 530 с.
102. Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или азбука общения. М.: ФЛИНТА, НАУКА, 2004. – 240 с.
103. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Отношения между людьми и их отражение в вербальном и невербальном коммуникативном поведении // Конфликт в языке и коммуникации. Сборник статей. М.: РГГУ, 2011. – с.67-83.
104. Крейдлин Г.Е., Преверзева С.И. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Классификационные и структурные характеристики соматических объектов. Вопросы филологии. 2010. №2 (35). – с.42 – 51.
105. Крюкова И.В. Таксономия злопожеланий по лексико-семантическому типу предиката // Международный научно-исследовательский журнал № 5 (13). Екатеринбург, 2013. – с.7-9.
106. Кулаков А.Е. Лингвокультурный и коммуникативный аспекты инвективного лексического словаря (на материале территориальных вариантов французского языка Франции, Канады и Африки): автореф. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук спец.: 10.02.19. Саратов, 2011. – 23 с.
107. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб: Питер, 2002. – 544 с.
108. Куражова И.В. Имена животных как отражения ценностной картины мира в английской лингвокультуре: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук спец.: 10.02.04. Иваново, 2007. – 201 с.
109. Лабунская В.А. Невербальное поведение: структура и функции // Социальная психология: хрестоматия под ред. Белинской Е., Тихомандридской О. М.:Аспект Пресс, 2003.
110. Лабунская В.А. Невербальное поведение: структура и функции. Ростов: Изд-во Ростов, ун-та, 1986. – с.5-35.
111. Лабунская В.А. Проблема обучения кодированию – интерпретация невербального поведения // Психологический журнал. Том 18. № 5. М., 1997.

112. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону, 1999
113. Лаврентьева Е.В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук спец.:10.02.01. Новосибирск, 2006. – 23 с.
114. Ладыженская Т.А. Коммуникативные неудачи // Риторика. Ч.1. М., 1998. – с.17-23.
115. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Наука, 1974. – 216 с.
116. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи в трех томах. Т.1. Таллин: Александра, 1992. – с.129-132.
117. Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов. М.: Когито-центр, 2002. – 528 с.
118. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.
119. Малышева Е.В. Кинестема как единица комплексного тактильно-речевого действия. // Мир лингвистики и коммуникации. Тверь, 2011. – с.6-21.
120. Малышева Е.В. Кинестетическое значение авербальных действий в иллокутивной структуре речевого акта. Тверь, 2010. – 13 с.
121. Малышева Е.В. Кинестетическое сопровождение вербальных единиц в русском диалоге // Филология, история, востоковедение. Тверь, 2012. – с. 34-38.
122. Махакова Л.С. Влияние гендерных стереотипов персонала по отношению к руководителю на принятие ценностей организационной культуры.: дис. канд. социолог. наук. спец: 19.00.05. Москва, 2007. – 169 с.
123. Микаберидзе И.А. Национально-культурная специфика взаимодействия верbalного и неверbalного компонентов коммуникации: на материале русской и еврейской лингвокультур: дис на соиск.. учен. степ. канд. филол. наук спец: 10.02.20. /Микаберидзе И.А. Краснодар, 2008 – 195с.

124. Миронова Ю.В. Отражение русской ментальности в концепции художественного текста: на материале цикла рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника»: дис. канд. филолог. наук. Липецк, 2003. – 190 с.
125. Мирцхулава Е.Ю. Вербально-невербальная экспликация презрения в разносистемных лингвокультурах: Сопоставительное исследование на материале английских и русских речевых видеофрагментов: дис. на соиск. учен. степ. канд.филол. наук. Пятигорск, 2005. – 274 с.
126. Мкртычян С.В. Речевой жанр: о единицах структурирования продукта речевой деятельности // Жанры речи. 1(11). Саратов, 2015. – с.15-22.
127. Морозов В.П. Невербальная коммуникация в системе речевого общения: Пихофизические и психоакустические основы. М.: ИП РАН, 1998.
128. Москалева С.И. Лингвистические способы создания комического в некооперативном речевом общении (на материале немецких языковых бытовых анекдотов): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Иваново, 2010. – 21 с.
129. Найденов О.Ю. Прагматические аспекты оптимизации речевого воздействия печатных средств массовой коммуникации: (на материале торговой рекламы в российских печатных изданиях): афтореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук: спец.: 10.02.19. /Найденов О.Ю.; Воен. Ун-т. М., 2000 – 19 с.
130. Нэпп М., Холл Дж. Невербальное общение. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 256 с.
131. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – с.22-130.
132. Падучева Е.В. Проблема коммуникативной неудачи в сказках Льюиса Кэрролла // T. Dobrzańska, E. Janus eds. *Tekst i zdanie: Zbiór studiów*. – Wrocław etc.: Ossolineum, 1983. – с.139-160.
133. Пащенко М.А. Стратегический аспект коммуникативного акта отказа: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. спец.: 10.02.19. Иркутск, 2012. – 21 с.

134. Переверзева С.И. Формальное определение признака «Ориентация тела и его частей» // Вестник РГГУ (Московский лингвистический журнал). М.: Издательский центр РГГУ, 2009, №6 (т.11). – с.136–159.
135. Петренко В.Ф. Проблемы эффективного речевого воздействия в аспекте психолингвистики // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р.Г. Котов. М.: Наука, 1990. – с.18-31.
136. Покровская Е.А., Дудкина Н.В., Кудинова Е.В. Речевые жанры в диалоге культур. Ростов-на-Дону: Foundation, 2011. – 200 с.
137. Полякова С.Е. Понятие и причины возникновения коммуникативных неудач // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. №1, Т.7. СПб, 2012. – с.83-92.
138. Попов С.В. Визуальные наблюдения. СПб.: Речь, Семантика-С, 2002. – 320 с.
139. Потапов В.В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопросы языкоznания. 2002. - №1. – с. 103-131.
140. Потапов В.В. Попытки пересмотра гендерного признака в английском языке // Гендер как интрига познания: сб. ст./ [сост. А. В. Кирилина]; Моск. гос. лингв. ун-т. – М.: Рудомино, 2000. – с. 24-43.
141. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2004. – с.565.
142. Протасова Е. Мужчины и женщины как противоборствующие стороны // Конфликт в языке и коммуникации. Сборник статей. М.: РГГУ, 2011. – с.83-94.
143. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта, Наука, 2006. – 193 с.
144. Пугачева Е.Н. К вопросу об исследовании коммуникативного конфликта (на примере конфликтного взаимодействия носителей китайского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 7-5 (25). Тамбов: Грамота, 2013. – с.153-158.

145. Рабенко Т.Г. Вербальная агрессия в жанровом пространстве фатики // Речевая агрессия в современной культуре: Сб. науч. тр. / Под общей ред. М.В. Загидуллиной. Челябинск, 2005. – с.27-32.
146. Рабенко Т.Г., Нестерова Н.Н. Языковые средства реализации речевого жанра угрозы // Юрислингвистика: русский язык и современное российское право. Барнаул, 2007. – с.235-244.
147. Растишевская Е.В. Коммуникативно значимый невербальный компонент конфликтива как типа речевого действия // Материалы ежегодн. научн. конфер. студентов и магистрантов ун-та, Минск, 21—22 апреля 2005 г. Минск, 2005.
148. Растишевская Е.В. О речевой агрессии // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы IV Междунар. научн. конфер. Минск, 2010. – с.28-29.
149. Растишевская Е.В. О явлении коммуникативного конфликта // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы III Междунар. научн. конфер. Минск, 2009. – с.48-50.
150. Резниченко Л. У науки не женская маска /Л. Резниченко //Энергия. – 1999., - № 6 – с. 22-27.
151. Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., 1973.
152. Сахарова О.В. Конфликтные речевые стратегии языковой личности (по материалам пьес Л. Петрушевской и Я. Стельмаха) // Конфликт в языке и коммуникации. Сборник статей. М.: РГГУ, 2011. – с.94-107.
153. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
154. Седов К.Ф. Нейропсихолингвистика. М.: Лабиринт, 2007. – 274 с.
155. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – с.13-25.

156. Седов К.Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. – с.6-12.
157. Седов К.Ф. Языковая личность в жанровом пространстве бытового общения // Языковая личность: система, нормы, стиль. Волгоград, 1998. – с.93-94.
158. Сейранян М.Ю. Основные подходы к анализу конфликтогенного дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Выпуск 6. М., 2010.
159. Семёнова Т.И., Степаненко Е.А. Коммуникативное тактильное поведение: лингвистические аспекты // «Magister Dixit» - научно-педагогический журнал Восточной Сибири №4 (12). Иркутск, 2011.
160. Семкина М.В. Использование гендерных стереотипов как прием манипулирования сознанием в телевизионной рекламе: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 2009. – 170 с.
161. Серль Дж. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – с.242-265.
162. Сиротинина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Саратов, 1999. – с.26-31.
163. Слышикин Г.Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания: Гендерная исследования в лингвистике, литературоведения и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. – с. 66-73.
164. Сокольская В.В. Гендерные стереотипы на рынке труда.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социолог. наук. спец: 22.00.06. Екатеринбург, 2003. – 21 с.

165. Солдатова А.А. Речевые стратегии и тактики адвокатского дискурса в уголовных процессах: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. спец.: 10.02.19. Тверь, 2013 – 20 с.
166. Старостина Ю.С., Хабибуллина А.В. Прагматический потенциал стилистических приемов в англоязычном драматургическом дискурсе // Вестник СамГУ. № 8/1 (99). Самара, 2012. – с.253-258.
167. Стакнова О. В. Проявление фатической функции в некооперативном общении (на материале испанских драматических произведений) // Материалы IV Международной научной конференции (Минск, 29 октября 2010). Минск: Издательский центр БГУ, 2010. – с.32-33.
168. Степанов Ю.С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1981. – Т. 40. № 4. – с.325-332.
169. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. – 252 с.
170. Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования// Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – с.4-20.
171. Стросон П.Ф. Намерение и конвенции в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. – с.131-150.
172. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989.
173. Тарасов Е.Ф. Методологические и теоретические проблемы речевого воздействия // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р.Г. Котов; АН СССР, Ин-т языкоznания. М.: Наука, 1990. – с.5-18.
174. Тарасов Е.Ф. Психологические и психолингвистические проблемы речевого воздействия // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М.: Наука, 1986. – с.74-90.

175. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / отв.ред. Ф.М. Березин, Е.Ф. Тарасов. М: Наука, 1990. – с.3-14.
176. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры: [по материалам междунар. симпозиума]/отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – с.34-39.
177. Третьякова В.С. Конфликт в лингвистических категориях // Юрислингвистика. № 10. Барнаул, 2010 — с.154–165.
178. Третьякова В.С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. №1 (292). Челябинск, 2013. – с.279-282.
179. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореф. дис. на соиск учен. степ. д-ра филолог. наук: 10.02.01 / Вера Степановна Третьякова ; науч. конс. Т. А. Гридина; Моск. гос. обл. ун-т., 2003. – 36 с.
180. Федорова Л.Л. Модели конфликтного общения // Конфликт в языке и коммуникации. Сборник статей. М.: РГГУ, 2011. – с.107-131.
181. Федорова Т.В. Гендерные стереотипы как фактора формирования имиджа политика: автореф. дис. на соиск. канд. политич. наук. спец.: 23.00.02. Ставрополь, 2008. – 21 с.
182. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: [монография]. М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
183. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. СПб.:Питер, 2003. – 250 с.
184. Хасбулатова О.А. Проблемы политического участия российских женщин // Женщины России на рубеже ХХ-ХХI веков. Иваново: Юнона, 1998.
185. Хисамова Л.А. Сопоставительное исследование вербальных и невербальных средств коммуникации татарского и английского языков. дис на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. Казань, 2010. – 182 с.

186. Хлыстова В.Г. Функционально-структурная и семантическая характеристика кинематических речений, отражающих коммуникативный аспект кинесики: на материале английского языка: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. – 151 с.
187. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М.: Просвещение, 1982. — 128 с.
188. Чапаева Е.О. Коммуникативная ситуация возмущения: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Иркутск, 2010.
189. Черничкина О.В. Коммуникативная инициативы в межличностном общении: дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. спец.: 10.02.19. Волгоград, 2013. – 190 с.
190. Чрдилели Т.В. Роль проксемических компонентов в деловом диалогическом дискурсе // Наукові записки Серія: Філологічні науки, 96 (1). Кировоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2011.
191. Шарифуллин Б.Я. Мужские и женские жанры речевого общения. Лесосибирск, 2000.
192. Шахнарович А.М. Общая психолингвистика. М.: Изд-во РОУ, 1995. – 96 с.
193. Шмелева Т.В. Речевой жанр: опыт общефилологического осмысления // Collegium № 1 - 2. Киев, 1995.
194. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. – с.88-98.
195. Шмелева Т.В. Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка) // Russistik. Русистика- № 2. Берлин, 1990. – с.45-54.
196. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. – 428 с.
197. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды. М.: Флинта, 2013. – 398 с.
198. Щирова Е.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.: Книжный дом, 2007. – 472 с.

199. Ю. Е.Д. Репрезентация невербальных средств коммуникации в современном испанском языке: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Иркутск, 2009. – 222 с.
200. Якищенко Е.А. Лексические средства выражения эмоции возмущения в английском и французском языках (на материале художественной литературы) // Вестник Кемеровского государственного университета. №2 (54). Кемерово, 2013. – с.106-109.
201. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм "за" и "против". М., 1975. с.193-230.
202. Якубова Н.М. Тактика экспликации сомнения в кооперативных и некооперативных речевых стратегия (на материале английского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 10 (151). Томск, 2014. – с.39-45.
203. Янчук В.А. Постмодернистская социокультурно-интердeterminистская диалогическая перспектива метода психологического исследования // Методология и история психологии. 2007. Том 2. Выпуск 1. – с.207-226.
204. Argyle M. Body communication. L., Routledge, 1988. – 567 p.
205. Asher N. The non-cooperative basis of implicatures. Proceedings of Logical Aspects of Computational Linguistics, 2012.
206. Asher N., Lascarides A. Strategic Conversation // Semantics&Pragmatics. MIT, Volume 6, Article 2. Cambridge, 2013. – pp. 1-62.
207. Austin J.P.M. The Dark Side of Politeness: A Pragmatic Analysis of Non-Cooperative Communication. PhD Thesis, University of Canterbury, 1987. – 188 p.
208. Beighley S.M. Non-Cooperative Communication and the Origins of Human Language. Thesis, Georgia State University, 2011. – 49 p.
209. Birdwhistell R. L. Introduction to Kinesics: An Annotation System for Analysis of Body Motion and Gesture. Washington, DC: Department of State, Foreign Service Institute, 1952.

210. Birdwhistell R.L. Kinesics and context: Essays on body-motion communication. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970. – 323 p.
211. Burgoon J.K., Buller D.B., Woodall W.G. Nonverbal communication. The unspoken dialogue. N.Y.:Harper&Row, 1999. – 165 p.
212. Cameron D. Rethinking Language and Gender Studies: Some Issues for the 1990s // Language and Gender. Interdisciplinary Perspectives. N.Y.:Routledge, 1995.
213. Coates E.J. Language, Gender and Career // Language and Gender. Interdisciplinary Perspectives. N.Y.:Routledge, 1995.
214. Coates E.J., Feldman R.S. Gender Differences in Nonverbal Correlates of Social Status. N.Y., Routledge: 1996.
215. Croom A.M. Slurs // Language Sciences. Volume 33, Issue 3. 2011. – pp.343–358.
216. Deutsch M. Distribute Justice: A Social-Psychological Perspective. New Haven and London, 1985. – pp.82-86.
217. Deutsch M., Coleman P.T. Psychological Components of Sustainable Peace. NY: Springer, 2012.
218. Deutsch M., Coleman P.T. The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2000.
219. Deutsch M., Coleman, P.T., Marcus E.C. The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice (2nd ed.). San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2006.
220. Ekman P. Facial Expressions // Dalgleish T., Power M. Handbook of Cognition and Emotion. N.Y.:Routledge, 1999.
221. Ekman P., Friesen W.V. The Repertoire of Nonverbal Behaviour: Categories, Origins, Usage and Coding // Semiotica, 1, № 1, 1969.
222. Fairman C.M. Fuck: Word Taboo and Protecting Our First Amendment Liberties. Sphinx Publishing, 2009.
223. Fast J. Body Language. London, Sydney: Pan Books, 1970.

224. Fischer R. Sources of Conflict and Methods of Conflict Resolution. PhD Thesis, The American University, 2000.
225. Franke M. Semantic meaning and pragmatic inference in noncooperative conversation. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2010.
226. Grice, H.P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics, vol.3 edited by P. Cole and J. Morgan. London: Academic Press, 1975. – pp. 41-58.
227. Guererro L., Floyd K. Nonverbal Communication in Close Relationships. London: Routledge, 2006. – 332 p.
228. Hall J.A. Gender, Gender-Roles and Nonverbal Communication Skills // Skills in Nonverbal Communication: Individual Differences. Cambridge, 1979.
229. Hall J.A. Nonverbal Sex Differences: Communication, Accuracy and Expressive Styles. Cambridge, 1984.
230. Hall J.A., Veccia A.M. More "Touching" Observations: New Insights on Men, Women, and Interpersonal Touch // Journal of Personality and Social Psychology. L., Northeastern University, 1992.
231. Henley N.M., LaFrance M. Gender as Culture: Difference and Dominance in Nonverbal Behavior: Perspectives, Applications, Intercultural Insights. Lewinston, 1984.
232. James W. Psychology: Briefer Course. N.Y.: H.Holt&Co, 1993.
233. Johnson S. Watch Your F*cking Language. St. Martin's Griffin, 2004. – 112 p.
234. Kendon A. Some Functions of Gaze-Direction in Social Interaction // Social Encounters. Reading in Social Interaction. Harmondsworth, 1976.
235. Lakoff R. Language and women's place. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
236. Leech G. Principles of Pragmatics. London, N.Y.: Longman, 1983.
237. Mehrabian A. Silent Messages – A Wealth of Information About Nonverbal Communication (Body Language). Los Angeles, CA: self-published, 2009.
238. Mehrabian A. Silent Messages: Belmont: Wadsworth, 1971.

239. O'Connor J. *Cuss Control: The Complete Book on How to Curb Your Cursing*. Washington: Three Rivers Press, 2011. – 256 p.
240. Osgood C.E., Sebeok T.A. *Psycholinguistics. A Survey of Theory and Research Problems*. Baltimore: Waverly Press Inc., 1954. – 203 p.
241. Ruesch J., Kees W. *Nonverbal communication: notes on the visual perception of human relations*. Los Angeles, 1956.
242. Sagarin E. *The Anatomy of Dirty Words*. NY: Lyle Stuart, 1962. – 220 pp.
243. Sheidlower J. *The F-Word*. Oxford: OUP, 2009.
244. Sperber D., Wilson D. *Relevance. Communication and Cognition*. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
245. Thomas J. *The Dynamics of Discourse: A Pragmatic Analysis of Confrontational Cooperation*. PhD Thesis, University of Lancaster, 1986.

СПИСОК ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ

1. Аминов И.И. Проксемика и пространственные условия общения. 2005. Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2005/08/17/proksemika_i_prostranstvennye_uslovija_o_bshhenija.html (дата обращения: февраль 2016)
2. Арзунян Э.А. Слово о жесте. Режим доступа: <http://edvig.synnegoria.com/slovo-o-geste.htm> (дата обращения: февраль 2016)
3. Голев Н.Д. Речевой жанр сцора и инвективные сценарии в рассказах В.М. Шукшина, 2010
Режим доступа: <http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-9> (дата обращения: май 2016)
4. Изард К.Е. «Эмоции человека». 1980.
Режим доступа: <http://flogiston.ru/library/izard2> (дата обращения: май 2016)
5. Обелюнас Н.В. Предпосылки возникновения конфликта интерпретаций в публицистическом тексте, 2012
Режим доступа: http://siberia-expert.com/publ/predposylnki_vozniknovenija_konflikta_interpretacij_v_publicisticheskem_tekste_n_v_obeljunas/3-1-0-233 (дата обращения: май 2016)
6. Переверзева С.И. Невербальный коммуникативный акт утешения: материалы к построению словаря невербальных коммуникативных актов. М., 2009.
Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/59.htm> (дата обращения: март 2016)
7. Усачева О.Ю. Конфликтный диалог в Интернете (на материале политических форумов)
Режим доступа:
<http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/UsachevaO/UsachevaO.htm> (дата обращения: май 2016)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. The American Heritage Dictionary of the English Language. Режим доступа: <https://ahdictionary.com/> (дата обращения: июнь 2016) (AHD)
2. Collins Dictionary&Thesaurus. Glasgow: Harper Collins, 2005. – 1078 pp. (CDT)
3. Corpus of Contemporary American English. Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: май 2016) (COCA)
4. Macmillan Dictionary and Thesuarus. Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: июнь 2016) (MD)
5. Merriam-Webster's Learners Dictionary. Режим доступа: <http://www.learnersdictionary.com/> (дата обращения: июнь 2016) (MWD)
6. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Режим доступа: <http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: июнь 2016) (OLD)
7. The Online Slang Dictionary (American, English and Urban Slang) Режим доступа: <http://onlineslangdictionary.com/> (дата обращения: июнь 2016) (TOSD)
8. Princeton University Dictionary: WordNet. Режим доступа: <https://wordnet.princeton.edu/> (дата обращения: июнь 2016) (PUD)
9. Urban Dictionary Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: июнь 2016) (UD)
10. Vocabulary Dictionary. Режим доступа: <https://www.vocabulary.com/dictionary/> (дата обращения: май 2016) (VD)
11. Wordnik Режим доступа: <http://www.wordnik.com/> (дата обращения: июнь 2016) (WD)
12. Словарь лингвистических терминов. (под ред. Жеребило Т.В.) Назрань, 2010. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/lingvistic/> (дата обращения: июнь 2016) (СЛТ)

13.Лингвистический энциклопедический словарь (под ред. В.Н. Ярцева). М.: Советская энциклопедия, 1990. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: май 2016) (ЛЭС)

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Bukowski C. Women. NY: Ecco Press, 2004. – 291 p. (CB)
2. Darling J. The Taxi Driver’s Daughter. London: Penguin Books, 2004. (JD)
3. Faulks S. A Week in December. London: Hutchinson, 2009. – 392 p. (SF)
4. Finger A. Call Me Ahab. NY: Bison Books, 2009. – 206 p. (AF)
5. Gilbert E. Eat, Pray, Love. NY: Penguin, 2006. – 346 p. (EG)
6. Hailey A. The Evening News. NY: Dell, 2001. – 580 p. (AH)
7. Hornby N. About a Boy. London: Golancz, 1998. – 228 p. (NH)
8. Lancaster J. Capital. London: Faber and Faber, 2012. – 577 p. (JL)
9. Larsson S. The Girl with the Dragon Tattoo. Stockholm: Knopf, 2008. – 480 p. (SL)
10. Macintyre M. Whirligig. London: Short Books, 2013. – 304 p. (MM)
11. Mantel H. An Experiment in Love. London: Harper Perennial, 2004. – 250 p. (HM)
12. Perry T. Daddy’s Girls. London: Touchstone Books, 2007. – 612 p. (TP)
13. Perry T. Gold Diggers. London: Harper Collins, 2007. – 592 p. (TPG)
14. Perry T. Guilty Pleasures. London: Eleven Books, 2008. – 544 p. (TPP)
15. Perry T. Original Sin. London: HarperTorch, 2009. – 662 p. (TPO)
16. Schow D.J. Upgunned. NY: Thomas Dunne Books, 2012. – 320 p. (DJS)
17. Steel D. Fine Things. NY, 2005. – 377 p. (DS)
18. Thompson H.S. Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream. NY, 1998. – 204 p. (HT)
19. Weisenberg L. The Devil Wears Prada. NY: Anchor Books, 2006. – 432 p. (LW)

Приложение 1

Таблица №1 «Динамика эксплицитного конфликта с отрицательным завершением (пример 91)»

Инициатор конфликта (Мужчина)	Адресат (Женщина)
Конфликтоген - Верbalный (My wife is incompetent?)	1. ЭР ярости (Venetia glared at him – for once her upset was overtaken by her fury) 2. Тактика защиты: - Вербально (Incompetent? I'm not one of your staff.) - Невербально (фонационный НВК: she snarled)
Тактика обвинения: - Вербально (You've been forcing me to come to these ridiculous sessions, making me feel that this problem has been something to do with me.) - Невербально (фонационный НВК: replied Jonathon coldly)	ЭР шока (ПФР ступора: Venetia felt punch-drunk – so stunned, she could barely get her words out.)
Тактика ухода от конфликта: - Вербально (Do you want Gavin to drop you at the house? Let's not start this again.) - Невербально (специфическое невербальное действие: He got in the car.)	Маскировка ПФР слезоотделения (She bit hard on the inside of her lip. She was not going to cry in front of him.)
Тактика отказа: - Вербально (I'm not having some tart's eggs transplanted into my wife in	1. ЭР гнева (жестовый НВК: Venetia shook her head angrily.) 2. Инвективная тактика

<p>the name of children. We have the family to think about)</p> <ul style="list-style-type: none"> - Невербально (пantomimический НВК: Jonathon turned to face her; мимический НВК: his face impassive and cruel) 	<ul style="list-style-type: none"> - Вербально (Jesus, Jonathon you sound like a bloody Nazi.)
<p>Тактика ухода от конфликта:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (Now, are you getting in the car?) 	<p>Тактика отказа:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Невербально (специфическое невербальное действие: She pulled her coat collar further up around her neck; жестовый НВК: shook her head)
<p>Тактика прерывания контакта:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (Please, Venetia. Get a grip. Can you please make sure you're in a better mood?) - Невербально (специфическое невербальное действие: Jonathon slammed the car door) 	
<p>Отрицательное завершение</p>	

Таблица №2 «Динамика эксплицитного конфликта с отрицательным завершением (пример 92)»

Инициатор конфликта (женщина)	Адресат (мужчина)
	<p>Конфликтоген</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербальный (Er, JJ and Rich, Ant and a few others are in town. I said we might go out to celebrate.)
Тактика отказа:	Тактика успокоения и

<ul style="list-style-type: none"> - Вербально (I'm not going anywhere! Not tonight of all nights!) - Невербально (проксемный НВК: she stood up; специфическое невербальное действие: wrapped the blanket around her like a toga) <p>Тактика упрека:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (Nat, what are you thinking?) <p>Тактика запрета:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (They are not coming in!) - Невербально (фонационный НВК: spat Camilla) 	<p>подбадривания:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (Jesus, Cammy, lighten up!) <p>Тактика оправдания:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (I found out this afternoon they were in town. There's a party going on at JJ's chalet. What was I supposed to say when they rang up?) <p>Тактика ухода от конфликта:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (Anyway. I knew we'd be celebrating) - Невербально (мимический НВК: he smiled; тактильный НВК: trying to wrap his arms around her)
<p>Тактика упрека:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (You can never leave it alone, can you?) - Невербально (фонационный НВК: she hissed; специфическое невербальное действие тактильно-проксемного характера: pushing him away) 	<p>Тактика успокоения:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (What can't I leave alone?) - Невербально (фонационный НВК: asked Nat, in a soothing, placating voice)
<p>Тактика обвинения:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (The friends, the parties. Even on the night you bloody propose.) 	<p>Тактика ухода от конфликта:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (Baby, you know you love me!) - Невербально (жестовый НВК: Nat shook his head; миремический НВК: flashed her a patronizing look; проксемный НВК: he reached for the

	door)
Тактика прерывания контакта: - Невербально (Camilla ran back upstairs into the bedroom)	
Отрицательное завершение	

Таблица №3 «Динамика эксплицитного конфликта с положительным завершением (пример 93)»

Инициатор конфликта (Женщина)	Адресат (Мужчина)
	Конфликтоген - Вербальный (шутка: No, I'm not doing a bloody parrot magazine. That was a joke.) - Невербальный (фонационный НВК: Nick started laughing – a deep, loud laugh.)
ЭР обиды и раздражения (жестовый НВК как маскировка ПФР покраснения: She bowed her head to stop him seeing her cheeks burn red; специфическое невербальное действие: began to rummage around in her bag, trying to find her mobile to call a taxi)	Тактика прекращения конфликта (специфическое невербальное действие: Nick was reaching for the black leather portfolio)
Тактика отказа: - Вербально (I wasn't giving you that) - Невербально (фонационный НВК: she snapped)	Тактика уступки: - Вербально (Then why are we here? I'm not the KGB! If you're worried about me pinching your idea, which of course I won't, I am quite happy to sign

	<p>a NDA.)</p> <ul style="list-style-type: none"> - Невербально (фонационный HBK: laughed Nick more softly; жестовый HBK: putting his palms up in surrender)
<p>Тактика уступки:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (OK. I trust you) - Невербально (специфическое невербальное действие: pushing the folder across to him) 	
Положительное завершение	

Таблица №4 «Динамика эксплицитного конфликта с положительным завершением (пример 94)»

Инициатор конфликта (Мужчина)	Адресат (Женщина)
	<p>Конфликтоген</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербальный (If you're going to come, you should at least come with good grace)
<p>ЭР раздражения</p> <ul style="list-style-type: none"> - Невербально (фонационный HBK: snorted irritably) <p>Тактика отказа:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (I object because you don't even seem to be trying to get ready. You know I'm in a hurry this morning. I've got back-to-back meetings all afternoon and, frankly, I have better things to be doing than sitting here with you) - Невербально (миремический HBK: 	<p>Тактика успокоения:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (Don't be like that, darling) - Невербально (проксемный HBK: Venetia went behind his chair; тактильный HBK: wrap her arms around him, kissing the back of his neck gently; фонационный HBK: said softly) <p>Тактика убеждения:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (We don't have to be there until ten and, really, it shouldn't take

<p>Jonathon looked up sharply; фонационный НВК: he responded tartly)</p>	<p>long)</p>
<p>Тактика отказа:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Невербально (специфическое невербальное действие тактильно-проксемного характера: He shook her off and pushed his chair back noisily across the terracotta floor; специфическое невербальное действие кинетического характера с адептерем: snatching up his mobile phone from the table) <p>Тактика ухода от конфликта:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (Are you sure I have to go? How about I get Gavin to drop you off on the way to my office?) - Невербально (фонационный НВК: he asked coldly; специфическое невербальное действие: one ear fixed to his mobile) 	<p>Отрицательная ЭР (ПФР слезоотделения: Venetia felt the familiar rush of hot tears prickling behind her eyes)</p> <p>Тактика убеждения:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (You have to come. I need you) - Невербально (фонационный НВК: she whispered)
<p>Тактика примирения:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (You need me? Very well. Fine. Well, hurry up, get dressed then) - Невербально (мимический НВК: The corners of his mouth turned upwards slightly) 	
<p>Положительное завершение</p>	

Таблица №5 «Динамика имплицитного конфликта с отрицательным завершением (пример 112)».

Инициатор конфликта (Женщина)	Адресат (Женщина)
<p>Конфликтоген</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (However, we have more important things to worry about.) <p>Тактика унижения:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (I started the meeting because we need to start getting things done. I spoke to Jennifer's publicist last night and it looks like the April cover isn't going to happen.) - Невербально (фонационный НВК: paused dramatically; специфическое невербальное действие: playing smugly with the five-carat Asscher-cut engagement ring on her finger) 	<p>ЭР удивления</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально ('What do you mean, isn't going to happen? We've done the shoot. We've designed the cover. It looks great. Bloody hell. We go to press in a week. What went wrong?') - Невербально (ПФР дрожи: Cate felt panic starting to flutter around her body)
<p>Тактика вызова:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (We said we'd give picture approval and when we sent the images over to her publicist – well, they don't like the shoot.) - Невербально (мимический НВК: Nicole pursed her lips into a self-satisfied smile that said, 'So, what are you going to do about that?') 	<p>Тактика прерывания контакта:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Невербально
Отрицательное завершение	

Таблица №6 «Динамика имплицитного конфликта с отрицательным завершением (пример 113)».

Инициатор конфликта (Женщина)	Адресат (Мужчина)
Конфликтоген - Невербальный (The couple turned round, and suddenly they came face to face with William Walton and Nicole Valentine)	ЭР удивления - Вербально (Catherine Balcon. Erm, hi...) - Невербально (ПФР мимического характера: Walton's mouth dropped open; ПФР фонационного характера: was stumbling over his words; ПФР динамики цвета лица (покраснения): his face flushing slightly)
Симуляция ЭР удивления: - Вербально (William. Nicole. What a surprise) - Невербально (фонационный НВК: said Cate in a flat voice)	Тактика самопрезентации: - Вербально (Getting them excited about Nicole's appointment to editor and Class's imminent relaunch.) Тактика унижения: - Вербально (On a mini-break are we?) - Невербально (мимический НВК: smiled smugly at Cate; жестовый НВК: cocked her head to the side; фонационный НВК: asked sugary-sweetly)
Тактика самопрезентации: - Вербально (Actually, no. We're here for the same reason you are. We're in the middle of a launch ourselves) - Невербально (фонационный НВК: said Cate with as much confidence as she could muster)	Тактика унижения: - Вербально (So we hear. Surprised you got the money to be honest.) - Невербально (маскировка мимического НВК: trying to repress a smirk; мимический НВК: His lips were drawing into a thin, sly smile)
Тактика самопрезентации:	Тактика унижения:

<ul style="list-style-type: none"> - Вербально (Well, our investors were very impressed with both the product and the team. I think we're going to do very well. Very well indeed.) - Невербально (миремический HBK: Cate met his gaze firmly; фонационный HBK: she replied pointedly) 	<ul style="list-style-type: none"> - Вербально (Don't go trying to poach any of your old colleagues. Not that you could afford them) - Невербально (мимический HBK: he stopped to grin wolfishly)
<p>Отрицательная ЭР</p> <ul style="list-style-type: none"> - Невербально (миремический HBK: Cate's eyes narrowed) <p>Тактика прерывания контакта:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Вербально (Goodbye, William. Goodbye, Nicole. Have a good time in Milan.) - Невербально (проксемный HBK: they moved away; мимический HBK: smiled as sweetly as she could) 	<p>ЭР раздражения</p> <ul style="list-style-type: none"> - Невербально (ПФР изменения температуры тела: fuming; миремический HBK: stared back)
<p>Отрицательное разрешение</p>	

Приложение 2

Опросник «Конфликтное взаимодействие».

Данный опрос является частью настоящего диссертационного исследования и направлен на подтверждение (или опровержение) некоторых гипотез, выдвигаемых в нем. Прошу Вас ответить на вопросы ниже. Спасибо.

Укажите Ваш пол *

- Мужчина
- Женщина

Укажите Ваш возраст *

- 18 - 25
- 26 - 35
- 36 - 45
- 46 - 55
- 56 - 65
- 66 и более

Укажите Ваше образование *

- среднее
- неоконченное профессиональное среднее
- профессиональное среднее
- неоконченное высшее
- высшее

Наиболее частым конфликтогеном, на ваш взгляд, является: *

Конфликтоген — слова или действия, порождающие или способные привести к конфликту.

- Слово - сказанное участником беседы (вербальный компонент)
- Действие - жест или поступок участника беседы (невербальный компонент)
- Оба варианта

Инициаторами конфликта чаще всего являются: *

- Женщины
- Мужчины
- И те, и другие в равной степени
- Затрудняюсь ответить

Отличаются ли невербальные реакции и действия мужчин и женщин, участвующих в конфликте? *

- Да, отличаются
- Нет, не отличаются
- Затрудняюсь ответить

Какие невербальные действия и реакции свойственны инициатору конфликта? *

Например, покраснение, учащенное дыхание, активная жестикуляция и др.

Используете ли Вы инвективу в конфликтных ситуациях? *

Инвектичная (оскорбительная) лексика — лексика, унижающая честь и достоинство другого лица, выраженная в неприличной форме, которая контрастирует с принятыми в обществе нормами.

- Да, использую
- Нет, не использую

Инвектичная лексика из каких нижеперечисленных подгрупп обладает наибольшим экспрессивным потенциалом?

Если Вы положительно ответили на предыдущий вопрос, ответьте, пожалуйста, и на этот. В скобках даны примеры из англоязычной художественной литературы.

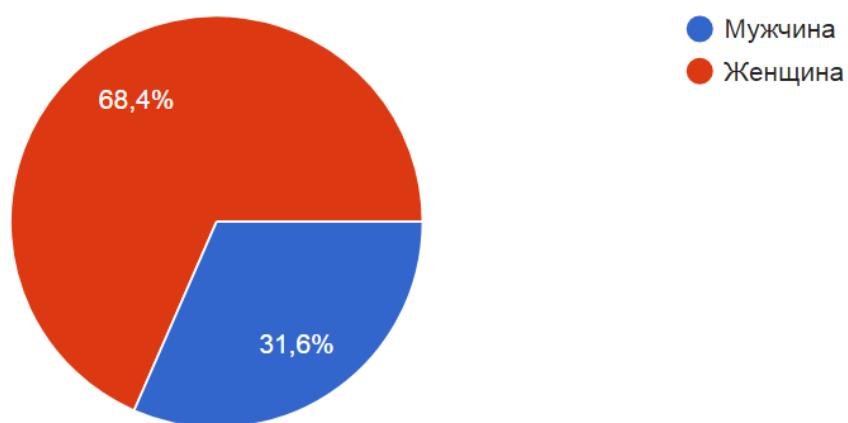
- Биологическая природа человека ("dickless little wimp", "ugly, dog-faced bitch")

- Интеллектуально-волевая сфера человека ("fool", "moron")
 - Мораль, воспитание и общественные устои личности ("rotten son-of-a-bitch")
 - Эмоционально-психологические особенности индивида ("cold-hearted bitch")
 - Социальная сфера человека ("bum", "washed-up, gold-digging little coke-head")
 - Гендерные инвективы ("whore", "ignorant chicken", "guttless pansy")
-

Результаты опроса.

Укажите Ваш пол

187 ответов

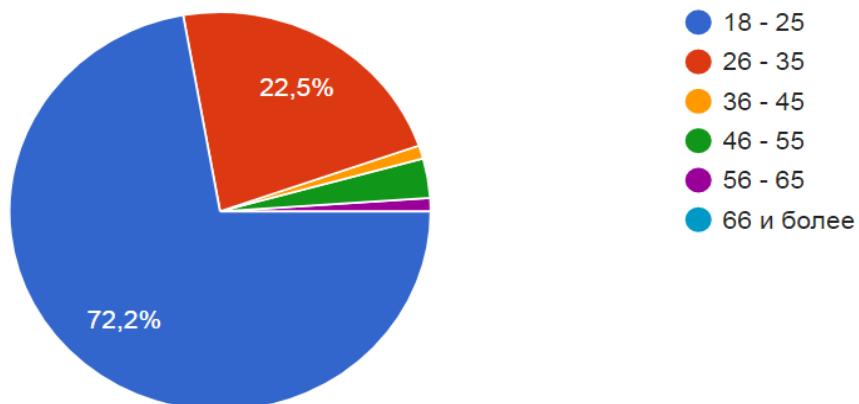

Мужчина – 31,6% (59 человек)

Женщина – 68,4% (128 человек)

Укажите Ваш возраст

187 ответов

18-25 – 72,2% (135 человек)

26-35 – 22,5% (42 человека)

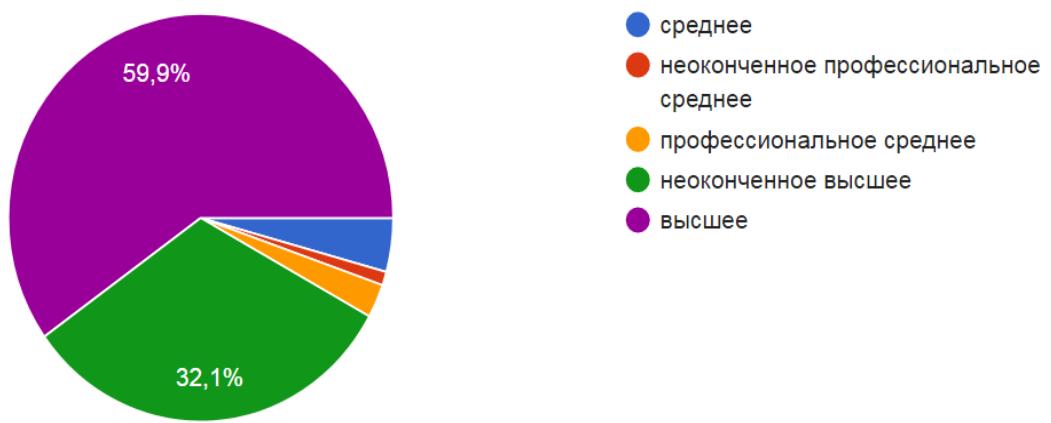
36-45 – 1,1% (2 человека)

46-55 – 3,2% (6 человек)

56-65 – 1,1% (2 человека)

Укажите Ваше образование

187 ответов

Среднее – 4,3% (8 человек)

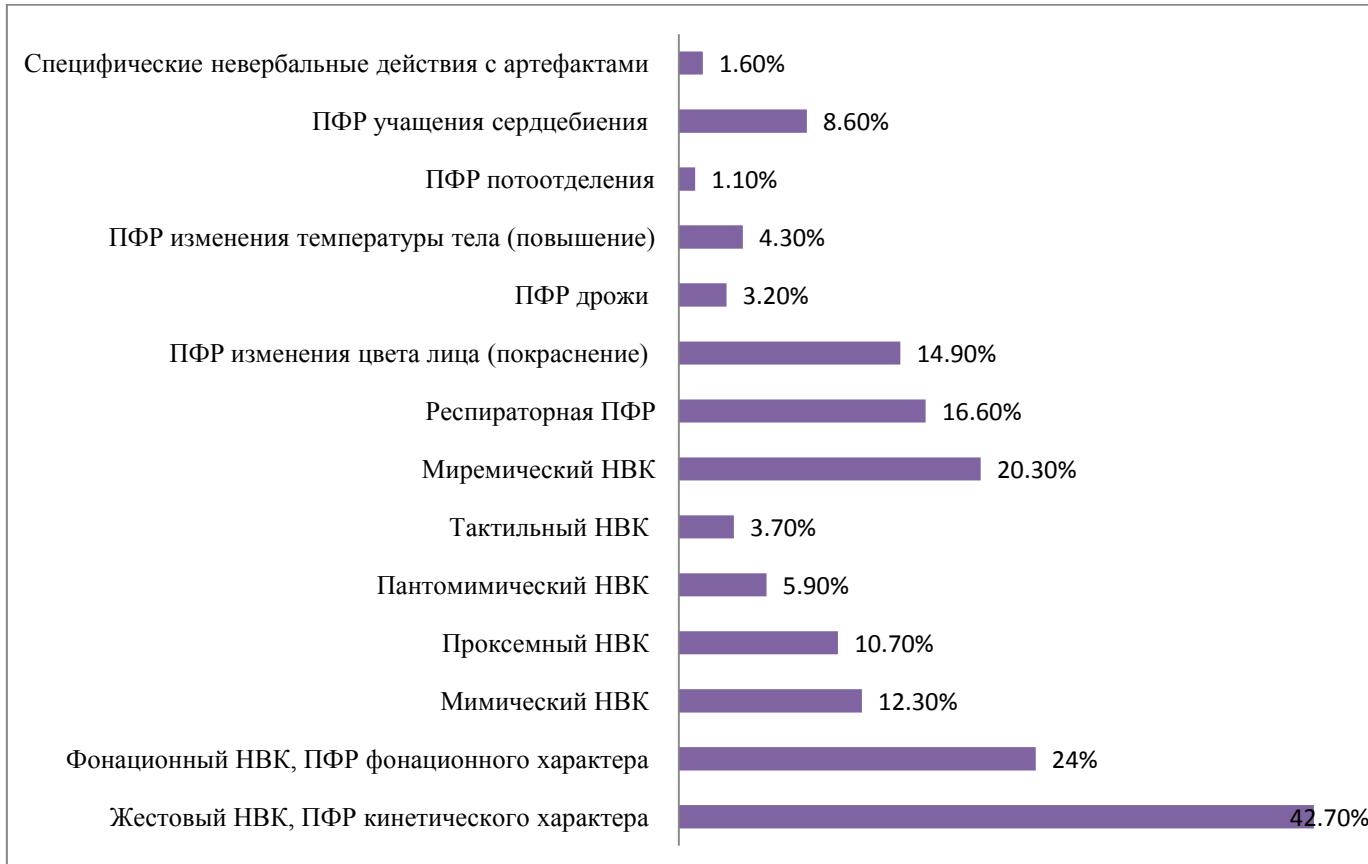
Неоконченное профессиональное среднее – 1,1% (2 человека)

Профессиональное среднее – 2,7% (5 человек)

Неоконченное высшее – 32,1% (60 человек)

Высшее – 59,9% (112 человек)

Какие невербальные действия и реакции свойственны ИК?

Жестовый НВК, ПФР кинетического характера – 42,7% (80 человек)

Фонационный НВК, ПФР фонационного характера – 24% (45 человек)

Мимический НВК – 12,3% (23 человека)

Проксемный НВК – 10,7% (20 человек)

Пантомимический НВК – 5,9% (11 человек)

Тактильный НВК – 3,7% (7 человек)

Миремический НВК – 20,3% (38 человек)

Респираторная ПФР – 16,6% (31 человек)

ПФР изменения цвета лица (покраснение) – 14,9% (28 человек)

ПФР дрожи – 3,2% (6 человек)

ПФР изменения температуры тела (повышение) – 4,3% (8 человек)

ПФР потоотделения – 1,1% (2 человека)

ПФР учащения сердцебиения – 8,6% (16 человек)

Специфические невербальные действия с артефактами – 1,6% (3 человека)

Наиболее частым конфликтогеном, на ваш взгляд, является:

187 ответов

Слово – 54% (101 человек)

Действие – 9,6% (18 человек)

Оба варианта – 36,4% (68 человек)

Инициаторами конфликта чаще всего являются:

187 ответов

Женщины – 33,7% (63 человека)

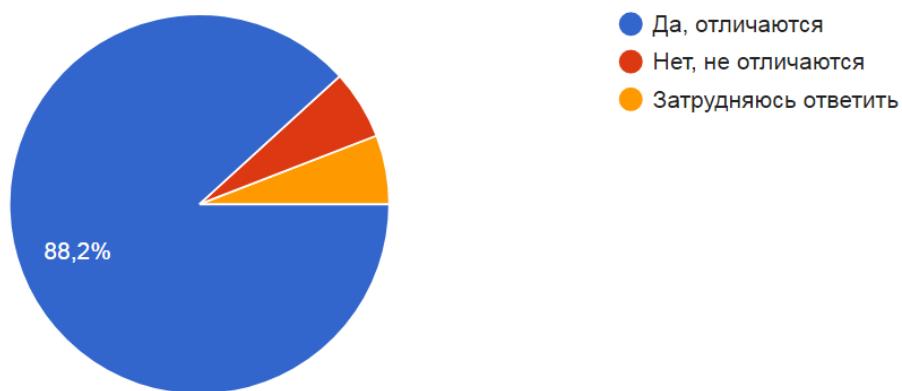
Мужчины – 2,7% (5 человек)

И те, и другие в равной степени – 58,3% (109 человек)

Затрудняюсь ответить – 5,3% (10 человек)

Отличаются ли невербальные реакции и действия мужчин и женщин, участвующих в конфликте?

187 ответов

Да – 88,2% (165 человек)

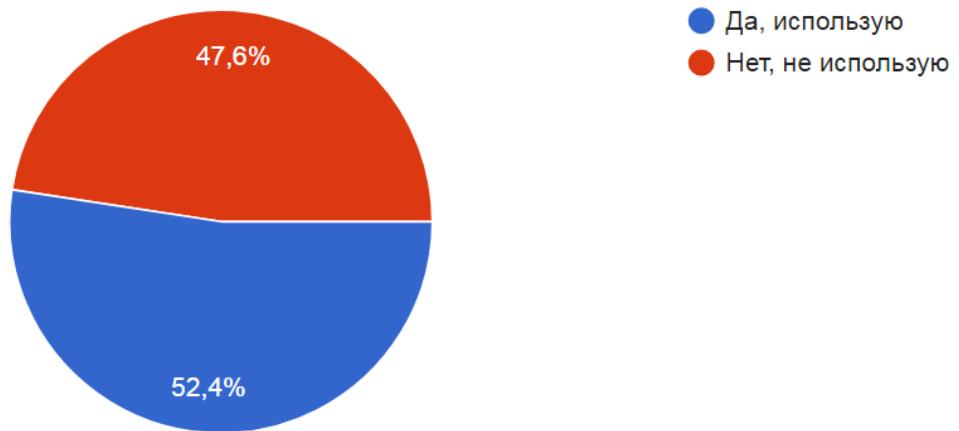
Нет – 5,9% (11 человек)

Затрудняюсь ответить – 5,9% (11

человек)

Используете ли Вы инвектику в конфликтных ситуациях?

187 ответов

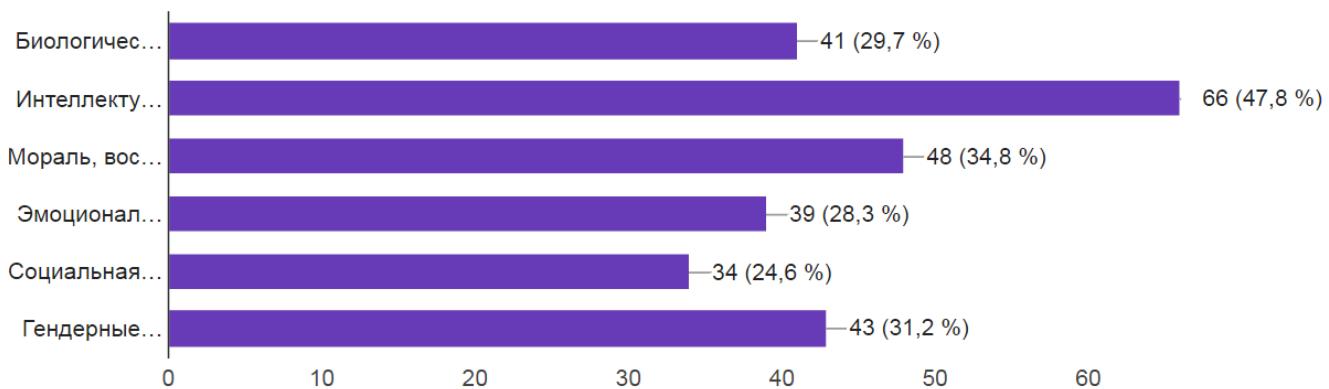

Да – 52,4% (98 человек)

Нет – 47,6% (89 человек)

Инвектичная лексика из каких нижеперечисленных подгрупп обладает наибольшим экспрессивным потенциалом?

138 ответов

Биологическая природа человека – 29,7% (41 человек)

Интеллектуально-волевая сфера человека – 47,8% (66 человек)

Мораль, воспитание и общественные устои личности – 34,8% (48 человек)

Эмоционально-психологические особенности индивида – 28,3% (39 человек)

Социальная сфера человека – 24,6% (34 человека)

Гендерные инвективы – 31,2% (43 человека)